

Восточный архив

№ 2 (28), 2013

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге
«Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом востоковедения РАН

Адрес редакции: 103031, Москва,
Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____

Объем 12,0 п. л.
Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы

© Институт востоковедения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Лещенко Н.Ф. Несостоявшееся свидание. Письмо коменданту Сан-Франциско о кончине Н.П. Резанова ...	4
Хохлов А.Н. Дунганское восстание в Китае 1860–1870-х годов и поездки академика В.П. Васильева в Кульджу в 1890 году	7
Лисицына Н.Н. Как Якуб-хан дракона убил, или Сотворение героя по-британски	20
Горбунова Н.М. Российская плавучая выставка в Восточном Средиземноморье в начале XX века	22
Бухерт В.Г. О плане научной экспедиции Б.А. Федченко в Персию и Турцию. 1916 год	28
Кадырбаев А.Ш. Армянская диаспора и Дашнакцутюн в Туркестане. 1917–1921 годы	32
Хохлова В.П. «По пустыне, по Сахаре высунув язык!» Русские во французском Иностранном легионе в начале 1920-х годов	40
Зайцев И.В. Письма В.В. Бартольда И.Н. Бороздину	58
Хазанов А.М. «Поколение Кабрала»: путь в революцию (Окончание)	64
Длужневская Г.В. Фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН	79
Воловников В.Г. Смейтесь, глядя на врага. О монографии Т.А. Филипповой «Враг с Востока»	90
Памяти коллеги и друга. О.А. Гундогдыев (1966–2013) ...	95
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 2 (28), 2013

CONTENTS

Editor's notes	3
Leschenko, Nelly. Letter to commandant of San-Fransisco on the death of Nicolay Rezanov	4
Khokhlov, Alexander. Dungan insurrection of the 1860s and 1870s and the trip of Academician Vassiliy Vassiliev to Kul'ga in 1890	7
Lisitsina, Natalia. How Yaqoub-khan killed a dragon, or Making a hero in a British way	20
Gorbunova, Natalia. Russian floating exhibition in the Eastern Mediterranean at the beginning of XX century	22
Buhert, Vladimir. Plans of Prof. Boris Fedchenko for a scientific expedition to Persia and Turkey in 1916	28
Kadyrbaev, Alexander. Armenian community and Dashnaqtsutyun in Turkestan. 1917–1921	32
Khokhlova, Valentina. Russians in the French Foreign Legion at the beginning of the 1920s	40
Zaitsev, Ilya. Letters of Prof. Vassiliy Bartold to Prof. Ilya Borozdin	58
Khazanov, Anatoliy. Generation of Amilcar Cabral: the road to revolution (the last part)	64
Dluzhnevskaya, Galina. Funds of the photographic archive of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences	79
Volovnikov, Vladimir. On the book "Enemy from the East" by Tatiana Filippova	90
Obituary. Dr. Omez Gundogdyev (1966–2013)	95
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Прежде всего хочу сообщить, что начата подготовка к III Международной научной конференции «Архивное востоковедение». Ее планируется провести в ИВ РАН 12–14 ноября будущего года. Одно заседание мы намерены посвятить Первой мировой войне, отметив тем самым столетие с ее начала. Поскольку оргкомитет не имеет возможности оплатить иногородним участникам конференции расходы на билеты до Москвы и проживание в гостинице, то советую уже сейчас запланировать командировку. Заявки на участие в конференции просьба направить до 1 января. Требования к тезисам докладов таковы: не более 2000 знаков, кегль 14, интервал 1,5, формат Word. Просьба присылать тезисы на адрес оргкомитета или журнала не позднее 1 мая, поскольку они будут опубликованы до начала конференции. Что же касается статей, подготовленных на основе докладов, то их, как обычно, мы будем публиковать в нашем журнале. Хочу привести в этой связи известную истину: «Краткость – сестра таланта». Оптимальный объем статьи для журнала – 0,5 а.л. Такие статьи будут быстрее опубликованы, их больше войдет в номер, что сделает журнал разнообразнее и интереснее.

Напомню, что I Международная научная конференция «Архивное востоковедение» проходила в июне 2008 г. по инициативе редколлегии «Восточного архива». Ее участники – преимущественно авторы журнала – договорились тогда проводить такие конференции каждые три года. Вторая конференция состоялась в ноябре 2011 г., так что в году будущем, 2014-м, мы просто обязаны вновь собраться вместе.

А теперь о содержании нынешнего номера «Восточного архива». География вошедших в него статей весьма обширна – от Китая до Африки, и, думаю, многие страноведы наверняка найдут в журнале интересующие их материалы. Тематика большинства статей традиционна: Россия и Восток. На два материала хотел бы обратить ваше внимание.

Во-первых, это публикация В.П. Хохловой – письма русских эмигрантов, завербованных во французский Иностранный легион и отправленных служить в Африку. Письма-просьбы, письма-мольбы, письма-исповеди. Эти уникальные документы планировалось включить в третий сборник, посвященный нашим соотечественникам, которых судьба забросила в Африку. Первые два сборника (Российская диаспора в Африке, М., 2001; Африка глазами эмигрантов, М., 2002) были подготовлены группой сотрудников Института Африки РАН во главе с доктором исторических наук А.Б. Летневым. Третий сборник довести до печати так и не удалось: 25 января нынешнего года Артём Борисович скончался. Все те, кто имел счастье сотрудничать с ним, в том числе и ваш покорный слуга, никогда не забудут этого редкой интеллигентности человека*.

Во-вторых, это материал Г.В. Длужневской. Галина Вацлавовна, наш давний автор, подготовила для читателей журнала обзор фондов фотоархива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). В этом не имеющем себе равных в России хранилище (900 тыс. единиц!) далеко не всё имеет отношение к Востоку. Но для того, чтобы востоковед мог выбрать интересующие его фотодокументы, он должен иметь представление об архиве в целом, поскольку такие фотодокументы отложились едва ли не во всех фондах. Охват всего фотоархива – главное достоинство материала. Но Г.В. Длужневская еще и снабдила его основной библиографией, относящейся к тому или иному фонду. Из-за размеров материала его приходится публиковать в двух номерах, но, полагаю, что это не создаст неудобства, ведь у «Восточного архива» верные читатели.

В.В. Беляков

---

* Об А.Б. Летневе см.: Антошин А.В. 60 лет в африканистике // Азия и Африка сегодня, 2013, № 6, с. 72–77.

Н.Ф. Лещенко

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Письмо коменданту Сан-Франциско о кончине Н.П. Резанова

26 июля 1803 г. из Кронштадта в кругосветное плавание отправились два шлюпа – «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна и «Нева» под командованием Ю.Ф. Лисянского. В организации кругосветного плавания принимала участие и Российско-Американская компания (РАК), которая была заинтересована в открытии более безопасного и дешевого пути доставки грузов в русские владения в Северной Америке – не сухим путем через всю Сибирь, а водным.

На шлюпе «Надежда» в Японию отправлялась дипломатическая миссия во главе с Н.П. Резановым. Но поскольку он был одним из инициаторов учреждения РАК, то ему поручалось также наладить снабжение жителей русских владений в Северной Америке продуктами, выяснить, какие товары там можно производить, чтобы потом продавать их в Японии, решить на месте, как можно улучшить повседневную жизнь, наладить отношения с коренным населением.

Одной из причин назначения Александром I Н.П. Резанова посланником в Японию было его печальное состояние: он похоронил жену, с которой, по его словам, прожил восемь лет в счастливом браке. Поэтому царь полагал, что столь длительное путешествие отвлечет Н.П. Резанова от горестных мыслей.

26 сентября 1804 г. шлюп «Надежда» вошел в Нагасакский залив. 24 марта 1805 г. Резанову был зачитан ответ сёгуна Иэнари с отказом в установлении дипломатических и торговых отношений с Россией¹.

Из Японии Резанов прибыл на Камчатку, а поскольку шхуна «Надежда» нуждалась в ремонте, то у бостонского купца Вульфа был куплен бриг «Мария», переименованный в «Юнону», на котором Резанову предстояло добраться до берегов Русской Америки. Картину он там застал пла-

чевную, население страдало от голода и цинги. Учитывая такое бедственное положение русских поселенцев, решено было идти за продовольствием в Калифорнию, что было делом совсем не безопасным. Калифорния принадлежала тогда Испании, союзнице Наполеона, а Россия числилась его противником. Из полученной почты Резанов знал о поражении российско-австрийских войск в декабре 1805 г. под Аустерлицем. Риск был велик, но другого выхода не было. И в феврале 1806 г. «Юнона» под управлением лейтенанта Хвостова, опытного моряка, вышла в море. Через месяц плавания бриг достиг залива Сан-Франциско. У русских кончалось продовольствие и вода, были заболевшие цингой, сильный ветер и необходимость ремонта судна вынуждали зайти в первый встречный порт. В Сан-Франциско Резанов послал всем значительным лицам подарки, чем расположил испанцев. Власти пообещали помочь русским с продовольствием. В доме коменданта крепости д'Аргуэлло и произошло знакомство его дочери, Консепсии, которую считали первой красавицей Калифорнии, с Резановым. Пятнадцатилетняя девушка влюбилась в человека намного ее старше: Резанову в марте исполнилось 42 года. Достоверного прижизненного портрета Резанова не сохранилось, но современники отмечали его красивую внешность, светские манеры, способность к иностранным языкам; он довольно быстро стал говорить и по-испански. Консепсия никогда до этого не встречала такого образованного и воспитанного человека, который резко выделялся на фоне грубоватых испанцев.

Резанов очень хорошо осознавал опасность своего положения в испанских владениях: если сведения о делах в Европе достигнут Калифорнии, то русские могут быть арестованы испанскими властями, а ему бы-

ло жизненно необходимо запастись продовольствием. Поэтому Резанову приходилось почти ежедневно бывать в доме коменданта д'Аргуэлло, общаться с Консепсией, и можно предположить, что любовь девушки нашла отклик в его сердце и обручение состоялось. Но на брак надлежало получить разрешение царя. Резанов хорошо осознавал всю щекотливость своего положения, но как будущий родственник коменданта он получил реальную возможность закупить необходимое продовольствие.

Прибыв из Сан-Франциско в Новоархангельск², Резанов послал Н.П. Румянцеву донесение. Есть разные варианты этого донесения, но наиболее полный и исправленный автором хранится в Архиве внешней политики Российской империи. Резанов подробно объяснял причины захода в Сан-Франциско: «Ваше сиятельство, из последних донесений моих к Вам, милостивому государю, и главному правлению компании довольно уже известно о гибельном положении, в каковом нашел я Российско-Американские области; известно о голоде, который терпели мы всю зиму при всем том, что еще мало-мальски поддержала людей купленная “Юноною” провизия; сведомо и о болезнях, в несчастнейшее положение весь край повергших, и столько же о решимости, с которою принужденным нашелся я предпринять путешествие в Новую Калифорнию... чтоб или – спасти область, или погибнуть». Но Резанов не мог умолчать и о личных обстоятельствах, хотя написал об этом с большой осторожностью, тщательно подбирая слова. Посещая почти каждый день дом д'Аргуэлло, пишет он, «решился... на серьезный тон переменить мои вежливости..., поселил я в ней нетерпеливость услышать от меня что-то посерьезнее до того, что лишь предложил ей руку, то и получил согласие»³.

В сентябре 1806 г. Резанов благополучно добрался до Охотска. Ему срочно надо было попасть в Петербург, чтобы встретиться с царем. Но почему-то отправился он в столицу по весьма трудному пути, верхом, не слушая ничьих советов об опасности такого путешествия. По дороге Резанов про-

валился под лед, простудился, но все равно продолжал свой путь и в Красноярск приехал совсем больным, где и скончался 1(13) марта 1807 г. Захоронен он был на самом почетном месте – в ограде Воскресенского собора. Об этом есть запись в метрической книге соборной Воскресенской церкви⁴.

Сохранилось предсмертное письмо Резанова М.М. Булдакову, который был женат на родной сестре его жены. «Из калифорнийского донесения моего не сочти, мой друг, меня ветреницей. Любовь моя у вас в Невском, под куском мрамора, а здесь – следствие энтузиазма и новая жертва отечеству. Консепсия мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня; я люблю ее и плачу о том, что нет ей места в сердце моем. Здесь, друг мой, как грешник на духу, каюсь, но ты, как пастырь мой, сохрани тайну»⁵.

Вопреки распространенному мнению Консепсия узнала о смерти Резанова спустя год. Печальную для нее весть доставил в Калифорнию И.А. Кусков, служащий Российско-Американской компании. Письмо (оно называется «отпуск») написано писарем на бумаге Ярославской бумажной фабрики. Один экземпляр, подписанный Булдаковым, Кусков отвез в Америку, он хранится предположительно в архиве в Бостоне, а другой находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки⁶. В 1965 г. это письмо читал Н.Н. Болховитинов, но текст полностью нигде не публиковался.

Вот текст этого письма:

Милостивый государь!

В бытность у нас в Америко-Российских NW-вых заселениях для обозрения областей, под начальством моим 18-ть лет состоящих, уполномоченной от государя императора нашего генерал двора его величества действительной камергер и кавалер, бывшей у японского двора полномочным послом Николай Петрович Резанов, – Вашему высокоблагородию неизвестная особа, который в 1806-м году имел удовольствие видаться с Вами на берегах Калифорнии, в крепости Санкт-Франциско, и приобрести Вашу, и всего высокоблагородного семейства благосклонность, – возвратился

благополучно в начале июня в порт Новоархангельск. А вышел в конце июля, старый стиль 27 числа, а новый – 9-го августа, следуя в Петербург: предстать с донесениями о вверенных ему комиссиях пред лице государю императору. Охотского порта достиг он с теми же, кои были у Вас с ним офицерами, в сентябре того же 806-го года, в коем и оттоль отправился до города Якутска, по многотрудному весьма пути, верховую ездою. На пути же сем застigli морозы и снега, жестоко изнурил себя и простудился, с трудом доведен до сказанного города, где и лечим был дней 10-ть доктором. А потом и до Иркутска доехал в слабом здоровье, а оттоль уже, следуя прямо в Петербург, занемог и скончался в городе Красноярске 1/13 числа марта месяца 1807-го года.

А как по особой ко мне благосклонности покойного его превосходительства извещен я, что в бытность в Санкт-Франциской крепости вступил он с Вашим высокоблагородием в обязанность родства, сговоря прекрасную дочь Вашу Концепцию в законную невесту, обнадежа возвратиться через 2 года к Вам. Между же тем, при отъезде, просил меня, при случающихся оказиях вояжирующих при здешних берегах иностранцев, писать к Вашему высокоблагородию и извещать об нем со изъявлением уверения, что выполнит он данное слово, в особливую честь себе поставляя, всеенно тшится будет, о чем и из Охотска в предписаниях своих подтвердить еще изволил, что непременно, чрез Кидьякской порт, Вашего отечества в ныне текущем, 808-м году, к Вам отправится.

Но вышнему провидению неугодно было исполнить горячее его к родству Вашему желание, – постиг преждевременно общий всем смертным предел, – а потому разрешиться должна обязанность и судьба Вашей прекрасной дочери свободою, о чем за долг себе вменил известить Ваше высокоблагородие при случившейся теперь оказии. Потеря сего именитого мужа для здешнего края, особливо для меня, крайне чувствительна и прискорбна, ибо ласкался по времени снискать и я Вашу благосклонность, а по близкому между нами соседству, завести

и коммерческую связь, с обоюдными пользами, на честных правилах, чего и ныне желая усердно. Покорнейше прошу осчастливить меня Вашим приятным ответом на том же самом, кое следует отсель по своим предметам, и буде близ калифорнских берегов американском судне.

В прочем, свидетельствуя особе Вашей принадлежащее почтение, вменяя себе в особливую честь, ежели позволите, быть и именования, милостивый государь, Вашим покорным слугой, Америко-Российских на NW и N областей правитель, коллежской советник, ордена Св. Анны 2-й степени кавалер Баранов.

Его высокоблагородию, королевской гишпанской службы американо-калифорнских крепостей господину коменданту Арвению.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 204. № 32.10. Л. 1-1об.

Концепсия так замуж и не вышла. В 1851 г. она приняла монашество и скончалась в 1857 г.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Леценко Н.Ф.* Посольства Н.П. Резанова (1803–1805) и Е.В. Путятин (1852–1855) в Японию // *Восточный архив*, 2009, № 1 (19). С. 22–33.

² Новоархангельск – центр Русской Америки, основан А.А. Барановым в 1799 г. на острове его имени на Аляске. С 1867 г. – г. Ситка.

³ *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ея до настоящего времени. СПб., 1863. С. 148–150.

⁴ Командор. Красноярск, 1995. С. 628.

⁵ Предсмертное письмо Н.П. Резанова первенствующему директору Главного управления РАК М.М. Булдакову. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1605 (коллекция Г.В. Юдина). Д. 273. Л. 1–2. Копия. Письмо опубликовано также: *Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера*. 1799–1815. М., 1994. С. 165–167.

⁶ Приношу сердечную благодарность главному хранителю Отдела рукописей РГБ О.Л. Соломиной, которая помогла мне найти это письмо среди документов РАК.

А.Н. Хохлов

ДУНГАНСКОЕ ВОССТАНИЕ В КИТАЕ 1860–1870-х ГОДОВ И ПОЕЗДКА АКАДЕМИКА В.П. ВАСИЛЬЕВА В КУЛЬДЖУ В 1890 ГОДУ

В истории маньчжурской династии Цин, правившей Китаем с 1644 по 1912 г., было немало восстаний некитайских народов против цинского режима. Наиболее значительным во второй половине XIX в. стало восстание дунган (хуй-цзу). Сначала оно охватило провинции Шэньси и Ганьсу, а затем в ходе его подавления цинскими войсками перекинулось на территорию Джунгарии и Кашгарии. Монголия, вошедшая в состав владений Цинской империи в 1691 г., тоже оказалась в сфере военных рейдов повстанцев-мусульман, пытавшихся путем ограбления наиболее богатых монастырей соседней Халхи пополнить свою казну.

О дунганском восстании в Китае 1860–1870-х годов существует немало статей и книг на разных языках, в том числе написанных до и после 1917 г. отечественными авторами (Я. Барабашем, М. Венюковым, Л.И. Думаном, М. Сушанло, А. Ходжаевым, Д. Исиевым и др.). Из наиболее важных и ценных работ в отечественной историографии по рассматриваемой нами проблеме следует указать первую публикацию Л.И. Думана (1906–1979) под названием «Русская и иностранная литература о дунганском восстании 1861–1878 гг. в Китае», вышедшую в свет в 1935 г.¹

Среди российских китаистов, оставивших заметный след в изучении роли ислама в политике, экономике и культуре Китая в период правления маньчжурской династии Цин, следует выделить академика В.П. Васильева (1818–1900), архимандрита Палладия – П.И. Кафарова (1817–1878) и Д.М. Позднеева (1865–1937). Каждый из этих китаеведов провел в Поднебесной немало лет и мог серьезно оценить значение ислама в жизни ее многонационального и многоконфессионального населения.

Особенно значителен вклад в отечественное исламоведение В.П. Васильева, свет-

ского члена Российской духовной (православной) миссии в Пекине в 1840–1850 гг., впоследствии профессора Казанского университета, а с 1855 г. – Санкт-Петербургского. Уже 21 апреля 1859 г. в газете «Русский дневник» он писал:

«Зная Китай и китайцев не по одним книгам европейским, но и по книгам китайским и по опыту десятилетней жизни, проведенной нами в Пекине, мы смело объявляем, что в отсталости [современного] Китая должно винить не народ, а правительство. Принадлежа к чужеземной (маньчжурской) расе по происхождению, оно смотрело на огромные и разнообразные [соседние] страны: Монголию, Джунгарию, Восточный Туркестан, Тибет и Китай как на свою добычу и с жадностью следило за тем, чтобы оградить эти страны от всякого соприкосновения с остальным миром... Восточный Туркестан, начиная от Кашгара до Хомула, со 2-го в. до Р.Х. был естественной дорогой из Персии, Рима, Византии и [арабского] халифата в Китай. Нынешнее китайское правительство заградило этот путь, как скоро [в 1750-х годах] овладело Туркестаном. Оно даже не позволяет его жителям и вообще всем без исключения подвластным ему магометанам выходить из [пределов] китайских владений для исполнения религиозной обязанности – странствовать в Мекку на поклонение Каабе».

В 1867 г., выступая в Санкт-Петербургском университете, В.П. Васильев, возглавлявший тогда кафедру китайского, маньчжурского и монгольского языков, произнес доклад «О движении магометанства в Китае», который в том же году был издан в виде брошюры с текстами на русском языке (30 стр.) и на китайском (13 стр.)².

Еще до выступления В.П. Васильева с университетской кафедры о восстании му-

сульман в Китае российское правительство приняло решение не вмешиваться во внутренние дела соседней Цинской империи. Как сказано в докладной записке от 1 августа 1864 г. на имя директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова, «правительство наше, почитая противным интересам России поддерживать власть [цинского] Китая, решилось держаться относительно инсургентов начал нейтралитета». Со ссылкой на высочайше одобренный доклад военного министра Д.А. Милютина в записке указывалось: «Китайцам, усиленно просящим о [военной] помощи, было в ней отказано. С другой стороны, дунганам и таранчам был воспрещен доступ на нашу территорию и всякие сношения [их] с нашими киргизами»³.

28 декабря 1864 г. (по старому ст.) П.Н. Стремоухов направил главе военного ведомства, а также представителям высшей администрации Восточной и Западной Сибири (М.С. Корсакову и А.И. Дюгамелю) «Записку о дунганах», составленную бывшим генеральным консулом в Кульдже И.И. Захаровым – коллегой В.П. Васильева по пребыванию в Пекине в 1840–1850-х годах в составе Российской духовной миссии. В этой аналитической записке, содержащей исторические сведения о происхождении дунган (ошибочно идентифицированных с уйгурами), говорилось:

«В недавнее время восстание дунган с неимоверною быстротою распространилось в Западном крае Китайской империи, а потому естественно возбуждается вопрос, кто эти дунгане, в короткое время поколебавшие власть маньчжурского правительства как на северной Тяньшаньской линии, составляющей бывшую Чжунгарию, так и на южной, т.е. в [китайском] Туркестане, у нас называемом Малою Бухарию...

При настоящей династии [Цин] они уже неоднократно подымали бунт против маньчжуров, но вследствие политических или религиозных идей доселе это осталось не разъясненным... Настоящее же движение между ними против [цинского] правительства началось, как известно, в 1862 г.

вследствие общей с тайпинами ненависти к маньчжурам или по другим причинам, это также остается до сих пор неизвестным.

Восстание дунган началось в [провинции] Шаньси и распространилось в [провинциях] Ганьсу, Сычуань и даже Юньнань, так что само правительство насчитало бунтовщиков, взявшихся за оружие, более 100 тыс. чел. Так как со времени покорения Чжунгарии [в 1750-х годах] дунгане вместе с китайцами стали переселяться в этот опустошенный [войной], но богатый природою край, то в одном только Кульджинском округе ныне считается более 60 тыс. семейств [дунган], а в Урумчи – несравненно более того, и потому удалившиеся из [провинции] Ганьсу инсургенты [легко] нашли сочувствие своим планам среди местных дунган Западного края. К тому же в Урумчийском округе располагался корпус китайских войск (до 20 тыс. чел.), так называемых войск зеленого знамени [луциин], составленный из вольных наемников... собственно из народа, а не из привилегированного военного сословия [цижэнь] – маньчжуров и монголов, и между этими охотниками, [служившими по найму], более всего было дунган. Большинство офицеров также было из этого же племени, и даже помощник корпусного командира сам являлся дунганином. Таким образом, в конце настоящего года дунгане в Урумчи под предводительством этого помощника и совокупно с солдатами поднялись (карандашная редакторская помета – «восстали». – А.Х.) в г. Урумчи и его окрестностях против маньчжурских властей и, взяв город, сожгли и разграбили его.

Город этот как центр торговли и промышленной деятельности всего Западного края весьма населен (в нем, как полагают, до 2 млн. жителей), и здесь находятся большие склады [различных] товаров. Инсургенты при взятии его, как единогласно рассказывали в Чугучаке и чиновники, и купцы, вырезали до 130 тыс. жителей всякого возраста и сожгли товарные склады. Одного байхового чая [было уничтожено] более 31 тыс. мест.

После занятия инсургентами гор. Урумчи всякое сообщение как правительства, так и частных лиц с Кульджой и Чугучаком было прервано, так что местные маньчжурские власти сносятся с Пекином через Кобдо и Уласутай.

Из Урумчи инсургенты далее пошли двумя партиями: одна направилась к Кульдже и достигла уже города Кур-Кара-усу, но здесь дальнейшее их движение было остановлено высланными из Кульджи [цинскими] войсками. Другая же [партия] из Урумчи через удобный проход в Тяньшаньском хребте, ведущий в [китайский] Туркестан, направилась в эту страну и здесь вскоре в г. Куча подняла местных жителей-туркестанцев, как единоверцев, на борьбу против маньчжурских властей. После овладения этим городом инсургенты двинулись дальше на запад и расположились в окрестностях г. Аксу, предварительно заняв горный проход Яньшанькоу, ведущий в Кульджу... откуда могла быть подана помощь. Город Аксу, через который лежат дороги: на север – в Кульджу, на юг – в Хотан, на запад – в Кашгар и Яркенд и, следовательно, являлся важной в стратегическом отношении базой, требовалось особенно стойко защищать. Поэтому комендант города направил все имевшиеся в его распоряжении войска и милицию для отражения нападения инсургентов, но все эти [цинские] войска были разбиты [повстанцами], и такое положение [враждующих сторон] оставалось без перемен до 7-й луны настоящего года.

Главный начальник всего Туркестана, явно опасаясь восстаний в остальных западных городах своей области – Кашгаре и др., требовал оказания помощи из Кульджи, но из-за того, что вышеупомянутый проход был в руках инсургентов, вряд ли мог рассчитывать на внешнюю помощь. К тому же жившие в Кульдже дунгане, сделавшие еще в 1862 г. неудачную попытку мятежа, всегда были готовы к новому восстанию, в силу чего илийское начальство не могло выделить из своих войск отряд для защиты туркестанских городов. И действительно, в октябре

стало известно, что кульджинские дунгане поднялись на борьбу с маньчжурами в городах, расположенных к востоку от Кульджи, и, по последним известиям, они уже близки к взятию самой Кульджи»⁴.

Подготовкой материалов о дунганском восстании в цинском Китае активно занимался наряду с другими лицами дипломат К.А. Гладкий, которого специально командировали в Омск для изучения донесений, поступавших туда с китайской границы. Сообщая о приключившейся с ним в дороге болезни, он 30 июня 1866 г. писал в Петербург П.Н. Стремоухову:

«Вследствие письма Вашего г-н генерал-губернатор Западной Сибири [А.И. Дюгамель] предоставил в мое распоряжение все официальные источники по делу о восстании дунган. Имея таким образом под рукою целую массу [документов об этом] событии, я увидел возможность привести их в некоторый порядок и на основании всех существующих [у меня] данных составить общее обозрение [с указанием] причин, хода и последствий восстания...

За исключением донесений наших консулов, могущих относиться к [происходящим] событиям более или менее критически, все остальные сведения, доставляемые генерал-майором Колпаковским⁵, часто требовали проверки. Собираемые [и сообщаемые] начальниками военных отрядов – людьми специально не знакомыми со страной и безразлично пользующимися всеми слухами и рассказами, сведения эти, особенно о начале восстания, были неясны и сбивчивы и заключали в себе много противоречий, так что в случаях [наличия в них] наиболее сомнительных фактов я был принужден прибегать к пособию частных лиц, по несколько лет живших в Китае и способных даже приблизительно отличить действительность от вымысла и вероятное от невозможного»⁶.

Об итогах командировки К.А. Гладкого глава Азиатского департамента 7 сентября 1866 г. сообщил графу Ф.Л. Гейдену, начальнику Главного Штаба военного ведомства:

«Ныне К.А. Гладкий представил в Азиатский департамент особую записку как о движениях [повстанцев] и успехах дунганского восстания, так и о влиянии инсurreкции на киргизов – наших подданных»⁷.

Почти одновременно с российскими дипломатами сбором материалов о дунганском восстании в соседнем Китае энергично занимались представители военного ведомства и, в частности, подполковники Гейнс и Гутковский, командированные в пограничную с Китаем Семипалатинскую область. В составленной ими 1 марта 1866 г. «Записке по поводу восстаний дунганей в Западном Китае» сообщалось:

«Исполняя возложенное на нас поручение, мы в прошлом 1865 г. пробыли четыре месяца в Семипалатинской области... Находясь так близко от мест, охваченных восстанием, мы старались пользоваться каждым случаем, могущим объяснить нам значение, характер и силу бунта дунган. По особенно счастливому случаю нам несколько раз удавалось говорить об этом предмете с людьми, близко знакомыми с дунганским восстанием. Таким образом, правитель Атабановских родов (Большой Орды) полковник султан Тезек, имевший непрерывные связи с самыми отдаленными частями Китая, посвятил нам целых два дня и весьма обстоятельно изложил весь ход восстания дунганей. Месяц спустя, когда мы были в укреплении Верном, в купеческом караване, пришедшем из Китайского Туркестана, оказался один кашгарец, знающий положение дел в [застенном] Китае. Он несколько раз рассказывал нам о восстаниях по северной и южной Тяньшаньским линиям...

Во время нашего пребывания в Семипалатинской области из китайских пределов бежали на нашу территорию киргизы Кизяевского рода и калмыки Олетского полка. Они охотно рассказывали нам про всё виденное и слышанное ими [в Западном Китае]... Потом нам помогли своими рассказами о китайских событиях копальские купцы...

Когда [же] отрывочные заметки, которые делались нами немедленно вслед за рассказами, были сведены в одно целое, появи-

лась возможность проверить большую или меньшую их достоверность. Еще более ясности получило для нас дунганское восстание, когда мы прочли всё [архивное] дело канцелярии губернатора Семипалатинской области о дунганах. Наконец, здесь, в Петербурге, изучив рукопись путешествия [Чокана] Валиханова в Кашгар, мы смогли заметить, что многое остававшееся для нас неясным после знакомства с историческою частью этого замечательного труда стало понятным. Про некоторые частности мы расспрашивали г-на [И.И.] Захарова, бывшего нашего генконсула в Кульдже и известного знатока китайской жизни»⁸.

Весьма любопытны сведения вышеупомянутой записки, касающиеся особенностей религиозной жизни и быта дунган, что отчасти видно из ее приводимого ниже пассажа:

«Дунгане носят китайскую одежду, имеют китайский тип лица и говорят на китайском языке. Они известны как чрезвычайно строгие и набожные мусульмане. Дунгане – сунниты, но придерживаются разных толков: одни следуют учению имама Шафие, другие – учению имама Ханифе. В дунганских мечетях молитвы читаются на арабском языке, комментарии же и пояснения производятся по-китайски. Дунгане подстригают усы по-мусульмански, не пьют вина и водки, не курят опиума и табака. В Средней Азии они известны своею честностью, особенно в торговых делах. Дунгане горячи, заносчивы и при ссорах сейчас же хватаются за ножи, которые они носят при себе»⁹.

Из других докладных записок о дунганском восстании 1860–1870-х годов, сохранившихся в российских архивах, не лишена интереса записка, составленная 17 апреля 1871 г. в Петербурге консулом в Кульдже К.И. Павлиновым. Ее полное название – «Докладная записка о восстании дунган в Западном Китае и об отношении к нему России». В первой части этой записки по поводу возможного объединения дунган и уйгуров в борьбе против цинского двора сказано:

«Сближение степной части мятежных дунган с кашгарцами и соединение в одно политическое... [целое] не может обойтись без взаимной борьбы за первенство или преобладание. Между кашгарцами есть ходжи – потомки Чингиз-хана, претенденты на власть [нынешних] правителей, а у дунган нет ничего династического, зато имеется большая сила гражданского развития, заимствованная от китайцев во времена совместной жизни и [торгово-]промышленной деятельности с ними. Пример Кульджи по уничтожению маньчжурской власти в ней показал, что таранчи [как и кашгарцы] не поддались дунганам, а обособились в самостоятельную общину с выборным старостою – из таранчей».

В другом месте упомянутой записки, подвергшейся редакционной правке дипломата и общественного деятеля Ф.Р. Остен-Сакена, по поводу невозможности вышеупомянутого союза сказано:

«Единственный соперник для дунган – это Якуб-бек, который, заняв враждебное положение к дунганским общинам в Урумчи и Турфане, надеется этим обеспечить свое обладание Кашгарией.

В дунганском восстании видна только одна разрушительная сила, а созидательной пока нигде не заметно. Китайское торговое движение на всем пространстве степного [застенного] Китая [почти полностью] прекращено... Прежняя власть, соединявшая разноплеменное население и уступившая силе мятежа, нигде не заменена владычеством дунган, к которому можно было бы отнести как к установившейся и организовавшей власти. Повсюду царствует анархия»¹⁰.

Подобной оценке дунганского восстания российского дипломата вполне соответствовала напряженная обстановка, сложившаяся на русско-китайской границе, как на кульджинском участке, так и на кашгарском. Это явствует, например, из цитируемого ниже письма Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана от 14 августа 1870 г. на имя министра иностранных дел князя А.М. Горчакова:

«В бытность мою в Семиреченской области в мае и июне сего года я имел возможность лично убедиться, что положение наше относительно китайских провинций – илийской и кашгарской – не только не упрочилось против того, что имело место осенью 1867 г., но даже сделалось еще более неопределенным и невыгодным вследствие постоянных смут, внутри Китая происходящих и отражающихся весьма вредно на наших пограничных делах. Я не скрываю пред Вашим Сиятельством, что не вижу другого исхода из этого тяжелого для края положения... как водворение прежних порядков в Западном крае... Полагал бы необходимым теперь же, не теряя времени и не дожидаясь прихода сюда китайских правительственных войск, принять какие-нибудь решительные меры к устранению причин, уничтоживших в последнее время всякую нашу торговлю с Западным Китаем...

Из докладной записки, представленной Вашему Сиятельству г-ном директором Азиатского департамента и удостоившейся Высочайшего одобрения, о ходе переговоров, веденных тайным советником [П.Н.] Стремоуховым в марте сего года с китайскими посланниками в Петербурге, я к немалому удовольствию увидел, что вопрос о западно-китайской границе уже затронут министром иностранных дел, [причем] с самого начала он поставлен так, как того требуют интересы вверенного мне края. По моему крайнему убеждению, настоящее положение дел на границе уже более нетерпимо. Мы теперь же должны, как для пользы наших среднеазиатских владений, так и в особенности для восстановления упавшей нашей торговли с Западным Китаем, помочь Китаю в усмирении этих отдаленных провинций хотя бы непосредственным вмешательством в дела таранчей и дунган и избавлением на первое время прежней Илийской провинции от власти таранчинского султана. Мне казалось бы выгодным теперь же занять Кульджу, объявив при этом китайцам, что им будет возвращен этот город, как только явится на то уполномоченное от них лицо... Я вполне уверен, что этот решитель-

ный шаг имел бы самые благоприятные последствия для всего [нашего] края и, кроме того, поставил бы в надлежащее положение Якуб-бека, который по-видимому решился распространить свое влияние на Урумчи и даже на соседнюю нам Кульджу.

Допустить же создание столь обширного мусульманского государства, охватывающего значительную часть нашей восточной границы, было бы для нас весьма невыгодно»¹¹ (здесь и далее курсив мой. — А.Х.).

Нежданный шанс занять Кульджу, о чем только вскользь упоминал туркестанский генерал-губернатор, представился весной 1871 г., когда русский погранотряд, следуя приказу давать отпор вторгшимся на российскую территорию любым воинским формированиям, не только успешно отбил нападение войск таранчинского султана, но и в ходе преследования противника овладел Кульджой¹². Это в конечном счете привело к резкому снижению напряженности на кульджинском участке российской границы, что и было отмечено в приводимом ниже письме К.П. Кауфмана от 23 октября 1871 г. военному министру Милютину:

«Решительные меры, принятые против кульджинского султана открытием [спровоцированных им] военных действий, занятием Кульджи и лишением его всякой власти и значения, привели, очевидно, к желаемому результату. Спокойствие водворено на границе и между кочевниками-киргизами, Кульджа и принадлежащие ей города и селения открыты нашим торговцам и, наконец, влияние на бывшее таранчинское ханство [со стороны] враждебного нам правителя Джэтышаара [Иеттишара] Якуб-бека само собою пало. Занятием же Музартского прохода мы отрезали ему путь в Илийскую долину»¹³.

Устранение деспотического режима кульджинского султана с приходом русских войск не привело к серьезным административным переменам в Кульдже, что благоприятно сказалось на общем настрое и поведении местного населения. На это указывал штабс-капитан Шепелев в цитируемом ниже

рапорте от 19 ноября 1872 г. в Генеральный Штаб о своем прибытии в г. Кульджу для последующих топографических работ в районе Музартского прохода:

«Несмотря на столь недавнее занятие нашими войсками этого [Илийского] края, жители оного чрезвычайно радушно относятся к русским, и, насколько мне кажется, радушие это искренно.

Даже таранчи, игравшие первостепенную роль между народностями Илийской долины, и те сознают выгоду от низвержения султанского правителя. ...Я имел случай сам убедиться и вполне беспристрастно могу подтвердить, с каким уважением относятся не только китайцы, сибиряки, калмыки и дунгане, но и самые таранчи к распоряжениям русских властей, инстинктивно сознавая, что у них они найдут и справедливость, и разумную силу, охраняющую каждого от притеснений»¹⁴.

Показателем тогдашнего настроения населения Илийского края может служить и такой характерный факт: когда прибывший из Петербурга генерал-майор Д.Н. Богуславский¹⁵ после неудачных переговоров с цинскими властями в Сергиополе¹⁶ относительно возвращения Кульджи Китаю направился к этому городу, к нему в Суйдуне «явилась депутация дунганских старшин с просьбой умолить Белого царя не отдавать их назад китайцам и с заявлением, что если они [вновь] подпадут под власть ненавистного маньчжурского правительства, то [они] или опять перережут всех своих врагов, или зарежут себя, жен и детей, но повиноваться не будут».

Как отмечал российский дипломат, «в словах их и в тоне речей слышалось столько искренности и энергической злобы, что у меня не осталось и тени сомнения о неподдельности их чувств и желании навсегда быть присоединенными к России. В Баяндае явилась депутация таранчей с той же просьбой и теми же заявлениями. С этими [людьми] я мог говорить без переводчика и приметил [в их разговорах] один оттенок: в речах дунган было более ненависти и сознания какой-то силы и смелой решимости, а в

словах таранчей, бывших [особенно] угнетенным классом местного населения, слышалась решимость отчаяния и страх опять попасть под власть китайцев. Когда я их успокоил, они все бросились в мечеть, где поспешили принести молитву за освобождение их от врагов и поступление под покровительство Белого царя.

По мере моего приближения к Кульдже депутации [местных жителей] встречались [мне] все чаще и чаще. Тут являлись вместе представители дунган и таранчей, а также китайцев и сибо-солонгов. Все они встречали меня с хлебом, солью и чаем и все выражали искреннее желание стать русскими подданными, [ссылаясь на] полное довольство настоящим своим положением»¹⁷.

К проблеме борьбы мусульман против цинского режима В.П. Васильев на основе сведений, почерпнутых из газеты «Цзинбао», получаемой из Пекина, не раз обращался в своих статьях, публикуемых в российской центральной и местной прессе, где сурово осуждал политику цинского двора в отношении восставших в 1860–1870-х годах не китайских народов. В исключительно жестоком подавлении антицинских восстаний мусульман правительственными войсками убеждает, например, его статья «Положение Якуб-бека в Восточном Туркестане», помещенная в газете «Биржевые ведомости» номер 98 за 1874 г. В этой публикации речь идет о резне, устроенной при взятии г. Сучжоу цинскими отрядами, которые, войдя в город днем, путем ложных обещаний, «ночью бросились резать всех, кто остался – старых, малых, мужчин и женщин».

Не оставлял своим вниманием видный востоковед и политику российского правительства в отношении Китая. Когда цинский двор, отказавшись ратифицировать русско-китайский договор, подписанный 20 сентября 1879 г. в Ливадии с китайским уполномоченным Чун Хоу, стал активно готовиться к военным действиям против России, В.П. Васильев публично выступил в русской печати с разъяснением ответной акции российской дипломатии, направившей эскадру Лесовского в китайские воды. В статье, опублико-

ванной в столичной газете «Голос» 30 ноября / 12 декабря 1880 г., он заявил:

«Мы явились с нашим флотом у китайских берегов не для нападения на них, не для вторжения вовнутрь соседней империи, как это делали не раз другие европейские нации, а только для того, чтобы быть готовыми к защите в случае нападения...

Мы не думаем о войне или каких-либо притязаниях к Китаю. Мы желаем сохранить с ним прежние дружественные отношения.

Но ввиду колебаний его правительства к установлению таких отношений путем заключения трактата и во избежание дальнейших затрат на вооружение нашей сухопутной границы с Китаем и содержание большой эскадры в Тихом океане, нам [видимо] останется, в случае неполучения окончательного ответа к назначенному сроку, обратиться с ультиматумом к пекинскому правительству».

Примечательно, что В.П. Васильев, с учетом активизации действий цинских войск под командой Цзо Цзун-тана против восставших мусульман Западного Китая, о чем писали китайские газеты, вполне допускал возможную передачу Кульджи цинскому правительству. Говоря о переменах в образе действий представителей цинской администрации в районах, охваченных движением повстанцев, российский востоковед в серии статей, опубликованных в газете «Голос» (в частности, в 1878, в № 5) отмечал:

«Уже и теперь, как скоро в борьбе с инсургентами перевес оружия оказался на их стороне, они [цинские чиновники] стали выказывать дерзость в обращении с нами – стоит только вспомнить расправу с членами экспедиции [Г.Н.] Потанина, стрельбу в палатки наших купцов в Манасе, их прижимки [купцов-россиян] в Урумчи и Гучэне, наконец, посылку [своих] эмиссаров в самую Кульджу. Чего же доброго [следует] ожидать, когда они совсем опередятся».

Допуская в подобной ситуации возвращение Кульджи цинскому Китаю, В.П. Васильев предлагал в таком случае необычную для дипломатии меру:

«Если же мы хотим при этом непременно показать китайцам, что никакие воспоминания и потери не могут нарушить наших добрых отношений, то мы советовали бы [нашим дипломатам], возвращая Кульджу, по крайней мере отыскать [в архивах] их подлинные бумаги прошлого века [с их злою руганью по поводу ухода калмыков из Джунгарии на Волгу] и отослать их им, чтобы они воочию убедились в нашем [долготерпении]».

После новых переговоров сановников Цзунлиямэня с российским посланником в Пекине Е.К. Бюцовым в китайской столице, затем в Петербурге между ним и маркизом Цзэн Цзи-цзэ 12 февраля 1881 г. состоялось подписание Санкт-Петербургского договора, предоставлявшего российским купцам более широкие возможности для торговли в Западном Китае. При этом было принято окончательное решение о возвращении Китаю Илийского края с Кульджой, что, по словам В.П. Васильева, для цинской дипломатии «было вопросом чести»¹⁸.

Следует заметить, что Васильев как автор статьи «Две китайские записки о падении Кульджи и занятии ее русскими» (см.: «Русский вестник», издаваемый М. Катковым, т. 99, 1872, май № 5, с. 130 и далее), в последующие годы не раз писавший об этой проблеме в истории русско-китайских отношений, вновь обратился в период франко-китайской войны, к этой теме в 1883 г.:

«Нелегкая толкнула нас по занятии Кульджи похвастаться пред пекинским двором великодушием, что мы, мол, возвратим вам её, когда вы поправитесь [от восстаний некитайских народов – дунган и др.], и это рыцарское обещание стоило нам, как говорят, 30 млн, израсходованных [только] на экспедицию Лесовского»¹⁹.

После того как цинским военачальникам благодаря превосходству их сил (в численности и вооружении) удалось взять верх над повстанцами, многие мусульмане-дунгане, спасаясь от поголовного истребления, бежали в пределы соседних российских владений в Средней Азии, где впоследствии приняли российское подданство. В этом

процессе В.П. Васильев усмотрел возможность получения свежих дополнительных данных о последователях ислама в Китае. Это видно из следующего пассажа его статьи «Китайцы – новые подданные России», опубликованной в номере 2 газеты «Восточное обозрение» за 1884 г.: «Мы имеем, может быть, в числе своих [новых] подданных представителей [всего] китайского мусульманского мира. Очень интересно было бы собрать об этом точные сведения, и тогда, может быть, получилась бы великая эпопея из сборника рассказов этих удалых пришельцев об их подвигах». Говоря о бежавших из Урумчи дунганах, отличавшихся от коренных китайцев (ханьцев) главным образом по вероисповеданию, В.П. Васильев подчеркивал: «Очень интересно было бы узнать, откуда пришли и кто именно из тех дунган, которые теперь поселились в наших пределах... Родина большинства лежит, конечно, в самом Китае».

Продолжая интересоваться дунганским восстанием и историей ислама в Китае, В.П. Васильев 11 апреля 1890 г. на заседании историко-филологического отделения Российской Академии наук зачитал свою записку с обоснованием необходимости командировать его в Кульджинский (Илийский) край. Там, по его мнению, происходили некоторые перемены под влиянием нововведений, имевших место в провинциях собственно Китая. В записке маститого ученого, в частности, говорилось:

«До сих пор я знал его (Кульджинский край. – А. Х.) только по книгам... В нашем Лепсинском округе и далее на запад раскинулись поселения перешедших в наше подданство китайцев-мусульман, называемых дунганами... В числе этих переселенцев многие, надобно предполагать, вышли из самых отдаленных мест внутреннего Китая, даже из провинции Юньнань. Собранные о них сведения и рассказы об их похождениях [при миграции] могут служить пополнением будущей истории о магометанском восстании. Мы имеем ограниченные сведения об истории магометанства в Китае, о его литературе на китайском языке, а между тем на-

добно предполагать, что [в этой стране] есть даже перевод Корана. Если бы даже и не удалось в короткое время найти много литературных материалов, то можно было бы поручить ахунам, имеющим связи с внутренним Китаем, стараться выписывать книги и отсылать их в академическую библиотеку»²⁰.

Своим планом поездки в северо-западную часть цинского Китая В.П. Васильев поделился со своим учеником-китаистом П.С. Поповым, служившим в Российской дипломатической миссии в Пекине, в отправленном ему письме, где говорилось:

«Так как осталось мало бумаги и я спешу отослать хоть несколько строк к Вам (ведь теперь похороны [ректора университета] Владиславлева), то закончу только занимающим меня моим путешествием: “Вдоль да около”. Видите ли, у меня давно был решен план ехать в нынешнем году в Омск, повидать обеих дочерей, м[ожет] б[ыть], проститься с ними в последний раз²¹. А тут как нарочно старшего зятя перевели в Верное (помощ[ником] прокурора; это Лидинкин муж), поэтому приходится ехать и туда²². Так я уж решил: по дороге, если будет какая[-либо] возможность и позволит здоровье, заехать в Чугучак и Кульджу, а [обратно] из г. Верного [ныне Алма-Ата] удобнее ехать домой через Самарканд и Астрахань»²³.

О своих впечатлениях, полученных от посещения Кульджи, В.П. Васильев рассказал президенту Российской Академии наук великому князю Константину Романову в нижеследующем письме от 22 августа 1890 г. из этого города:

«Осчастливленный желанием и дозволением Вашего Высочества писать к Вам из более отдаленнейшего края, которого достигну на востоке, я избираю Кульджу, хотя она на ½ градуса западнее Чугучака, но зато южнее на 3 градуса. Я и потому не писал из Чугучака, что сначала хотел проехать на Кульджу по китайским владениям, углубляясь далее на восток, но болезнь (оспа), сопровождавшего (для ухода за мной-то) моего зятя задержала на 20 дней около Чугуча-

ка. Поэтому и нечего было думать riskовать [и ехать] трудным путем, не имеющим почтовых станций.

Во всяком случае, мне удалось исполнить мое желание еще раз взглянуть хоть на окраины Китая, из которого выехал более 40 лет тому назад. Так как главным поводом моей поездки было желание навестить моих дочерей, из которых, по предположению, одна должна была находиться с мужем в Верном, то своротить из лежащих на тракте из Омска в Верный, из Сергиополя в Чугучак (300 верст) и из Алтын-Эмель в Кульджу (тоже около 300 верст) не представляло больших затруднений. Однако ж я застал обеих моих дочерей в Омске. Несмотря на это, я не хотел отказаться от заявленного мной перед нашей Академией желания быть на китайской границе. Слышал маньчжуров и сибо, говорящих на языке, заброшенном и забытом бóльшим количеством, нежели здесь, господствующего племени не только в Китае, да почти и в самой Маньчжурии. Здесь же этот язык есть язык домашнего очага; получил некоторые сведения и о языке солонов.

Не осмеливаюсь утруждать Ваше императорское Высочество научными подробностями. Но, может быть, небезынтересно будет Вашему императорскому Высочеству, как удивило и обрадовало меня проявление русского влияния в стране, прославившейся своим затворничеством и неприятием всего постороннего. Почти вся огромная провинция [Синьцзян], вновь образованная в западной части Застенного Китая, где ранее были Джунгария и Туркестан, не может обойтись без русских товаров – даже чай еще недавно возился сюда из России. Чугучак, который русские и не занимали после того, как его разрушили дунгане, кишит русскими подданными – сартами, татарами, киргизами; на его рынок привозят поселенцы-русские хлеб... из-за 100 верст; огромное пространство, отведенное под факторию, почти все застроено и наполнено лавками; китайских домов еще немного; в Кульдже тоже чуть не 2/3 пространства принадлежит нашим подданным. Наши товары мануфактурные и

прочие развозятся по всей провинции; наши купцы доезжают до главного города Урумчи и далее – за 1000 верст от нашей границы, и что всего замечательнее, в русской упряжке, в русских экипажах. В Кульдже даже есть извозчики для развозов по городу в русских тележках и тарансиках; кроме того, появляются омнибусы – большие русские телеги для дальних поездок пассажиров.

Многие китайские чиновники также обзаводятся русскими экипажами; они же являются большими охотниками до наших виноградных вин и сигар или папирос.

Русские ассигнации ходят всюду, как в Кульдже, так и Чугучаке; все покупки совершаются на них; серебро, привозимое из внутреннего Китая для выдачи жалования военным, сбывается в обмен на них, и слиток (ямба – собственно юаньбао) в 103–104 наших [серебряных] рубля охотно уступается за 101–102 рубля наших ассигнаций. Говорят, что богатые капиталисты держат их в большом количестве как самые верные деньги. Так как денежная система у китайцев очень беспорядочна, серебро ходит по весу, а неуклюжая медная монета [чох] – по счету и между ними нет определенных отношений, то можно было бы, при небольшой ловкости, навсегда утвердить обращение в этом крае наших денег.

С другой стороны, надобно опасаться подрыва и утраты нашего влияния и значения. Оно находится не в руках коренных русских, а в нем участвуют только сарты (так называют жителей Туркестана), татары из всех частей собственной России, начиная от Казани, таранчи, бывшие сарты китайского подданства, киргизы, начинающие на севере степей приближаться к оседлости, и дунгане-мусульмане, пользующиеся китайским языком. Все они нуждаются в сильной поддержке наших консульств и бдительного надзора со стороны русского начальства.

Хотя мусульманское (дунган и таранчей) восстание нам и очень помогло в упрочении нашего владычества в этой части Азии, но оно начинает, кажется, забываться со стороны китайцев. Они прежде неодно-

кратно претендовали на завладение нами лежащими за их пикетами киргизскими степями, так как считали их своей вассальной страной. Со сдачей Кульджи наши границы теперь определились трактатом, и они даже подвинулись значительно внутрь прежних пограничных пикетов. Но самолюбие китайцев никак не позволяет им сознаться, что уступка Кульджи была следствием нашей миролюбивой снисходительности. Оперяясь понемногу, они стараются придать вид перед народом, что уступка сделана была из страха пред их оружием, которое, собственно говоря, и дошло до наших пределов в Кульдже с помощью нашего благосклонного (но смею сказать: ошибочного) безучастия. Китайцам стыдно, что столько десятков тысяч их бывших подданных предпочли отеческому, будто, правительству богдохана русское подданство. Потому говорят, что с самого вступления в Кульджу нынешний губернатор Лю Цзин-тан заявлял [соотечественникам] под рукой, что ему нужен какой-нибудь десяток лет, чтобы собраться с силами и выгнать русских из Верного, Ташкента и Коканда. То же самое, будто еще недавно, говорил вновь назначенный сюда отрядный генерал. Из такого пустого хвастовства легко могут выйти, однако ж, большие неприятности в наших будущих пограничных сношениях, и теперь уже замечено большое недоумение в принявших наше подданство. Китайцы стараются переманивать и укрывать наших перебежчиков, [поэтому] нужно, чтоб они торжественно отказались от своих претензий и сознались, что мы уступили им Кульджу не из страха.

Но я вдаюсь в политику. Это невольное следствие постоянных разговоров, которые слышны кругом. Также кругом глаз встречает немного отрадного. Природа здесь и многообещающая, и много страдавшая от человека; истребленная растительность плохо восстанавливается усилиями редкого населения. Здешние города и селения грязны и бедны постройками – это только сырые, глинобитные гнезда. Хотя китайское правительство всецело поглощено постройкой крепостей, так что для каждого отряда на

125 человек непременно уж требуется ограда, все-таки еще более [остается] развалин от бывших до восстания построек. Старые города представляют [собой] кучу торчащих стен от домов и заборов. Глинобитные сооружения легче строить на новом месте, чем поправлять старые; потому раз оставленным представляется на волю доживать свой век. В Кульдже, однако ж, не видно и следов бывшего русского квартала.

Простите, Ваше Императорское Высочество, если утомил Вас своим письмом. Я не знал, что выбрать для Вас интересного из множества разнообразных впечатлений и мыслей. Мне не случалось еще писать к Высоким особам. Простите также и за дурной почерк.

С отправлением этого письма оставляю и сам Кульджу, чтобы ехать на предложенный мне путь через Верный в Ташкент и Самарканд. Времени моей командировки уже остается немного, а мне еще нужно ознакомиться с дунганами, о которых, впрочем, собрал немало сведений по дороге в Кульджу. Едва ли успею долго пробыть между нашими, укрепляющимися в ламаизме, калмыками»²⁴.

Возвращаясь к своему путешествию в Кульджу, В.П. Васильев в письме от 28 ноября 1890 г. сообщал П.С. Попову:

«Подивитесь моему молодечеству, как я слетал этим летом в Чугучак и Кульджу. Был в Верном, Ташкенте, Самарканде, проехался по Закаспийской железной дороге, переплыл через Каспий и поднялся по Волге. Чего только не насмотрелся я, хотя ученого мало вывез, а все-таки потешил душеньку. Побывал опять в Китае. Впрочем, это будет уже и моей отговоркой не ехать в Тибет, как я [ранее] хвалился, – дескать, [уже] истратился.

Мое путешествие [в Кульджу] интересно в семейном отношении. Саша (сын)²⁵ как рассказал в Казани профессорам-медикам, что я собираюсь из Омска проехать в Чугучак, Кульджу и оттуда по степям Закаспийским, они напугали его, что в мои годя я не могу вынести жаркого климата (вот и поезжай в Тибет через Кохинхину, как думал

прежде!). Он не только умолял меня не ехать, но даже телеграфировал в Омск задержать [меня]. Я бы мог действительно ограничиться Омском, п[отому] ч[то] Лида, которую я предполагал [найти] в Верном, оказалась налицо и с мужем в Омске.

Но наделала синица славы... Назвался груздем – полезай в кузов. Я и решил все-таки ехать дальше. Меня больше пугали тарантулами, скорпионами, фалангами, а пуще всего каракуртами, от укуса которых будто нет никакого спасенья.

Маня, видя мою непреклонность, упростила меня взять с собой хотя бы ее мужа – для обережения меня²⁶. Приезжаем в Чугучак, пожили у [консула] М.П. Шишмарева. Собрали сведения [и выяснилось] – ехать в Кульджу по китайской земле нельзя, [поэтому] поворотили в Бахты, и тотчас же открылось, что недомогающий зять в самом разгаре натуральной оспы. Вот тебе и ухаживатель... Если мне и незачем было за ним ухаживать, то все-таки неродственно было бы бросить [больного], и я прожил в Бахтах 17 дней!

В Омске мы встретились с [консулом] Виктором Матвеевичем [Успенским], ехавшим с семьей в Петербург. Встреча была самая радушная; да и здесь он продолжает выказывать мне удивительную привязанность. Мне благодаря его приезду [в Омск] довелось воспользоваться его тарантасом, который ни разу не поставил меня в критическое положение своей поломкой.

В Кульдже мне предоставили весь ее консульский дом – очень хороший и представительный в сравнении с чугучакским.

До Астрахани ехал совершенно здоровым, а на пароходе оттуда не заметил, что окно в каюте [было] отворено на ночь, [поэтому] немножко простудился. А у сына в Казани жил в его великолепной квартире – во вновь купленном собственном доме, [где] достудился. Поэтому по приезде в Петербург то и дело простужался. Однако же теперь даже удивляюсь тому, что не кашляю».

Весьма примечательна для оценки поездки В.П. Васильева в Кульджу финальная

часть цитируемого его письма к своему ученику-дипломату:

«Моя поездка на китайскую границу произвела во мне перелом во взгляде. Сначала я продолжал смотреть по-прежнему. И дураки-китайцы-то, чего ради думают нас застрашивать – строят на каждом шагу крепости и похваляются выжать нас даже из Ташкента. И у нас-то недовольны, что мы уступили Кульджу, а я на случай будто неизбежной войны (по [китайским] угрозам [идти] на Владивосток) даже составил план движения из Зайсанского поста прямо на Баркюль и Хами (чтобы китайские войска очутились как в мешке).

Но как хорошенько осмотрелся в этом крае, так пришел к мысли: батюшки, да чего нам делить с китайцами. И им, и нам здесь дела по горло в своих границах – чего еще лезть дальше – на сто лет хватит работы, чтобы порядочно устроиться! Да не сумасшествие ли было бы с которой стороны поднять на ноги 10.000-верстную границу из-за такой благодати. А если мы убедим китайцев, что они при нашем соседстве как у Христа за пазухой – не беспокоясь о прежних вторжениях джунгар, киргизов, кокандцев, что мы и не думаем двигаться в их сторону, а им и подавно не нужны наши сибирские и киргизские пустыни – и у самих много, не говоря уже со стороны Тибета – так после этого не только можно жить мирно, но даже быть добрыми союзниками. Ведь им гораздо выгоднее подумать о Юго-востоке, об островах, в которых европейцев меньше, чем незащищенных китайцев. К чему им тратиться на большую сухопутную армию, пусть стараются завести как можно более сильный флот – флот, да, флот, так чтобы не бояться и англичан, к которым, особенно с нашим союзом, можно залезть и в Индию из Юньнани. Вот эту идею я поставил бы целью ... на будущее время»²⁷.

Как видно из отчета Российской Академии наук за первое полугодие 1890 г., во время путешествия в Среднюю Азию и Синьцзян В.П. Васильеву удалось собрать материал по истории дунганского восстания в Китае, к обработке которого ученый наме-

ревался приступить по окончании печатаемых им «Географии Тибета» и второй части обширного труда по буддизму. К сожалению, осуществлению этого замысла ученому помешала его кончина.

Примечания

¹ Библиография Востока, № 7, 1935. С. 54–78.

² Васильев В.П. О движении магометанства в Китае. СПб., 1867.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Главный архив I–9. Оп. 8, 1870–1872. Д. 10. Л. 10.

⁴ Там же. Оп. 8, 1863. д. 12. Ч. 1. Л. 75–81.

⁵ Подробнее о российском военном деятеле Г.А. Колпаковском (1819–1896) см.: Правительственный вестник, № 92 (25 апреля / 7 мая 1896 г.).

⁶ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–9, оп. 8, 1863. Д. 12. Ч. 3. Л. 106–107.

⁷ Там же. Л. 119.

⁸ Там же. Оп. 8, 1866. Д. 166. Л. 71–65 (литография).

⁹ Там же. Д. 16. Л. 10–11.

¹⁰ Там же. Л. 44.

¹¹ Там же. Оп. 8, 1870–1872. Д. 10. Л. 2–4.

¹² Об обстоятельствах овладения Кульджой российскими пограничными частями летом 1872 г. позволяют судить материалы личного архива известного Китаиста и Япониста Д.М. Позднеева и, в частности, его записка «Исторические данные по Кульджинскому вопросу», где сказано: «В ночь с 6 на 7 мая [1872 г.] на Борохудзирский отряд было сделано нападение. Этим нападением открылись военные действия с таранчами, и целью движения наших отрядов сделался г. Кульджа. Несмотря на ничтожность наших сил, последние перешли в наступление, опрокидывая всюду в несколько десятков раз превосходящего [числом] неприятеля... 21 июля в лагерь наших войск, дошедших до Баяндая, явился с изъявлением покорности кульджинский султан, и 22 числа войска вступили без боя в г. Кульджу». См.: Российская национальная библиотека (СПб.). Отдел рукописей. Ф. 590. Ед. хр. 35. С. 202.

¹³ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–9. Оп. 8, 1870–1872. Д. 10. Л. 125.

¹⁴ Там же. Л. 149.

¹⁵ Как видно из формулярного списка, составленного 26 октября 1861 г., Дмитрий Николаевич Богуславский (православного вероисповедания) происходил из дворян Нижегородской губернии. Поступив на военную службу фейерверкером 19 сентября 1841 г., он в следующем году стал юнкером. После экзамена в Михайловском артиллерийском училище 19 августа 1845 г., когда ему было «от роду 18 лет», его произвели в прапорщики. По окончании артиллерийского училища, где он помимо военных дисциплин занимался изучением западных и восточных языков, его как участника Крымской войны 1854–1856 гг. и знатока турецкого и арабского языков на шесть месяцев отправили в Турцию и Египет. С 12 сентября 1859 г. он по высочайшему повелению находился при Шамиле во время пребывания последнего в Санкт-Петербурге и Москве, после чего его командировали в Калугу для подыскания жилья для Шамиля и его сына, которого Богуславский привез туда с Кавказа в ноябре того же года. В последующие годы он продолжал состоять при Шамиле, сопровождая его в поездках в Москву и Санкт-Петербург. В чине генерал-майора его в 1872 г. направили в Кульджу, а затем в Пекин для участия в переговорах российского посланника А.Е. Влангали с членами Цзунлиамэня, выполнявшего функции внешнеполитического ведомства Цинской империи. См.: АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Формулярные списки. Оп. 464/3, 1861. Д. 392.

¹⁶ Согласно донесению Д.Н. Богуславского от 8 мая 1872 г. из Сергиополя в Петербург, при его первой встрече с представителем цинской стороны – цзянцзюнем Жун Анем выяснилось, что у последнего отсутствует соответствующее полномочие на ведение переговоров, в связи с чем дальнейшие переговоры о возвращении цинскому Китаю Кульджи были прекращены. См.: АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–9. Оп. 8, 1872. Д. 9. Л. 68–70.

¹⁷ Там же. Л. 83.

¹⁸ *Васильев В.П.* Настоящий восточный вопрос // *Голос*, 3/15 января 1879 г.

¹⁹ *Васильев В.П.* Столкновение Франции с Китаем // *Восточное обозрение*, 17 ноября 1883 г. С. 2.

²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 783. Оп. 122. Д. 341. Л. 110 и далее.

²¹ К этому времени у В.П. Васильева было четверо сыновей (Александр, Николай, Владимир и Сергей) и трое дочерей (Ольга, Лидия и Мария). Не женившись во второй раз, В.П. Васильев сделал всё возможное, чтобы дать детям высшее образование. См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб. филиал АРАН). Ф. 775. Оп. 1. Д. 216. Л. 9.

²² Дочь В.П. Васильева Лидия (род. 25 сентября 1860 г.) была женой штабс-ротмистра кирасирского Его Величества полка Всеволода Степановича Барановского. См.: Отдел рукописей библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. Ед. хр. 394. Л. 20.

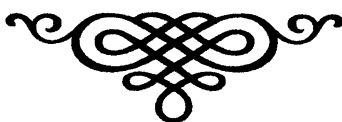
²³ Российская государственная библиотека (РГБ). Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР). Ф. 218. Картон 763. Ед. хр. 6.

²⁴ СПб. филиал АРАН. Ф. 2. Оп. I. 1889. Д. 7. Л. 29–31.

²⁵ Старший сын В.П. Васильева (род. 24 июня 1853 г.), с 1875 г. преподавал в Казанском университете, впоследствии известный математик (пропагандист идей Н.И. Лобачевского) и общественный деятель (в первом десятилетии XX в. депутат Государственной Думы).

²⁶ Дочь В.П. Васильева Мария (род. 25 сентября 1863 г.) была повенчана в Морском Богоявленском Николаевском соборе (в Санкт-Петербурге) с штабс-ротмистром Львом Стефановичем Барановским, состоявшим тогда при Николаевской Академии Генштаба. См.: Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 5501. Л. 430.

²⁷ РГБ. НИОР. Ф. 218. Картон 763. Ед. хр. 6.

Н.Н. Лисицына

КАК ЯКУБ-ХАН ДРАКОНА УБИЛ, ИЛИ СОТВОРЕНИЕ ГЕРОЯ ПО-БРИТАНСКИ

Жизнь Афганистана второй половины XIX в. была полна бурными событиями. Предварительное установление русско-афганских отношений¹ и кровавая вторая англо-афганская война; подписание унижающего Гандамакского соглашения с Британской империей и масштабные уступки Лондону; утверждение нового афганского эмира и перспектива вынужденного участия в англо-русской войне в Азии; получение субсидий от англо-индийского правительства и проведение линии Дюранда...

Практически все события последней трети XIX в. так или иначе связаны с именем афганского наследного принца Мухаммеда Якуб-хана.

Он родился в семье правящего афганского эмира Шир Али-хана. Получив подобающее образование, стал наместником провинции Герат. Однако в 1870 г. поднял мятеж против отца, за что через четыре года был заключен в тюрьму.

Получив прощение отца, Якуб-хан уже в 1878 г. принимал в Кабуле русское посольство во главе с генералом Н.Г. Столетовым. Английское недовольство ситуацией вылилось в ультиматум о немедленном приеме аналогичного индо-британского посольства и подписание сходных двусторонних документов. Отказ Шир Али-хана привел к открытию полномасштабных военных действий на афганской территории. Эмир, выехав с российской миссией на север, в сторону Туркестанского края, передал свои властные полномочия Якуб-хану.

После сокрушительных поражений новый эмир вынужден был подписать унижающий для страны Гандамакский договор, приняв на себя многочисленные проклятия своего народа.

После взрыва праведного народного возмущения в Кабуле не осталось ни индо-

британской миссии, ни отрекшегося эмира, который предпочел скрыться под покровительство англо-индийских властей.

Однако последних не устраивал уход от власти удобного для английской политики правителя. Необходимо было обелить имя Якуб-хана, чтобы иметь в дальнейшем возможность активно влиять на положение в Афганистане. Поэтому англо-индийские власти распространили информацию, что бывший эмир находится под арестом.

В Архиве внешней политики Российской империи отложился любопытный документ, повествующий о дальнейшей судьбе бывшего афганского эмира².

Находясь под арестом, Мухаммед Якуб-хан вел вполне светскую жизнь: принимал гостей, вместе с англичанами участвовал в охоте. Однажды «один из лордов, отправляясь в безводную степь на охоту»³, взял с собой и Якуб-хана. Все участники охоты не первый раз предавались этому развлечению, поэтому были крайне удивлены, услышав «необыкновенный рев». Афганец первым среагировал на необычайное обстоятельство и «один, верхом на лошади, отправился на место узнать, в чем дело».

Описание последующих событий невозможно без полного воспроизведения текста⁴.

«По приезду на место Якуб-хан увидел дракона (аждарха), глотающего целого быка. Привязав лошадь, Якуб-хан влез на одно большое дерево и стал наблюдать за драконом; последний, проглотив быка, проглотил затем и лошадь Якуб-хана; Якуб-хан, оставаясь на дереве, сделал 4 выстрела в дракона, и последний впал в бесчувственное состояние; воспользовавшись бесчувственным состоянием дракона, Якуб-хан слез с дерева и зарубил дракона шашкою. Убив дракона, Якуб-хан упал без чувств, и англичане-охот-

ники, прибыв на место, нашли Якуб-хана с убитым драконом в бесчувственном состоянии»⁵.

Афганца вывезли из степи и только в крепости смогли привести его в чувство; после чего сообщили о происшествии по телеграфу в Индию. Вскоре прибыл экипаж, и Якуб-хан отправился в Индустан, прихватив снятую с дракона шкуру.

Англо-индийские власти своевременно отреагировали на спасение английской миссии и одного из английских лордов. Якуб-хан был освобожден из-под ареста и «награжден большими подарками». Дабы подкрепить свое расположение к бывшему афганскому эмиру и в надежде на дальнейшее сотрудничество, англичане предоставили ему «право пользоваться свободной жизнью в пределах Индустана и, устранив для этого всякие препятствия, которые могут лишить его свободной жизни; с условием, однако, чтобы Якуб-хан через Дарью не переезжал»⁶. Кроме того, всенепременным условием свободной жизни стало еще и увеличение содержания бывшего эмира Афганистана.

Создав образ не только героя и благодетеля своей страны, но и спасителя англичан, индо-британские власти имели далеко идущие планы использовать Якуб-хана в качестве еще одной силы, способной спровоцировать очередную борьбу за престол. Кроме того, бывший эмир являлся прекрасной возможностью держать в некотором напряжении нового эмира Афганистана Абдурахман-хана.

Учитывая ситуацию в регионе, всегда можно было спровоцировать отложение южных провинций под руку Якуб-хана, естественно, при политической и военной поддержке Британской империи.

Однако события в Закаспийском крае и северном Афганистане, работа англо-афганско-русской разграничительной комиссии и реальная вероятность англо-русского конфликта из-за туркменских территорий надолго отодвинула эти планы британской дипломатии.

Примечания

¹ Имеется в виду результат миссии генерала Н.Г. Столетова. По некоторым данным («Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. Сост., автор предисл. и примеч. Т. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2005), генерал добился заключения договора о дружеских отношениях и военном союзе двух государств.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф.147 Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1260. Сведения о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых среднеазиатских владениях, сообщаемые туркестанским генерал-губернатором и его канцелярией, и разная политическая переписка с означенным генерал-губернатором. Л. 216–216 об. Сведения из Бухары от 10 мая 1884 г. Копия с перевода.

³ Там же. Л. 216.

⁴ Текст приведен в соответствие с современными грамматическими нормами.

⁵ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1260. Л. 216.

⁶ Там же.

Н.М. Горбунова

РОССИЙСКАЯ ПЛАВУЧАЯ ВЫСТАВКА В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Среди донесений и аналитических записок российских консулов начала XX в., выписанных на карточках и в тетрадях еще в давние советские времена Ириной Михайловной Смилянкой и любезно предоставленных мне для дальнейшей аналитической обработки, есть ряд любопытных материалов. Они касаются очень крупного российского проекта по расширению торговли со странами Ближнего Востока. Консульские архивы, относящиеся к этому времени, содержат массу документов, свидетельствующих о внимании российских представителей к вопросам торговли отечественными товарами, в том числе продуктами сельского хозяйства и сырьем.

Еще в 1880-х годах российский консул в Сирии Константин Дмитриевич Петкович отмечал слабость торгово-экономических связей между отечественными и ближневосточными портами. Хотя судно Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) совершало раз в неделю рейс из Одессы в Бейрут и Александрию, русские товары перевозились преимущественно на греческих и итальянских судах.

Однако со временем ситуация стала меняться в лучшую сторону. Из России была направлена на Ближний Восток экспедиция для изучения торговых возможностей и потребностей в русских товарах. Русские промышленники и купцы стали более активно стремиться к расширению внешней торговли.

О торговых связях России с Османской империей на рубеже XIX–XX вв. и, в частности, о Русской плавучей выставке, писала в свое время И.М. Смилянская в статье «Из истории русско-сирийских связей»¹. Она отмечала, что для царского правительства этот вопрос имел и внешнеполитическое значение, поскольку торговля была важным ры-

чагом политического влияния на Порту. Шла настоящая борьба за турецкие рынки, и возникла необходимость осуществить целый ряд специальных мероприятий для развития торговли.

Русско-японская война, а затем революция 1905 г. на время отодвинули в сторону вопрос о внешней торговле. Но затем нужно было срочно выводить промышленность из экономической депрессии. В русские консульства Османской империи, в том числе и в Сирии, поступали многочисленные запросы относительно возможностей поставок промышленных товаров. Серьезность этих намерений свидетельствовала о том, что русское купечество осознавало свой огромный потенциал и стремилось к дальнейшему развитию и расширению торговых связей.

К 1906 г. РОПиТ уже имело в Бейруте своего торгового агента Н. Кацефлиса и, получив от генерального консула в Сирии князя Гагарина сообщение «о быстро идущем развитии деятельности порта Кайфы (Хайфы)», решило учредить и там свое представительство. Переписка, в которой содержались различные запросы и сведения о фирмах и коммерсантах, шла постоянно². В конце 1908 г. Совет «общества для защиты интересов и развития одесской промышленности», объединявшего фабрикантов и заводчиков Одессы, учредил русское торговое общество «Восток». Оно было призвано не только расширять русскую торговлю на Ближнем Востоке, но и бороться там с английской, французской и иной конкуренцией. Такое решение было принято после того, как «выяснилась серьезность реформаторского движения в Турции и тесно связанного с ним обновления Оттоманской империи. Учитывая существующий в Одессе тридцатилетний опыт по торговым сношениям с

Турцией, Египтом и балканскими государствами, Совет пришел к убеждению в необходимости немедленного выступления русских фабрикантов на ближневосточных потребительских рынках. Совет при этом руководствовался следующими соображениями: наша промышленность стоит перед длительным кризисом. Этот кризис тем более должен обратить на себя внимание русских фабрикантов, что причины его – истощение платежеспособности русского населения, полное оскудение внутренних потребительских рынков. И, как бы счастливо ни сложилась в дальнейшем экономическая жизнь страны, кризис все же будет затяжным... Этот длительный процесс развертывающегося во все стороны кризиса должен тяжело отозваться на фабриках и заводах с сотнями тысяч русских рабочих. Настанет момент – а в некоторых отраслях он уже настал, – когда предприниматели не в состоянии будут поддерживать производство на существующем уровне»³.

Генеральному консулу в Бейруте был послан запрос о том, с какими фирмами могли бы иметь торговые отношения русские предприниматели, что можно продавать на местных рынках, с какими банками иметь дело, с какими купцами и т.п.⁴

Согласно консульским данным, в 1908 г. и в последующие годы в Сирию из России везли в основном керосин, сахар, спирт, муку, строевой лес и даже галоши, а в ограниченном количестве – кожу, посуду, фарфор, фаянс, карамель, картофель, смолу, спички и т.д. В Россию же оттуда везли ковры, восточную мебель, столярные изделия, лимоны и др.⁵

В одном из документов Главного управления землеустройства и земледелия за 1908 г. сообщалось: «В последние три года начался, хотя и в незначительных размерах, вывоз из России сельскохозяйственных машин и орудий в Румынию, Турцию и отчасти Сербию... Расширение сбыта сельскохозяйственных орудий для наших машиностроителей представляется крайне желательным, так как оно даст толчок качественному и количественному развитию нашего машино-

строения, причем на пути, проложенном более сильными фирмами...»⁶.

Торговые связи со странами Восточного Средиземноморья, к которым так стремилось русское правительство, подкреплялись некоторой демонстрацией военно-морских сил. Ежегодно, судя по консульским отчетам, Бейрут, Хайфу, Яффу и другие портовые города посещали русские канонерки. Например, по поводу пребывания в Бейруте в июне 1911 г. канонерки «Уралец» консул доносил: «Считаю долгом подчеркнуть чрезвычайно благоприятное впечатление, производимое посещением нашими судами здешних портов, хотя можно пожалеть, что столь малыми». Появление этих судов служит напоминанием «здешним “патриотам”, что флот еще существует в России»⁷.

Весьма значимым и ярким событием в летописи русско-ближневосточной торговли явилась Русская плавучая выставка, проходившая в декабре 1909 – январе 1910 г. Выставка была организована на одном из лучших пароходов «Император Николай II» по предложению РОПиТ и при поддержке русских правительственных кругов, в частности, Совета съезда промышленников юга России. Выставка представляла 60 фирм с совокупным оборотом 3,5 млрд руб.⁸

Впечатлял и маршрут выставки: Одесса – Ялта – Одесса – Варна – Бургас – Константинополь – Салоники – Пирей – Александрия – Порт-Саид – Яффа – Хайфа – Бейрут – Триполи – Александретта – Мерсина – Смирна (Измир) – Дарданелла – Константинополь – Самсун – Трабзон – Констанджи (Констанца) – Одесса⁹. В донесениях сообщалось, что «расписание не было выдержано ввиду успеха выставки, она задерживалась». Только в Константинополе выставку посетило 70 тыс. человек¹⁰.

Для организации приема плавучей выставки в Бейруте была организована комиссия, в состав которой вошли князь Гагарин, Секретарёв, агент РОПиТ Валадзе и др. О выставке сообщали газеты¹¹. В отчете послу в Константинополе заведующий выставкой писал из Бейрута: «Все участники Русской плавучей выставки постановили довести че-

рез меня до сведения Вашего Высокопревосходительства о примерном порядке, организованном Генеральным консулом в Бейруте совместно с местным Комитетом для оказания возможного содействия успеху Русской плавучей выставки. Князь Гагарин и члены организованного Комитета с раннего утра до позднего вечера оставались на пароходе, руководя порядком, а княгиня Гагарина своим участием в продаже кустарных изделий внесла в жизнь нашей выставки много оживления»¹².

Из этого же отчета узнаём другие любопытные подробности: «Местное население отнеслось к выставке, так наглядно показавшей цветущее положение нашей промышленности, хотя многие из крупных наших фирм не участвовали в ней, с большим сочувствием и искренним желанием вступить в прочные постоянные торговые отношения с Россией. Многие фирмы немедленно сделали заказы нашим заводам, но другие не могли это сделать вследствие обилия заказов и неподготовленности заводов для выполнения их к назначенному сроку. Тем не менее начало сделано, и лишь от наших купцов зависит теперь удержать за собой рынок, которым им легко завладеть. Меня пугает лишь известное отсутствие духа предприимчивости у них, их неуверенность в своей силе и боязнь перед иностранной конкуренцией, при которой они без борьбы складывают оружие, не давая себе труда сравнивать свои товары с теми изделиями сомнительного качества, которыми германские, австрийские и даже французские и английские заводы наводняют турецкий рынок»¹³.

Газета «Аль-Муфид» от 20 января 1910 г. перечисляла ряд предлагаемых товаров: «На русской выставке находятся: машины для строительства судов, автомобилей, железных дорог, трамваев...»¹⁴. Другая газета, «Лё Ливан», опубликовала 23 января 1910 г. статью «Россия и торговля», перевод которой приводится в отчете генконсула. В ней говорится: «Мы посетили русский корабль «Император Николай II», который содержит универсальную выставку русских

продуктов... Мы отметили, что русские не только богаты продуктами промышленности и сельского хозяйства, но также своим великодушием... Выставка делится на две отдельные части, на двух этажах. Мы нашли там различные выставленные продукты и конфекцион всех сортов, которые нельзя перечислить. Мы видели машину для производства стеклянных изделий, сельскохозяйственные машины, мельничные жернова, наковальни, молотки, ткани всех сортов для мужчин и женщин, фаянс, глиняные и стеклянные вазы, ножи различных размеров, игрушки, чай, церковную утварь, ковры, зерно, муку, стулья, диваны, обувь, кожи, книги, бумагу, наконец, все то, в чем нуждается публика... Красота этой индустрии исключительна, и мы никогда не думали, что в России есть руки для подобной работы...»¹⁵.

О том, что русская выставка имела оглушительный успех у публики, писал в своем донесении посол Чарыков: «...что поражает большинство здешней публики, это новое представление, которое им приходится составить себе о русской культурности. До сих пор многие иностранцы – и не в одной Турции – смотрят на Россию как на страну белых медведей и казаков, пожирающих сальные свечки. Такие понятия должны исчезнуть навсегда в уме каждого, кто взглянет на те действительно образцовые произведения русской техники, русского вкуса и русского образования, которыми изобилует наша плавучая выставка.

Пусть она обходит турецкие порты. Пусть она побывает и в Пире, и на Крите, и в Александрии – мне говорят, что такую выставку зовут также в Италию и Северную Америку. Пусть иностранцы увидят у себя перед глазами обязательные проявления русской культуры. От этого могут только выиграть и обаяние русского имени, и русские политические интересы»¹⁶.

В Архиве внешней политики Российской империи хранится копия письма Совета съезда горнопромышленников Юга России императорскому послу в Константинополе от 26 мая 1910 г., касающегося вопроса о Торговом комитете. Русский Торговый ко-

митет был организован в ноябре 1909 г. в ожидании плавучей выставки и для содействия ее успеху. В него вошли представители РОПиТ, русского Банка для внешней торговли, отделения Страхового общества «Россия», Общества «Восток» и другие¹⁷. Из этого письма следует, что посол, вдохновленный итогами Русской плавучей выставки, выступил 14 марта 1910 г. с предложением учредить в Константинополе постоянный Торговый комитет, «который впоследствии мог бы преобразоваться в Русскую торговую палату». В ответ на это с 28 марта по 2 апреля был созван экстренный съезд горнопромышленников юга России, который «единогласно высказался за учреждение постоянного Торгового комитета», во всем согласившись с предложениями посла. При этом предполагалось выдвинуть этот вопрос на обсуждение Всероссийского съезда в Москве¹⁸.

Таким образом, успешные результаты Русской плавучей выставки, многочисленные выгодные контракты, отчеты посла и консулов, хвалебная пресса воодушевили правительственные, промышленные и торговые круги России на дальнейшие шаги по завоеванию внешних рынков. В начале мая 1910 г. в Москве был созван Всероссийский съезд представителей русской торговли и промышленности по вопросу о мерах к развитию торговых сношений с Ближним Востоком. Он обсудил историю русского экспорта в этот регион, подвел общие итоги плавучей выставки, обсудил доклады участников, касающиеся поставок конкретных категорий товаров и сырья на ближневосточные рынки, и мероприятия, необходимые для оживления русской торговли¹⁹.

На съезде с речью выступил министр торговли и промышленности С.И. Тимашев. Он подтвердил, что «одна из главных причин не вполне удовлетворительного положения многих отраслей нашей промышленности заключается в неблагоприятных условиях сбыта продуктов, в его необеспеченности»²⁰. Отметив затем большой торговый и моральный успех выставки, министр заявил: «Конечно, рынки Ближнего Востока – свое-

образны, предъявляют особые требования, к ним надо приноровиться. Вопросами торговли с Ближним Востоком интересуется [император] Николай II». Помимо пожеланий, Тимашев рекомендовал заняться и практической стороной дела²¹.

Но речь министра оставляла двойственное впечатление. С одной стороны, он говорил: «Действительно, пора обратить серьезное внимание на тяготеющие к нам соседние рынки, с которыми русские вели оживленные сношения еще на заре своей истории...» А с другой, предостерегал: «Было бы, конечно, преувеличением утверждать, будто русская промышленность не может обходиться без этих рынков, когда у нас далеко не удовлетворена еще внутренняя потребность в изделиях фабрично-заводской производительности, как об этом свидетельствует все более возрастающий привоз этих продуктов из-за границы»²². Приведя в подтверждение своих слов данные таможенной статистики, министр сделал следующий вывод: «Очевидно, внутренний рынок представляет еще широкий простор для русской промышленности. Быть может, отсутствием настоятельной необходимости в сбыте товаров и объясняется слабое внимание русских предпринимателей к рынкам Ближнего Востока». В заключение он, напротив, призвал участников съезда «не упускать из виду влияние международной конкуренции, которая с каждым днем усиливает борьбу из-за обладания рынками... Кто упустит в этой борьбе время, тому уже трудно будет наверстать свое промедление»²³.

Съезд принял следующую резолюцию, свидетельствующую о самых серьезных намерениях его участников, призывавших русское правительство ввести протекционистские меры для отечественных товаров: «По докладу Совета съездов горнопромышленников Юга России “О возможности экспорта продуктов южной горной и горнозаводской промышленности на рынки Ближнего Востока”:

1. Признать желательным сохранение пониженного железнодорожного тарифа... [для экспорта каменного угля] и рас-

пространение этого тарифа на экспорт металлов через порты Черного и Азовского морей, а равно введение пониженного тарифа на перевозку каменноугольного минерального топлива для снабжения таковыми судов дальнего плавания, отправляющихся из упомянутых портов.

2. Признать желательным углубление Керченского пролива.

3. Признать желательным в ближайшее время надлежащее переустройство, углубление и обслуживание ледоколом мариупольского порта, как имеющего главное значение для экспорта продуктов горной и горно-заводской промышленности на рынки Ближнего Востока.

4. Признать желательным устройство и развитие в Архипелаге и Средиземном море русских угольных станций для снабжения русским углем плавающих в упомянутых морях русских судов.

5. Признать желательным, чтобы при заключении договора с казной субсидированные из средств государственного казначейства русские пароходные предприятия были обязываемы пользоваться русским углем на субсидируемых линиях по Азовскому, Черному и Средиземному морям и др.»²⁴.

Однако за этой резолюцией скрывалась проблема, на которую указал секретарь Константинопольского торгового комитета Духоедский в своем отчете о съезде, на котором присутствовал. Он посчитал ошибкой созыв съезда по указанию Министерства торговли в Москве как торгово-промышленном центре России, поскольку оказалось, что «Москва менее Одессы и даже менее Харькова и Екатеринослава заинтересована в нашем вывозе на Ближний Восток, что не могло не отразиться и, к сожалению, отразилось в значительной степени на результатах съезда»²⁵.

«К вопросу об оживлении наших торговых сношений с Ближним Востоком, — писал он далее, — Москва отнеслась не только недоверчиво, но даже с некоторым предубеждением как к вопросу несвоевременному, искусственно возбужденному... и это отно-

шение отразилось на работах съезда. Цель, преследуемая съездом, ясно выраженная в речи министра торговли... осталась в стороне, связанные с этой целью вопросы не возбуждали интереса присутствующих, и москвичи воспользовались съездом лишь для того, чтобы провести ряд пожеланий о льготах различным отраслям промышленности, имеющих лишь отдаленную связь с вывозом на Ближний Восток»²⁶.

В архивных материалах мы не находим данных о дальнейших крупных шагах по расширению торговых или экономических связей со странами Ближнего Востока. Однако в ряде консульских донесений виден живой интерес к этим связям. Так, в октябре 1910 г. на I Южнорусском промышленном съезде, состоявшемся в Одессе, было высказано намерение открыть в главных таможенных ближневосточных стран частные русские таможенные склады, «дабы русские фабриканты могли отправлять свои товары, не боясь случайностей, сопряженных с громадным риском в чужой стране»²⁷. В Сирию, Ливан и Палестину и в последующие годы везли значительное количество муки, керосина, спирта, леса, угля, железа и различной мануфактуры²⁸.

В 1912 г. в Бейруте было учреждено Русско-восточное коммерческое товарищество. Инициаторами его основания стали местные ливанские крупные торговцы. Создание Товарищества одобрила русская комиссия по торговле. Консул также поддерживал эту инициативу, увидев в ней, кроме торгового, и политический интерес: дать работу ученикам русских школ в Сирии, поскольку местное население недовольно, что «в школах изучают язык, который не имеет практического применения»²⁹.

Тогда же из Москвы в Бейрут прибыла специальная экспедиция для изучения ближневосточных рынков. Однако, к огорчению нашего консула, комиссия не приняла во внимание список заинтересованных ливанских коммерсантов, с которыми следовало бы завязать связи, не посетила их предприятия. Консул посчитал состав комиссии неудачным, а приехавших многочисленных

чиновников неспособными начать переговоры о торговых связях³⁰.

Еще одной инициативой в этом направлении явилось создание 1 марта 1913 г. Русского торгового комитета в Константинополе, о чем была послана бумага с уведомлением русскому консулу в Бейруте. Комитет открыл свою деятельность под председательством генерального консула в Константинополе. Был выработан устав комитета, главной задачей которого было расширить русско-турецкую торговлю, заинтересовать в ней различные торговые круги. Решено было открыть отделения комитета в тех городах, где имеются русские консульства.

Подводя итог всем этим начинаниям, заметим, что они имели хорошие перспективы и реальные возможности для вывода на новый уровень торговли и экономики в целом как для России, так и для Турции. Однако политические и административные ресурсы обеих империй – Османской и Российской – были к этому времени исчерпаны, их государственное устройство представляло собой анахронизм и тормоз для собственного экономического развития. Обе империи видели решение своих проблем в участии в мировой войне, в переделе мира и перестали существовать в результате революций и гражданских войн.

Примечания

¹ *Смилянская И.М.* Из истории русско-сирийских связей (1900–1914 гг.) // Краткие сообщения Института народов Азии, XLV. Международные вопросы. Арабские страны. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 129–139.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 225. Л. 38.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 222. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 233. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 266. Л. 34.

⁸ Там же. Д. 454. Л. 4, 24, 40.

⁹ Там же. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 14, 43.

¹¹ Там же. Л. 24.

¹² Там же. Д. 456. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Там же. Л. 23. Перевод статьи из газеты «Аль-Муфид» от 20 января / 2 февраля 1910 г.

¹⁵ Там же. Перевод статьи из газеты «Лё Ливан» от 23 января / 5 февраля 1910 г.

¹⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 819. Д. 1714. Л. 145.

¹⁷ Там же. Д. 1569. Л. 62, 63.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 58. Вырезки из газеты «Московские ведомости».

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 15.

²⁵ Там же. Л. 36.

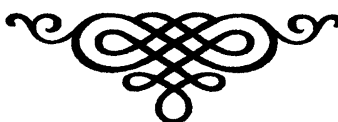
²⁶ Там же. Л. 37.

²⁷ Там же. Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 222.

²⁸ Там же. Д. 225. Л. 48, 62 об., 80.

²⁹ Там же. Д. 228. Л. 2–8.

³⁰ Там же. Л. 21–22.

В.Г. Бухерт

О ПЛАНЕ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Б.А. ФЕДЧЕНКО В ПЕРСИЮ И ТУРЦИЮ. 1916 ГОД

Публикуемая докладная записка составлена выдающимся русским ботаником Б.А. Федченко¹. Высоко оценивал вклад Б.А. Федченко в науку академик Н.И. Вавилов², пользовавшийся при подготовке и в ходе осуществления своих экспедиций его трудами. О книге Б.А. Федченко «Растительность Туркестана»³ он писал, что нашел в ней «аккумулированный большой опыт, огромные знания»⁴. Б.А. Федченко он назвал «одним из наиболее известных флористов Советского Союза»⁵, имея в виду его известность не только внутри страны, но и далеко за ее пределами.

Неизвестная страница в биографии Б.А. Федченко – его попытка организации научных экспедиций в районы Персии и Турции, занятых русскими войсками в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг.

За содействием в этом деле Б.А. Федченко обратился к графу С.Д. Шереметеву⁶, которому были близки интересы науки и который много раз оказывал содействие различным ученым в организации исследований. Можно вспомнить, например, о его помощи Г.Е. Грум-Гржимайло⁷, совершившему на средства графа одну из своих экспедиций в Центральную Азию⁸.

Посылая С.Д. Шереметеву 7 марта 1916 г. свою докладную записку, Б.А. Федченко писал: «Даст Бог, удастся и нам, русским, собрать сведения об этих дивных странах, да поскорее эти сведения использовать на благо России!»⁹

Первая из двух первоначально намеченных Б.А. Федченко экспедиций должна была быть осуществлена в Персию. 21 марта 1916 г. он писал С.Д. Шереметеву: «Вопрос о персидской экспедиции подвигается крайне медленно, и пока средства здесь намечаются очень недостаточные»¹⁰. С.Д. Шереметев оказал необходимое для Б.А. Федченко содействие и в письме от 31 марта 1916 г.

тот благодарил графа за помощь в реализации своих научных планов: «Искренно и бесконечно благодарен Вам за Ваше внимание, и, как вижу теперь, Ваше содействие окажет полный успех тому дорогому мне делу исследования природы русской земли и того края, который должен быть русским и, я уверен, скоро станет окончательно русским»¹¹.

Очевидно, помощь со стороны С.Д. Шереметева заключалась в посредничестве между Б.А. Федченко и тем, от кого зависело решение вопроса о выделении средств на организацию экспедиции. 1 апреля 1916 г. Б.А. Федченко сообщал С.Д. Шереметеву: «Сегодня я был принят Наумовым¹². Он был чрезвычайно любезен и внимателен со мной.

Вопрос об исследовании Персии и Турции, как уже писал Вам и Наумов, пока несколько откладывается, но, я надеюсь, в конце концов устроится вполне благоприятно. А пока Наумов просил меня, в очень для меня лестных выражениях, помочь в деле изучения лекарственных растений, а в связи с этим, вероятно, придется в половине апреля поехать на некоторое время в Туркестан, по поручению принца Ал[ександра] Петров[ича] Ольденбургского¹³, а затем, даст Бог, и в Персию»¹⁴.

9 апреля 1916 г. Б.А. Федченко писал С.Д. Шереметеву: «Вчера вернулся из Можайска¹⁵, где провел два дня среди начинающей расцветать природы. Там узнал и о взятии Трапезунда¹⁶ – надеюсь побывать там»¹⁷.

Вместо Персии Б.А. Федченко отправился в 1916 г. к Копетдагу и в горную Бухару¹⁸, опубликовав затем отчет о своей поездке¹⁹. Последовавшие затем исторические события не способствовали реализации обширных научных планов Б.А. Федченко. Тем не менее труд, занимавший его многие

годы жизни и законченный незадолго до его смерти, был посвящен флоре Ирана²⁰, куда он так стремился в 1916 г.

Изложенная в докладной записке мысль Б.А. Федченко о настоятельной необходимости изучения растительных ресурсов стран зарубежного Востока оказалась плодотворной и нашла впоследствии свое воплощение в научных экспедициях, организованных и возглавленных академиком Н.И. Вавиловым.

**«О необходимости организации
обследования областей
Азиатской Турции и Персии,
занятых русскими войсками»**

Докладная записка главного ботаника
Императорского Ботанического сада Петра
Великого, заведующего ботаническими
исследованиями Переселенческого
управления, магистра ботаники,
статского советника Б.А. Федченко

Блестящие успехи русского оружия на территории Азиатской Турции и смежной части Персии открывают для русских людей интереснейшую и обширную страну, которая чрезвычайно мало известна в естественноисторическом и сельскохозяйственном отношении, а между тем представляет высокий интерес не только в чисто научном отношении, но и в прикладном.

Особенности природы, в частности, растительности этой страны, весьма замечательны, что объясняется, прежде всего, чрезвычайным разнообразием внешних физико-географических условий, которые притом проявляются здесь, можно сказать, в усиленном масштабе; напомним о субтропическом климате Турецкого Лазистана, о громадных нагорных плоскогорьях Персии, о больших озерах, наконец, перед нами путь в Месопотамскую равнину, где природные условия опять-таки совершенно особые. Естественные производительные силы этих стран обильны и разнообразны, но почти не изучены и не описаны.

Не менее разнообразные и ценные данные можно было бы собрать в этих странах и по культурным растениям; имеются случайные указания частью лиц, побывавших там уже во время настоящей войны, что в Турецкой Армении произрастают такие сорта плодовых деревьев, такие разности хлебных злаков, которых нигде больше на земном шаре нет, а между тем разведение их у нас в России могло бы иметь огромное значение.

Между тем военные действия могут повлечь за собой уничтожение некоторых ценных сортов культурных растений, которые необходимо сохранить, т.к. они являются единственно пригодными для данной области, которая по окончании войны и перехода в русские владения может остаться лишенной важнейших культурных растений.

Кроме растений хлебных, а также плодовых деревьев, должно быть обращено особое внимание на изучение растений лекарственных, многие из которых на Востоке, как известно, произрастают в диком виде; исследования эти также, несомненно, дадут особо ценные результаты. Напомним, например, о трага[ка]нтовых кустах²¹, которые столь характерны для этих местностей.

Из других растений должно быть обращено особое внимание на злаки, а также на бобовые растения, из которых многие могут заслуживать введения в культуру.

Экспедиция может также принять на себя исследование некоторых растительных продуктов, как то – зерна, сена и другого фуража, что будет способствовать обеспечению правильного питания армии.

Вот почему необходимо, не откладывая этого дела до окончания войны, теперь же произвести обстоятельное обследование занятых русскими войсками областей. Результаты этого обследования безотлагательно должны быть обработаны и опубликованы; они будут содержать не только чисто научные материалы, но и прикладные, которые могут быть использованы незамедлительно даже нашими наступающими войсками, не говоря уже о дальнейших землеотводных и землеустроительных работах.

Для выполнения предполагаемого обследования необходима организация экспедиций по типу ботанических экспедиций, организуемых Переселенческим управлением с 1908 года под моим заведованием для исследования новых колонизационных районов Азиатской России.

Таким образом, было бы желательно:

1) Поручить мне общее руководство экспедициями для исследования занятых русскими войсками областей в научно-сельскохозяйственном отношении.

2) Для выполнения означенной цели ассигновать средства, необходимые для полевых работ не менее как двух экспедиций, а также для обработки материалов и печатания отчетов.

Что касается размеров средств, необходимых для осуществления вышеуказанного, то, руководствуясь сметными исчислениями по экспедициям Переселенческого управления, потребуется ассигновка в размере от 25.000 до 30.000 рублей, каковые и должны быть предоставлены в мое распоряжение, для подотчетного расходования их.

В заключение считаю необходимым остановиться на некоторых обстоятельствах, которые делают еще более очевидными своевременность и необходимость снаряжения экспедиций, организованных Центральным ботаническим учреждением. С одной стороны – это благоприятные обстоятельства военного времени, когда представляется возможность проникнуть в местности, в другое время труднодоступные; так, например, лишь благодаря снаряжению экспедиции Шовица²² Императорским Ботаническим садом в 1829 году, во время русско-персидской войны²³, имеются у нас хотя [бы] некоторые данные о растительности Азербайджанской провинции; такие же научные экспедиции и с выдающимся успехом снаряжались и в Средней Азии, где зоолог Северцов²⁴ участвовал даже в штурме и взятии Ташкента, а Алекс[ей] П[авлович] Федченко²⁵ и Ольга Ал[ександровна] Федченко²⁶ участвовали в Куликаланском сражении на Зеравшане²⁷; с другой стороны, работы экспедиций во время наступательного дви-

жения русских войск дадут возможность использовать многое из собранных сведений уже во время войны для нужд самих войск.

Организация экспедиций Центральным ботаническим учреждением не должна помешать организации каких-либо местных экспедиций, так как задачи их могут быть, хотя и параллельные нашим, но все же иные; наши задачи – это собрать возможно обширный материал к познанию естественнo-исторических и сельскохозяйственных условий страны и возможно тщательная и быстрая обработка собранного материала. Залогом первого может служить знакомство мое с Средней Азией (1897–1915 [г]г.), поездка моя в Малую Азию (1912 г.), а также обширные работы по флоре Персии и, наконец, руководство ботаническими экспедициями Переселенческого управления.

Залогом успешности и быстроты обработки материалов может служить опять-таки деятельность моя по экспедициям Переселенческого управления, где под моей редакцией ежегодно издается по десять и более томов «Трудов» экспедиций²⁸.

Б.А. Федченко.

РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5132. Л. 34–35. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

¹ Федченко Борис Алексеевич (1872–1947) – ботаник, профессор ЛГУ (1925–1931). (См. о нем: Рожевец Р.Ю. Борис Алексеевич Федченко // Советская ботаника, 1940, № 3, с. 5–22).

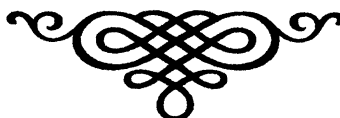
² Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – генетик, растениевод, географ, академик АН (с 1929 г.), академик (с 1929 г.), президент (1929–1935) ВАСХНИЛ, президент Всесоюзного географического общества (1931–1940).

³ Федченко Б.А. Растительность Туркестана. Иллюстрированное пособие для определения растений дикорастущих в Туркестанском крае и Киргизских степях. Пг., 1915.

⁴ Вавилов Н.И. Борис Алексеевич Федченко как ботаник и географ // Советская ботаника, 1940, № 3, с. 3.

- ⁵ Там же.
- ⁶ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф, обер-егермейстер, председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (с 1895 г.), Археографической комиссии АН (с 1900 г.), почетный член АН (с 1890 г.).
- ⁷ Грум-Гржимайло Григорий Ефимович (1860–1936) – географ и зоолог, исследователь Западного Китая, Памира, Тянь-Шаня, Западной Монголии, Тувы, Дальнего Востока.
- ⁸ См.: «Только благодаря Вашей помощи...» Письма Г.Е. Грум-Гржимайло графу С.Д. Шереметеву. 1887–1889 гг. Публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2006, № 2, с. 178–191.
- ⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5132. Л. 33.
- ¹⁰ Там же. Л. 92 об.
- ¹¹ Там же. Л. 142–142 об.
- ¹² Наумов Александр Николаевич (1868–1950) – государственный и общественный деятель, егермейстер, самарский губернский предводитель дворянства (1905–1915), министр земледелия (1915–1916).
- ¹³ Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932) – принц, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1870–1876), Гвардейского корпуса (1885–1889), верховный начальник санитарной и эвакуационной части (1914–1917).
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5132. Л. 152–152 об.
- ¹⁵ В Можайском уезде Московской губернии находилось имение Ольгино, принадлежавшее матери Б.А. Федченко – Ольге Александровне Федченко.
- ¹⁶ Трапезунд был взят русскими войсками 6 апреля 1916 г.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5132. Л. 194–194 об.
- ¹⁸ Рожевец Р.Ю. Указ соч., с. 8.
- ¹⁹ Федченко Б.А. Изучение лекарственных растений Южного Туркестана (Предварительный отчет о командировке в 1916 г.). Пг., 1917.
- ²⁰ Васильченко И.Т. Борис Алексеевич Федченко (1872–1947) // Растения Средней Азии. Под ред. И.Т. Васильченко. Л., 1985, с. 8.
- ²¹ Трагакант – подрод колючих кустарников рода астрагал; дают камедь.
- ²² Шовиц Иоганн (Иван) Осипович (?–1830) – ботаник.
- ²³ Возможно, имеется в виду русско-персидская война 1826–1828 гг.
- ²⁴ Северцов Николай Алексеевич (1827–1885) – зоолог, зоогеограф и путешественник.
- ²⁵ Федченко Алексей Павлович (1844–1873) – естествоиспытатель.
- ²⁶ Федченко (урожд. Армфельд) (1845–1921) – ботаник, чл.-корр. АН (с 1906 г.) – жена А.П. Федченко.
- ²⁷ Имеется в виду сражение, происшедшее 25 июня 1870 г. во время Искандеркульской экспедиции генерала А.К. Абрамова.
- ²⁸ Имеются в виду «Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России» (СПб.; Пг., 1909–1916).

А.Ш. Кадырбаев

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА И ДАШНАКЦУТЮН В ТУРКЕСТАНЕ.

1917–1921 ГОДЫ

Во второй половине XIX в., в период завоевания и присоединения к Российской империи Центральной Азии, известной тогда как Западный Туркестан, там появились армянские общины – выходцы из Карабаха, Зангезура и Западной Армении. Двигаясь через Каспийское море, они осваивали первоначально Закаспийскую область, работали главным образом на строительстве Закаспийской железной дороги. Но довольно быстро на этой тяжелой работе армян сменили выходцы из Персии. Основная масса армян направлялась в городские поселения и постепенно компактно оседала как в старых городах – Самарканде, Коканде, Андижане, так и в новых – Ашхабаде, Скобелеве (ныне Фергана); почти в каждом из них были армянские кварталы. Так, согласно первой Всероссийской переписи населения 1897 г., общее число армян в трех областях – Закаспийской, Самаркандской и Ферганской – составляло до пяти тысяч человек¹. Как свидетельствует в составленном в память о российском генерал-губернаторе Туркестанского края К. Кауфмане «Кауфманском сборнике» в 1910 г. генерал-майор русской армии Б. Литвинов, когда в Туркестан «пришли русские войска, за ними потянулись армяне... открылись лавчонки; прибыли еще войска... выросли транспортные конторы, заводы, церковь, школа и... армяне, армяне и армяне. Армяне-торговцы вытеснили торговцев-татар, армяне-портные выгнали портных евреев, армяне – скупщики, перекупщики... содержатели пивных, словом, образовался особый армянский квартал, очень ловко расположившийся между русским и сартовским (сарты – оазисное мусульманское тюркоязычное население Туркестана, ныне известное как узбеки. – А.К..) городом, как бы показав этим цель своего существования»².

«В 1913 г. армянское население Ферганской области... составило 3292 чел. Армянская диаспора становится все более устойчивой в хозяйственном отношении, и ее благосостояние неуклонно растет... Учреждаются армяно-григорианские приходские школы. В городах [Туркестанского края] появились доходные дома и рестораны, магазины, основанные ими. Немало армян находилось на государственной и военной службе»³. Как свидетельствует современник той эпохи российский востоковед академик В.В. Бартольд, знаток Туркестана, «выгодами торговли, кроме русских, пользовались армяне, особенно в Чарджуе и Керки; в Чарджуе ими содержались европейские гостиницы... Для скупки продуктов сельскохозяйственной культуры в Ширабадское бекство приезжали армяне из Закаспийской области»⁴.

К 1917 г. число армян в Туркестане заметно возросло. Поселенцы осваивали ремесленные профессии, открывали лавки, работали в строительстве. Армянские купцы осуществляли товарообмен с Россией, состоятельные армяне владели многими хлопкоочистительными, маслобойными, кожевенными и иными предприятиями⁵.

В годы Гражданской войны обострились отношения армянских общин с окружающим их мусульманским населением Туркестана, что было вызвано деятельностью как филиалов армянской организации Дашнакцутюн, так и басмачей – мусульманских повстанцев, боровшихся с Советской властью.

Дашнакцутюн – армянское национальное движение, чьи организации действовали в Туркестане в среде армянских общин в союзе с русскими коммунистами региона. Большевики в Туркестане захватили власть в его центре Ташкенте в сентябре 1917 г., раньше, чем в Петрограде, и после своего

прихода к власти выступили против участия коренного мусульманского населения в управлении на родной для него земле. Игнорирование прав мусульман настраивало последних враждебно к Советской власти, что вынуждало ее искать новых союзников, так как опоры на пробольшевистски настроенных русских солдат гарнизонов Туркестана и железнодорожных рабочих, отчасти русских переселенцев-колонистов, было явно недостаточно, чтобы удержать власть в крае. Поэтому Советская власть пошла на союз с дашнаками, тем более что последние позиционировали себя как социалистическое движение, чтобы хотя бы немного упрочить свое влияние.

Напряженные отношения Советской власти с мусульманским населением в известной степени послужили стимулом для активной деятельности дашнаков, настраивавших армянскую общину Туркестана на конфронтацию с его коренными народами. Известны эксцессы в Ферганской долине, когда отряды дашнаков устраивали «зачистки» и погромы мусульманских селений, что вызывало аналогичную реакцию басмачей в отношении армянских общин. После разгрома Кокандской автономии и взятия Коканда в 1917 г. русскими частями Красной гвардии, в составе которых было заметное число обладавших боевым опытом военнопленных Первой мировой войны – венгров, австрийцев, немцев⁶, к ним примкнули вооруженные представители армянской общины – «все бакалейщики, виноторговцы, парикмахеры, мясники и другие торговые слои»⁷. Они в одночасье тоже стали «революционерами» и начали погромы в городе.

В течение трех дней победители убивали всех мусульман, имевших несчастье встретиться им на пути, грабили их дома и лавки. Мусульманские кварталы подожгли, а огромную добычу свалили на вокзале, чтобы ее было удобней вывозить в качестве трофеев. Были перебиты не только местные персы из числа защитников Кокандской автономии, но и вся их немногочисленная община в городе Коканде, невзирая на пол и возраст. Позже представители армянской

общины Коканда, наиболее активной в этой резне, говорили в свое оправдание, что их подталкивал к насилию страх перед объявлением мусульманами «джихада»⁸.

После взятия Коканда Красной гвардией первое время там оставался немногочисленный гарнизон – чуть более 200 солдат, половина из которых были иностранцы – бывшие военнопленные. Кроме того, там находилась армянская дружина⁹. Затем все основные посты в гражданской и военной администрации города заняли армяне, которые были объединены Дашнакцутюн и защищали свои групповые интересы, не гнушаясь самоуправством и фаворитизмом. Властные отношения строились на силе оружия, дашнаки раздавали оружие своим соплеменникам, формируя именем революции своего рода касту «новых преторианцев».

С 1918 до середины 1919 г. революционная диктатура и Советы в Андижане также находились под контролем дашнаков. В условиях экономического кризиса и угрозы голода в Русском Туркестане красноармейские отряды, сформированные из армян, используя властный ресурс, под предлогом борьбы с басмачами осуществляли налеты на кишлаки мусульманского населения с целью реквизиции или грабежа¹⁰. Революционная диктатура, установленная в Андижане, открывала дашнакам доступ к ресурсам в окрестностях города, что давало возможность отбирать у мусульманских крестьян остатки хлопка и продовольствия.

Первые меры Советского правительства Туркестана касались национализации хлопкового хозяйства – главной отрасли края, экспроприации фабрик и смены их прежних владельцев и хозяев на людей, принадлежавших к новому правящему классу, выдвинутому революцией. Была отобрана под видом национализации собственность мусульманских религиозных учреждений – вакфы. «Буржуазия», в первую очередь из мусульман, а также русских, была лишена собственности и изгнана. На ее место пришли «пролетарские» чиновники, далекие от знаний и умения руководить предприятиями по возделыванию и перера-

ботке хлопка, но жаждущие материального обогащения. Хлопок стал ценной ставкой в политической игре, источником личного соперничества, коррупции и милитаризации власти. Новые хозяева установили свой контроль, но из-за их некомпетентности экономика края рушилась, наступал хаос и желаемое богатство исчезало.

Кризис в экономике предоставлял обширное пространство для прямого насилия. Обнищание мусульманского населения привело к тому, что дашнаки не брезговали конфискацией не только скота и продовольствия, но и одеял и одежды. Лошади, реквизируемые для нужд Красной армии, затем перепродавались обратно их прежним владельцам. Армянские солдаты Красной армии без всякого смущения продавали оружие и боеприпасы своим врагам – басмачам. Вместе с тем, хотя власть в Андижане тогда сосредоточилась в руках Дашнакцутюн, уже в конце 1918 г. по инициативе Ташкента, стремившегося заставить дашнаков поделиться властью, в городе была создана местная структура компартии. Русские коммунисты Туркестана вели завуалированную полемику с дашнаками, но не ставили задачу поглощения их организации.

Интересно, что действия против мусульманского населения в Туркестане происходили почти синхронно с аналогичными акциями дашнаков на Южном Кавказе, где был центр их движения. Там, также в союзе с местными большевиками, возглавлявшими Бакинский совет или Бакинскую коммуны, они выступали против мусульманского населения Азербайджана и его национальной партии «Мусават». В марте–апреле 1918 г. 6 тысяч бойцов большевистских отрядов Бакинской коммуны совместно с 4 тысячами вооруженных дашнаков приняли участие в резне местных мусульман. Глава Бакинского совета большевик С.Г. Шаумян признавал это: «У нас были вооруженные силы – около 6000 человек. У Дашнакцутюн имелось также 3–4 тысячи национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной рез-

ни, но избежать этого не было возможности. Мы сознательно шли на это. Мусульманская беднота сильно пострадала...» В цифрах это выглядит так: 20 тысяч мусульманских жителей Азербайджана были убиты. К сказанному остается добавить, что и большевистские части Бакинской коммуны на 70% были укомплектованы армянами, и на 30% – русскими и другими¹¹.

Поэтому вполне понятной становится деятельность дашнаков в Туркестане, в меру своих возможностей поддерживавших антимусульманскую политику своих единомышленников и однопартийцев на Кавказе. В начале 1918 г. 150 революционных солдат, из которых 60 человек были армянами, во главе с председателем кокандского Совета армянином Сааковым, вооруженных пулеметами и артиллерийским орудием, подошли к кишлаку Бачкир, родному селению курбаши Иргаша – лидера басмачей, и сожгли его. По пути следования отряд расстреливал «невинных, беспомощных дехканн, оскорбил некоторых женщин и девиц и ограбил домашнюю утварь их»¹². Сааков являлся крупным советским руководителем Туркестана и во время одного из съездов Советов Ферганской области, проходившего в Коканде, был его председателем.

В начале апреля 1918 г. басмачи осадили Наманган, город в Ферганской долине. Его защищал гарнизон, в составе которого вместе с регулярными частями Красной армии сражались два отряда Дашнакцутюн¹³. В июне 1918 г. дашнаки совершили налет на город Ош, в декабре того же года вторглись в окрестности Джалалабада в северной части Ферганской долины. В декабре 1918 г. отряд дашнаков похитил всех женщин-мусульманок в кишлаке Ханул-Абар и привез их в качестве трофеев в Андижанскую крепость¹⁴. В секретном донесении из Андижана в Совнарком Туркестана в конце 1918 г. говорилось, что Дашнакцутюн несет ответственность за разжигание конфликта между Советской властью и мусульманским населением, а армянский руководитель, отвечающий за «национальную» политику в городе, является богачом, владельцем вино-

дельни, кинотеатра и нескольких домов¹⁵. Десятки кишлаков были разрушены дашнаками, что способствовало уходу мусульман в басмачи.

После нападения басмачей в феврале 1919 г. на Андижан его гарнизон, в основном состоявший из армян, возложил ответственность за этот налет на мусульманских жителей старого города. В течение недели в домах мусульманских жителей проводились обыски, сопровождавшиеся грабежами, убийствами и изнасилованиями. Молодых девушек из старого города дашнаки увозили в Андижанскую крепость телегами. Оправдывая свою жестокость, дашнаки говорили, что даже если они убьют всех мусульман Ферганы, то не будет столько погибших, сколько армян уничтожили мусульмане в 1915 г. в Османской империи¹⁶. В это время 170 вооруженных бойцов отряда дашнаков напали на кишлак Кокан, но попали там в засаду басмачей и все погибли¹⁷. За это дашнаки сожгли Кокан и вырезали местных жителей. Другой отряд дашнаков после боя с басмачами захватил селение Сузак и расстрелял там всех жителей. Третий отряд Красной армии, в составе которого была армянская дружина, вступил в бой с басмачами у Базар-Кургана и был вынужден отступить. В течение 20 дней кишлаки в этой зоне подверглись нападению, где все мусульмане мужского пола, невзирая на возраст, были убиты. Те, кто выжили, хоронили погибших, но дашнаки появлялись вновь и убивали оставшихся, даже тех, кто молился у свежих могил¹⁸.

Жестокость рождала жестокость и жажду мщения. Курбаши или, говоря современным языком, «военно-полевые командиры» басмаческих отрядов, призывали мусульманское население: «Мы должны последовать примеру турок, которые уничтожали армян»¹⁹.

Поворот в политике русских коммунистов Туркестана произошел в 1919 г. Он был инициирован из Москвы ЦК РКП(б) и лично председателем Совнаркома РСФСР В.И. Лениным после того, как Красная армия разбила белогвардейские войска адми-

рала Колчака и атамана Дутова, тем самым вырвав Советский Туркестан из блокады и изоляции. Москва требовала от них отхода от прежнего «колонизаторского» курса в отношении мусульманского населения в пользу взаимопонимания и привлечения мусульманских коммунистов на высшие посты Туркестанской АССР, а также снижения объема репрессий и приостановления активности всех вооруженных формирований, враждебно настроенных к мусульманам. Это особенно касалось частей Красной армии, сформированных из армян. Компромисс с мусульманскими коммунистами Туркестана был для ЦК РКП(б) вынужденной мерой. В самые тяжелые годы Гражданской войны только с их поддержкой могла устоять Советская власть в крае, хотя этого не хотели понимать местные русские коммунисты. Важен в этой связи был и внешнеполитический аспект, которым руководствовался ЦК РКП(б), а именно экспансия «мировой революции», в которой странам Востока большевики отводили особую роль. Поэтому Русский Туркестан и «революционные мусульманские массы» во главе с местными мусульманскими коммунистами, подконтрольными центру, рассматривались как своего рода полигон, где отрабатывались модели будущей «пролетарской революции» на зарубежном Востоке. Московские комиссары наблюдали за инициативами Мусульманского бюро Компартии Туркестана во главе с Тураром Рыскуловым и в тот момент поддерживали их, хотя и не все из этих инициатив вызывали их одобрение. Однако комиссары не могли им препятствовать, пока в Туркестан не прибыли части Красной армии из центра России.

На первом съезде Компартии Туркестана в июне 1918 г. дашнакам вынесли официальную благодарность за их участие в революционном движении края. В ответ представитель Дашнакцутюн выразил готовность прийти на помощь Советской власти. «В трудные моменты мы можем рассчитывать на вас, а вы – на нас, как на самих себя... Армянский народ сильно пострадал от

своих врагов, от турков – нас было 30 миллионов, осталось десять...»²⁰ Причем в это время дашнаки пользовались поддержкой не только местных русских коммунистов Туркестана, но и центра – красной Москвы. Еще в марте 1918 г. во многих местных газетах национальных районов Советской России было помещено постановление народного комиссара по делам национальностей РСФСР И.В. Джугашвили-Сталина о том, что «армянские революционные организации имеют право свободного формирования армянско-добровольческих отрядов»²¹, чем Дашнакцутюн активно воспользовался в рамках советской «революционной законности». Хотя Сталин явно не отличался особой любовью к армянам, а тем паче к мусульманским народам, он просто отвечал на ряд запросов, декларируя допустимость национальных формирований в русле проводимой тогда большевиками во главе с В.И. Лениным национальной политики.

Дашнакцутюн был готов участвовать также в формировании частей Красной армии для ведения боевых действий на Кавказе. Причем это был вполне конкретный проект, о котором заявил перед съездом один из руководителей Совнаркома Туркестанской АССР, военный комиссар Осипов, впоследствии, в 1919 г., перешедший на сторону врагов Советской власти и попытавшийся свергнуть ее в Ташкенте. Эта попытка стоила жизни 14 ташкентским комиссарам – высшему руководству советского Туркестана, в том числе председателю ТуркЦИКа Войтинцеву, председателю Совнаркома Фигельскому, главе местной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Фоменко. Согласно проекту, революционные армянские части предполагалось использовать в Красной армии, дислоцированной на Кавказе, в составе которой они обладали бы определенной автономией в вопросах организации и дисциплины²².

Одновременно со съездом Компартии Туркестана проходил съезд Дашнакцутюн, где было объявлено, что армянам следует выступить на стороне Советской власти. При этом особо подчеркивалось, что только

таким образом они могут защитить армянскую диаспору в Туркестане и свою родину – Армению от врагов, под которыми открыто подразумевались мусульмане, где бы они ни находились²³. Выступления дашнаков на съезде показали тесную связь между развитием конфликта на Южном Кавказе, где был центр их движения, и действиями Дашнакцутюн в Туркестане. Для Дашнакцутюн поддержка Советской власти в первую очередь диктовалась его антимусульманскими настроениями, которые во многом разделяли местные русские коммунисты – руководители Туркестанской АССР. Эти настроения особенно проявились в первые два года их правления в крае.

Осложнение отношений между большевиками и Дашнакцутюн произошло после падения большевистской Бакинской коммуны в конце июля 1918 г. В этом немалую негативную роль сыграла позиция дашнаков, оголивших фронт против наступавших на Баку турецких войск. Богатая и влиятельная армянская община Ашхабада поддержала белогвардейское правительство Центрокаспия во главе с генералом Савицким, захватившим власть в Закаспийской области, по чьему приказу около Красноводска были казнены 26 бакинских комиссаров. Эти события способствовали укреплению отношений русских и мусульманских коммунистов Туркестана, что в немалой мере отвечало политике ЦК РКП(б), осудившего русских коммунистов Туркестана за «колонизаторский уклон» и притеснения ими мусульманского населения. Тем не менее в Фергане русские коммунисты и дашнаки продолжали сотрудничать, поскольку какое-то время Советская власть нуждалась там в армянских боевых дружинах.

Но ситуация постепенно менялась не в пользу Дашнакцутюн. В марте 1919 г. на чрезвычайном съезде Советов Туркестана его мусульманские делегаты предложили резолюцию, в которой выдвигалось требование «обезоружить и расформировать отряд Дашнакцутюн и очистить Красную гвардию от преступного элемента»²⁴, т.е. фактически объявили дашнаков преступниками. Это

требование стало итогом нового союза русских коммунистов, придерживавшихся политики ЦК РКП(б), с мусульманами. Мусульманские коммунисты выдвинули свою резолюцию в знак протеста против запланированного выступления представителя Дашнакцутюн, отказавшись его слушать и настаивая на смене докладчика. В результате обсуждалась резолюция съезда без участия дашнаков, что было успехом мусульманских коммунистов. Но и резолюция с требованием разоружения и роспуска армянских частей тоже тогда не прошла. Однако начало было положено.

Нападки на дашнаков на последующих съездах Советов и Компартии Туркестана усилились. Особенно серьезно они прозвучали в выступлениях Т. Рыскулова – лидера мусульманских коммунистов, который обнародовал факты преступлений дашнаков в Фергане. В апреле 1919 г. на совещании Мусульманского бюро Компартии Туркестана мусульмане-коммунисты осудили сотрудничество Советской власти с Дашнакцутюн, призвали прекратить насилие в Фергане, привлечь на свою сторону мусульманское население и «произвести чистку рядов Красной армии от армянских провокаторов»²⁵. В мае комиссия ТуркЦИКа приказала армянской общине Ферганы сдать оружие, а частям Красной армии в крае – вывести из своих рядов армянских бойцов. Причем объявление об этом было сделано 25 мая, а приказ по армии об их разоружении датирован 26 мая. Очевидно, сначала дашнаков вынудили сдать оружие, затем об этом объявили на конференции Мусульманского бюро коммунистов Туркестана и только после этого был отдан официальный приказ о разоружении, чтобы не дать времени дашнакам организовать сопротивление. Еще до выхода этого приказа Т. Рыскулов прибыл в Андижан, долгое время бывший оплотом дашнаков в Туркестане, с большими полномочиями, поскольку являлся членом Ферганской комиссии. Он докладывал в Ташкент о фактах насилия дашнаков над мусульманами.

Операция по разоружению была продуманной и готовилась заранее, что свидетель-

ствует о ее сложности. Оказалось, что армянская община Андижана за короткое время получила от Советской власти как минимум 800 винтовок. Помимо этого, у армянской общины, по словам ее представителей, оставалось на каждого ее члена по пять ружей, револьверы, боеприпасы к ним и даже гранаты²⁶. Уже в марте, когда Советская власть в Туркестане под давлением ЦК РКП(б) и мусульманских коммунистов впервые обозначила намерение разоружить дашнацкие отряды, те сначала были настроены защищаться с оружием в руках и выразили готовность покинуть Туркестан. Как бы то ни было, приказ о разоружении дашнаков претворялся в жизнь под контролем ТуркЦИКа, где сравнивали количество сданного оружия с тем, что, по достоверным агентурным данным, должно было находиться у армянской общины Ферганы.

Не все подчинились приказу, поэтому комиссия была вынуждена привлечь части Красной армии при проведении обысков в домах членов Дашнакцутюн и прочих сочувствующих этой организации, а если кто-то оказывал сопротивление, то был отдан под суд военного трибунала.

Вначале у тех армян, кто служил в Красной армии, оружие не изымалось, а только регистрировалось на их владельцев. Однако опасения, что оружие, находившееся у армян-красноармейцев, попадет в руки их прочих соплеменников, оказались оправданными. Поэтому комиссия приказала командованию Красной армии в Туркестане изгнать из своих рядов всех армян-красноармейцев. Через несколько дней после приказа на первом съезде Мусульманского бюро Компартии Туркестана было объявлено, что в Андижане, Коканде и Скобелеве, где в основном концентрировались армянские боевые дружины дашнаков, их разоружение завершено²⁷.

Следующим ударом по Дашнакцутюн стал роспуск его филиалов в Туркестане под натиском мусульманских коммунистов, которых теперь уже поддерживали как местные русские коммунисты, так и Москва. Армянам было разрешено объединиться в «Ар-

мянское братство», формально новую организацию, которую нельзя было обвинить в связях с партией дашнаков, перешедшей к этому времени на Кавказе в стан врагов Советской власти²⁸.

Хотя пришлось пойти на некоторый компромисс, главная цель, поставленная Т. Рыскуловым, а именно – устранение армянских боевых дружин как автономных военных формирований и роспуск филиалов Дашнакцутюн в Туркестане – была достигнута.

И после роспуска Дашнакцутюн в Туркестане мусульманские коммунисты не оставляли без внимания армянские организации. Уже через год в докладе на имя командующего Туркестанским фронтом Красной армии М.В. Фрунзе один из его командиров утверждал, что организация «Армянское общество» ничем не отличается от Дашнакцутюн, и предлагал издать распоряжение о запрете ее деятельности²⁹.

Что же касается армянской диаспоры, то после роспуска Дашнакцутюн в Туркестане некоторые ее представители вступили в ряды Компартии. Среди известных в Туркестане коммунистов был А.А. Мелкумов, уроженец Нагорного Карабаха, с детства живший в Ашхабаде, участник Первой мировой и Гражданской войн, командир кавалерийской бригады Красной армии, владевший туркменским языком. Он был удостоен ордена Боевого Красного Знамени, участвовал в разгроме отрядов бывшего военного министра Османской империи Энвер-паши в 1920–1921 годах. Мелкумов был одним из немногих представителей армянской диаспоры, пользовавшихся доверием среди мусульман – коммунистов и бойцов Красной армии, о чем свидетельствует его назначение командиром Туркменской кавалерийской бригады Туркестанского фронта.

Большое влияние на политику Советского Туркестана оказывал с 1919 г. представитель ЦК РКП(б) в Туркестанской АССР Г.И. Сафаров, выходец из армяно-польской семьи, уроженец Санкт-Петербурга, соратник В.И. Ленина, возвратившийся с ним в Россию из эмиграции. Интересно, что

он был ярким противником Дашнакцутюн и «колонизаторского» уклона русских коммунистов Туркестана, допускал крайности и перегибы уже в пользу «мусульманских революционных масс», сводивших счеты с русскими переселенцами и армянской диаспорой за «старые обиды»³⁰.

Заметным стало присутствие армян в партийных и карательных органах Советского Туркестана, что превратилось в своего рода «традицию» в советскую эпоху в Средней Азии. В 1930-х – 1940-х годах Д.З. Апресян и А.З. Кобулов возглавляли органы госбезопасности и внутренних дел Узбекской ССР, а Л.И. Мирзоян стал первым лицом в Казахской ССР – секретарем ЦК КП(б) Казахстана³¹. В 1980-х годах, во время правления в СССР Ю.А. Андропова, когда против руководства республики Узбекистан были выдвинуты обвинения в коррупции, расследованием т.н. «хлопкового дела» руководил следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР Т.Х. Гдяян.

Роль и влияние армянской общины в революции в Туркестане как автономного политического фактора сошли на нет. Для этого были объективные причины. Поддержка пусть и немногочисленной, но организованной армянской диаспоры требовалась русским коммунистам Туркестана в первый год после взятия ими власти в крае, когда они находились в условиях изоляции от центра, предоставленные самим себе. При этом в результате своей же собственной политики они оказались в окружении враждебного мусульманского большинства, не обладая достаточной опорой в крае в лице русской общины, в среде которой не было единства по отношению к власти большевиков. В это время «колонизаторский» курс руководителей Советской власти региона, вообще не допускавший к управлению представителей коренного населения, даже мусульманских коммунистов, рассматривавший их как врагов, не мог не найти понимания у дашнаков, ставших временными союзниками Советской власти. Причем так, до поры до времени, было не только в Туркестане, но и на

Кавказе. Но прорыв блокады Дутова и возвращение Туркестана под контроль красной Москвы, временно ориентировавшейся на союз с мусульманскими коммунистами во главе с Т. Рыскуловым, и разрыв ее отношений с Дашнакцутюн на Кавказе предопределили поражение последнего и в Туркестане.

Представляется, что армянская община и движение Дашнакцутюн в Туркестане в 1917–1919 годах стали заложниками и жертвами своих антимусульманских настроений, огульно считая всех мусульман повинными в той трагедии, которая произошла с армянами в Восточной Анатолии в 1915 г. Но во всех акциях дашнаков в Туркестане была явно видна и низменная материальная подоплека, когда вооруженное насилие имело корыстную цель наживы за счет более слабых. Подобный курс дашнаков в Туркестане оказался самоубийственным и для самой армянской диаспоры края, находившейся в окружении подавляющего мусульманского большинства, и привел ее на грань уничтожения.

Примечания

¹ Historia Rossica. Центральная Азия в составе Российской империи. Краины Российской империи. М., 2008. С. 169.

² Кауфманский сборник. М., 1910. С. 31–45.

³ Там же.

⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Работы по истории Средней Азии. Том II. Ч. 1. М., 1963. С. 423, 426.

⁵ Амирьянц И.А., Григорьянц А.А. Армяне Средней Азии // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. М., 1992. С. 157–169.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 25898. Оп. 1. Д. 2. Л. 64–65.

⁷ Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. С. 107.

⁸ Новый Туркестан. Ташкент, 1918. № 11, 13, 19.

⁹ РГВИА, Ф. 25898. Оп. 1. Д. 2. Л. 64–65.

¹⁰ Буттино Марко. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 281.

¹¹ Шаумян Степан. Письма. 1896–1918. Ереван, 1959, с. 63–65.

¹² Буттино Марко. Указ. соч., с. 276.

¹³ Ферганский областной государственный архив. Ф. 121. Оп. 1. Д. 275. Л. 27–28 об.

¹⁴ Буттино Марко. Указ. соч. С. 285.

¹⁵ РГВИА. Ф. 25898. Оп. 2. Д. 11. Л. 82–85 об.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 1283; ф. 100. Оп. 3. Д. 923. Л. 158 об.

¹⁷ Буттино Марко. Указ. соч. С. 285.

¹⁸ Рыскулов Т. Указ. соч. С. 107–109.

¹⁹ РГВИА. Ф. 25898. Оп. 2. Д. 11. Л. 82–85 об.

²⁰ Наша газета. Ташкент, 1918, 22 июня.

²¹ Сталин И.В. Сочинения в 13 томах. М., 1946–1951. Т. 4, с. 24.

²² РГВИА. Ф. 25898. Оп. 1. Д. 78. Л. 207.

²³ Наша газета. 1918, 12, 24 и 25 июня.

²⁴ Назаров М.Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты Октябрьской революции. 1918–1920 гг. Ташкент, 1969. С. 123.

²⁵ Мусбюро РКП(б) в Туркестане: I, II и III Туркестанские краевые конференции РКП(б), 1919–1920 гг. Ташкент, 1920. С. 67–68.

²⁶ РГВИА. Ф. 25859. Оп. 2. Д. 11. Л. 82–85 об.

²⁷ Мусбюро РКП(б) в Туркестане. С. 10.

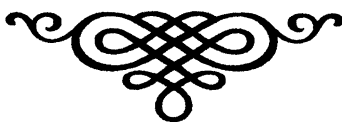
²⁸ РГВИА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 923. Л. 158 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Сафаров Г. Колониальная революция. Опыт Туркестана. М., 1921.

³¹ Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938 гг.). Алма-Ата, 2001. С. 3–9.

³² РГВИА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 29. Л. 21.

В.П. Хохлова

«ПО ПУСТЫНЕ, ПО САХАРЕ ВЫСУНУВ ЯЗЫК!»

Русские во французском Иностранном легионе в начале 1920-х годов

О службе русских во французском Иностранном легионе известно давно, однако данные об этом до последнего времени были отрывочны и не всегда достоверны. Между тем в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится немало документов на этот счет. Географический охват весьма обширен: Северная Африка, Ближний Восток, Индокитай, другие территории, входившие в орбиту прямого или косвенного французского господства.

Публикатор сосредоточился на поиске документов, относящихся, во-первых, к североафриканскому региону и, во-вторых, к двадцатым годам минувшего столетия. На этой основе были отобраны наиболее типичные из обнаруженных документов такого плана. Это – подлинные письма легионеров, в большинстве своем плохо сохранившиеся, но, тем не менее, поддающиеся прочтению. Как правило, они представляют собой листки, вырванные из блокнотов, или, за неимением бумаги, чистые бланки различных армейских служб, заполненные простым карандашом или чернилами. Бумага плохого качества, карандашные записи полустертые, чернила выцветшие, почерк неразборчивый. Письма чаще всего короткие. Конверты оформлены отчетливо, адрес всегда на французском языке и другим почерком.

Авторами писем были наши соотечественники – легионеры, завербовавшиеся в основном в 1918–1921 годах. Писали рядовые, капралы, сержанты французской службы. Обращены письма к различным адресатам: Всероссийскому союзу земств и городов (Париж), Объединенному казачьему комитету (Прага), Подотделу о военнопленных и интернированных Исполнительного комитета Конференции членов Учредительного Собрания (Париж), редакциям эмигрантских газет и журналов, а также отдельным лицам.

Среди последних значатся официальные представители Белого движения за рубежом России и активные деятели эмигрантских сообществ в основных европейских центрах русского рассеяния.

Авторы писем принадлежали к различным социальным слоям зарубежья. Отличали их и образовательный уровень, и жизненный опыт. Все это, разумеется, не могло не отразиться на содержании публикуемых текстов. И тем не менее все эти письма достойны внимания потомков, прежде всего историков эмиграции. Вдумчивый читатель, тем более специалист, обратит внимание на их информативную значимость. В самом деле, в письмах содержится много нового и необычного даже в сравнении с редкими публикациями по теме, которые появились в отечественной литературе и периодике за последние два десятилетия¹.

Бесспорные отличия между легионером явно отступают на второй план в сравнении с тем, что всех их – и 17-летних юнцов, и седовласых ветеранов, людей различных сословий, национальностей, вероисповеданий – объединяло на чужбине. В большинстве своем они были бойцами разбитых белых армий, в одночасье лишившимися родины, семьи и куса хлеба. То есть – людьми морально надломленными. Трагизм положения, в котором они очутились, в какой-то мере передает сложенная самими легионерами песня:

Французам мы продали тело,
А душу пусть черти возьмут.
Прощай, наша Родина, смело
Мы дальше отправимся в путь...²

Об этом пути, о скитаниях по белу свету, о военной службе под чужими знаменами, о смерти боевых товарищей, о невесе-

лых раздумьях рассказывают публикуемые письма.

Пространных комментариев тексты не требуют, ибо говорят сами за себя. Но об одной их общей особенности сказать все же необходимо.

Не простые это письма: по большей части перед нами просьбы, а то и мольбы о помощи. Их авторы признавали, что, в силу различных причин, совершили серьезную ошибку, когда «французам продали тело». Но решить эту серьезнейшую проблему без помощи извне они не могли. Потому и просили своих заморских адресатов походатайствовать перед французскими властями о досрочном освобождении от военной службы.

Если шагающим отделением или взводом командовал кто-то из своих, сержант или старшина, то можно было, что называется, отвести душу. Тогда затягивали задорные куплеты типа:

Ать-два, ать-два,
Шире шаг, мужик!
По пустыне, по Сахаре
Высунув язык!³

И эти бесхитростные, проникнутые самоиронией слова помогали людям выжить, ибо позволяли хотя бы на несколько минут забыться.

Письма легионеров публикуются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, при сохранении стилистических особенностей оригинала.

№ 1

Легионер Ф. Кокин – М.А. Михайлову⁴
Эрфуд (Марокко)
[4] марта 1920 г.

Г-н М. Mikhailoff!

Простите за смелость обратиться к Вам. Другого выхода мы не нашли. Так оказалось несчастно наше положение. Вот уже как 6-й месяц после ангажемента мы работаем в пустынной Африке и не получаем никаких вестей не только с родины, но даже из

Франции. Никакой живой мысли, что бы могла рассеять хоть на минуту эту ужасную действительность. Кругом степь, а там горы и горы, без конца горы с их дикими обитателями. Чувствуется, что мы день ото дня начинаем черстветь, опускаться в невежество и вот-вот, с минуты на минуту, ждешь, как оно покроет своей стихийной волной навечно свои несчастные жертвы. Так и хочется крикнуть в эту минуту – помогите! И мы просим не отказать прислать на мое имя имеющиеся у Вас под руками книги для чтения, которые, хоть немного, все-таки будут поддерживать нравственно.

С почт[ением], Феоктист Кокин.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 4 – 4 об. Автограф.

№ 2

Легионер А. Красноженов –
[Н.А. Палчевскому⁵]

[Аит-Гнак] (Марокко)
7 мая 1920 г.

М[илостивый государь]!

Получил Ваше письмо, очень рад, что Вы представили нам возможность пользоваться словарями и учебниками бесплатно. В настоящее время батальон наш строит пост на новозанятом месте в Атласских горах. Обстоятельства нашей жизни не изменились. Мы все продолжаем лазить по горам Атласа и будем лазить еще долго, потому что после поста Ait-[Gnak] предвидится выстроить еще несколько постов и шоссейную дорогу. Я думаю, что раньше октября или ноября [с.г.] на свой пост мы не вернемся. Вы спрашиваете, не из одесской ли я партии? Да! Я и большинство русских, находящихся со мной во второй роте, ангажировались в Одессе.

Причины, заставившие нас записаться в легион, разные.

Одни боялись мести большевиков и, записавшись в легион, в этом нашли возможность покинуть Одессу.

Другие, увидя, что французы дают белый хлеб, вино, сардины и т.д., не давая се-

бе отчета, что они делают, дали подписку на пять лет. Записались они в легион потому, что были голодны и безработны.

Третьи прельстились заманчивыми обещаниями французов и т.д.

При записи, безусловно, о Марокко ничего не упоминалось, записывались как будто бы служить в города французских колоний: Алжира, Туниса, [Тонкина], Мадагаскара и т.д.

После нашей партии в г. Бель-Аббес⁶ прибыли еще две. Одна – была набрана еще в Одессе за 2 дня до вступления большевиков в город, партия эта отступала из Одессы с французами по направлению [к] р. Днестр. Другая партия была набрана из остатков Добровольческой армии, которая под напором большевиков перешла за Днестр и очутилась в лапах «Великой Румынии».

Вот все, что я могу сообщить Вам о записи русских в легион во время пребывания французов в Одессе.

Если Вы хотите знать подробности – задавайте вопросы, я буду отвечать Вам.

Уважающий Вас

и всегда готовый к услугам,

Александр Красноженов.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1 Д. 24. Л. 9 – 10 об. Автограф.

№ 3

Легионер М. Чубюк – Н.А. Палчевскому

Бу-Дениб (Марокко)

22 июля 1920 г.

М[илостивый государь]

г-н Пальчевский,

честь имею покорнейше просить Вас, не откажите дать мне совет по следующему вопросу.

Наши русские, которые находятся здесь, уже потеряли терпение служить в Иностранном легионе и решили отказаться от службы совершенно. Мотив тот, что когда нас принимали в Одессе, то сказали, что служба будет гарнизонная в Эльзас-Лотарингии, жалование 60 фр[анков] в месяц

и.т.п. Итак, вместо Эльзас-Лотарингии нас послали в Марокко, вместо 60 фр[анков] в мес[яц] получаем 95 сантимов в день, с утра до ночи работаем, и еще нас притесняют немцы, так как их здесь большинство – 85%, [все] сержанты и капралы, в общем, всё начальство – немцы, жалется некому, так как наша жалоба – глас вопиющего в пустыне, работаешь по целым дням в такую адскую жару, а, кроме того, – еще походы, сопровождать обозы на посты, где [в] 10 раз хуже мучение, чем работа. Кормят скверно, в общем, нет возможности служить больше. Я предложил товарищам подождать, пока я не посоветуюсь с Вами относительно этого. Не знаю и не могу ручаться, что они не сегодня так завтра могут это сделать.

На основании вышеозначенных причин, честь имею покорнейше просить – не откажите мне советом, а также – какое наказание самое худшее ожидает солдата, отказавшегося от службы, принимая во внимание наше положение, а также, нельзя ли обратиться во франц[узскую] Лигу защиты прав человека по этому поводу. Надеюсь, что Вы не откажете несчастным Вашим соотечественникам.

С почтением, М. Чубюк.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 13–14 об. Автограф.

№ 4

Легионер С.П. Коптев –
редактору газеты «Луч»⁷

Фес (Марокко)

5 ноября 1920 г.

Уважаемый гражданин редактор,
по Вашей просьбе спешу довести до сведения, что высылаемая Вами газета «Луч» к нам не доходит, ее рвут наши офицеры, находя ее большевистской, но на самом деле они не один не понимают ни единого слова по-русски, но бороться с этим злом мы совершенно бессильны под страхом военного суда или же, в крайнем случае, 60 суток ареста. Я прошу Вас обратиться в военное француз-

ское министерство, попросить разрешения о получении газеты нам и к тому же прошу оставить мою фамилию в секрете потому, что я прошу от всех русских Иностранного легиона маршевого полка.

Остаюсь покорный слуга С.П. Коптев.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 39–40. Автограф.

№ 5

**Легионер Бурдаков –
[Н.А. Палчевскому и М.А. Михайлову]**

Фес (Марокко)
6 ноября 1920 г.

[Милостивые государи,]

Посылку получил, за что от души благодарен Вам. Не знаю, может быть, я покажусь назойливым Вам или, может быть, [нахалом], то уж извините, когда-нибудь явится возможность отблагодарить, а сейчас я решил просить у Вас еще книг, так как книги эти читает почти весь полк, а таким малым количеством книг всех я не могу удовлетворить. Если можно, то пришлите еще и один русский букварь. Если же имеются «Неточка Незванова» на французском языке или другие [книги], то, будьте добры, пришлите. Я буду сердечно Вам благодарен. И все те русские, которые будут читать и читать, просят меня выразить Вам благодарность за [н]их всех.

С благодарностью за группу русских⁸,
Бурдаков.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 41 – 41 об. Автограф.

№ 6

Группа легионеров – М.А. Михайлову

Бу-Дениб (Марокко)
6 ноября 1920 г.

Милостивый государь г-н Михайлов!

Мы, Ваши соотечественники, волею судьбы заброшенные из Сибири, Дальнего

Востока и Китая в ряды Иностр[анного] легиона фр[анцузской] армии, позволяем себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой о высылке (если это возможно) для группы, пока из 5 человек, учебников франц[узского] языка, словарей рус[ско]-фр[анцузского] и фр[анко]-рус[ского], а также письменных принадлежностей. Русских в [конном отряде] «Compagnie Montée», где в настоящее время находимся мы, есть довольно много, а изучение фран[цузского] языка здесь является неотложной необходимостью, которая, при успешной постановке дела, помимо неоспоримой пользы знания чужого языка, может значительно улучшить и наше тяжелое положение. Как уже сказано выше, группа наша состоит пока из 5-ти человек, но думается и верится, что, ознакомившись лучше с нашими собратьями в легионе, мы разовьем это дело, а может быть, и начнем преподавание грамотности, устроив небольшую школу; ведь неграмотных и недоучившихся и здесь искать не приходится. Пока же надемся, что исполнение нашей просьбы не представит Вам особенных затруднений, а нам оно даст действительную и неоспоримую пользу и поддержку.

С почтением,

Исаков,
М. Смирнов,
Гончаров,
А. Кузнецов,
[неразборчиво].

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 43–43 об. Автограф.

№ 7

**Легионеры Альбов, Волков и др. –
М.А. Михайлову и Н.А. Палчевскому**

Фес (Марокко)
19 ноября 1920 г.

М[илостивые] Г[осудари/господа]
Михайлов и Пальчевский!

Мы, б[ывшие] русские военнослужащие, ныне солдаты французского Иностранного легиона, желая изучить хоть немного

франц[узский] язык, без коего нам всем приходится очень трудно, и зная Вашу отзывчивость, обращаемся к Вам с великою просьбою и просим нам помочь в этом, а именно не отказать нам выслать французскую грамматику с словарями русско-французским и франко-русским, за что будем премного Вам благодарны. Выписать из русского магазина за неимением средств мы лишены возможности, а потому и принуждены обратиться к Вам как к единственным людям, помогающим русским.

Альбов. Волков. [Далее неразборчиво].

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 45 – 45 об. Автограф.

№ 8

Капрал А. Пичугин – М.А. Михайлову

Фес (Марокко)
29 декабря 1920 г.

Уважаемый г. Михайлов!

Не знаю, как и благодарить за присланные Вами учебники. Много, много они помогут нам, заполняя пролетающее даром бесцветное время и, главное, подготовят нас к жизни, в которую каждый из нас хочет вступить во всеоружии знания по окончании «добровольно-подписанных условий: на пять лет закопаться в могилу».

И в эту черную яму, могилу, называемую Иностранным легионом, проникают лучи солнца, несмотря на все нарочно возлагаемые препятствия. Лучи эти – учебники, книги, газеты.

Мы с жаром принялись изучать математику, физику, французский и русский языки. Причем, должен заметить, нет зубрежки, а во всё стараются вникнуть, понять. Не хватает для полноты (конечно, ограниченной) знаний всемирной истории (др[евнего мира], ср[едних веков], и нов[ейшей]), также географии, (истории и географии русского государства тоже), химии. О ботанике, зоологии и т.п. предметах уже не приходится говорить. Если бы Вы могли нам выслать

что-нибудь вроде «Астрономических вечеров»!

Это было бы великолепно!

Сколько знаний вынесет каждый из нас по окончании своих «добровольно-подписанных». А сколько из нас думает и после продолжать учиться, «до самой смерти». И эти заявления звучат такой искренностью, таким жаром, что хочешь разорваться, а помочь. Ведь это не филантропическая подача копеечки нищему. Нет, нет и тысячу раз нет!

Гигантский, всеобъемлющий пожар жажды знаний охватил почти всех нас, заброшенных и забытых. Вместе с «Лучом» к нам проникают лучи разноцветные, подбадривающие и не дающие отчаиваться.

Еще раз от лица всех приношу Вам благодарность и буду надеяться, что Вы нам поможете.

Если Вы имеете возможность, то пришлите историю (др[евнего мира], ср[едних веков], новейшую и русскую), всеобщую географию, химию (элементарную) и что-нибудь из естествознания. <...>⁹

Присылайте же, если возможно.

С почтением, А. Пичугин.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 54 – 55 об. Автограф.

№ 9

**Капитан Тихонов¹⁰ –
неизвестному адресату**

Сиди-Бель-Аббес (Алжир)
14 января 1921 г.

Милостивый Государь!¹¹
Обращаюсь к Вам по рекомендации
Л.З. Родштейн¹².

В полку (1er Régiment de la Légion Etrangère), в кот[ором] я имею честь служить, находится много русских самого разнообразного положения и образования.

Стремление к продолжению образования, к изучению франц[узского] языка – велико, но средства, коими мы располагаем – мизерны.

Полковая библиотека имеет всего-навсего 12 томов на русск[ом] языке, и то пришедших в ветхость.

Среди русских – много достойных производства в капралы и сержанты, но незнание языка или недостаточное владение им – одна из задерживающих причин. Для выписки самоучителей средств нет.

Брошюры вроде «Русский во Франции» окажут громадную услугу молодым легионерам, а самый простой несложный самоучитель даст возможность приступить к изучению языка.

Я организовал класс – учеников много, но нет ни руководств, ни принадлежностей[ей].

Вы оказали бы нам громадную помощь высылкой книг для чтения (просят Гоголя, Кольцова, Толстого), самоучителей и пособий.

Полк ожидает прибытия значительн[ой] партии русских (ок[оло] 300 чел.). Нужда усилится.

Заранее от лица моих соотечественников-легионеров приношу нашу искреннюю благодарность.

Тихонравов.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 52 – 52 об. Автограф.

№ 10

Легионер Шаповалов – сотрудникам Подотдела о военнопленных и интернированных

Тазугерт (Марокко)
24 апреля 1921 г.¹³

Милостивый Государь!

Недавно я получил от моего товарища копию Вашего письма, в котором Вы обращаетесь с просьбой описать, в каких условиях протекает наша жизнь в Иностранном легионе, причины поступления в указанный легион и количество русских граждан, находящихся ныне в легионе.

Я пока останавливаюсь на этой маленькой выдержке Вашего письма, не касаясь других, более мелких, вопросов, которые са-

ми по себе будут освещены при описании упомянутых выше.

Выражая заранее Вам благодарность за сочувствие к обездоленным судьбою Вашим compatriotes, я от имени своих товарищей берусь описать все Вас интересующее.

Безусловно, чтобы оказать то или иное сочувствие, необходимо знать, в каком положении мы находимся.

Под словом «сочувствие» я подразумеваю духовную поддержку, так как именно в ней мы нуждаемся.

Задача, возложенная на меня моими товарищами по несчастью, обязывает меня честно выполнить эту роль, дабы Вы могли более наглядно судить о тех мерах, предпринять кои Вы полагаете.

Находясь в легионе уже более 2-х лет, мне известна его жизнь со всеми ее оттенками, но описание ее будет сопряжено с необычайными трудностями из-за недостатка свободного времени.

Как мои товарищи, так и я, прошедшие все этапы Добровольческой армии, почти всех формирований и в разное время, имеют достаточно причин о выходе из армии, а потому я с высоты их и начну описывать ту покатость, по которой мы докатились до настоящего положения, не считаясь ни с какими политическими взглядами, оставаясь на это время пушкинским дьяком, который:

Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Положение Добровольческой армии в Одессе в феврале 1919 г. представлялось в следующем виде.

Открытая поддержка ее правыми элементами и печатным органом г-на В.В. Шульгина¹⁴ не привлекала симпатий ни рабочих, ни крестьян, ни даже среднего класса; это открыто выражалось местными газетами. Авторитет армии был равен нулю. Подозрительность возглавлявших ее вселяла в рядовых офицеров недоверие к своим начальникам. В самих же ротах образовались группы тайно сговаривающихся покинуть армию, убежать к Дени-

кину¹⁵, Колчаку¹⁶ или прямо-таки в противоположный лагерь. Это недовольство усугубляли еще элементы чисто монархических направлений, своими эгоистичными взглядами, устаревшими приемами и другими недостойными выходками. Французские войска как-то равнодушно смотрели на эту снежную армию – и верно, она к весне растаяла.

Дисциплина, вначале державшаяся, уступила место шкурным вопросам.

Маменькины сынки и прочие казарменные герои, зачуяв запах дыма, «окопались» в штабах; в рядах остались еще на что-то надеющиеся офицеры-пролетарии.

Надвигающаяся большевистская волна все более и более распыляла ряды, и, к моменту выступления на поддержку бегущим от Николаева грекам, оставалось количество, не превышающее свиту «главной квартиры».

Напрасно г-н Шульгин восхищался внешним видом дефилирующих рот; кажущаяся гармония, навык, оставшийся предков, скрипела, и всем было ясно, что не сознание долга гонит людей против насилия, зла и обмана.

Вытянутые с насиженных мест, недоросли всех оттенков, превращенные волею судеб в офицеров, составили класс пролетариев особого рода. Чужды одн[и]х, не понимающие других, но за подаяние служившие обоим, были равнодушно одинаковы ко всем идеям. Большевики, петлюровцы, махновцы, польские легионы – все видели их в своих рядах, всем служили они одинаково верно, почему же Добровольческой армии должны они служить иначе?

Был хлеб – была армия, хлеба не было – были «воззвания» и командиры.

Не обвиняйте их в этом. Виновны не они, виновны те, которые не сумели вложить в них должного сознания.

При описанных мною условиях служить было невыносимо.

Душа, ищущая выхода, наткнулась на сети легиона и запуталась в них.

Что же было делать?

Впереди враг, внутри разлад, сзади море, вправо и влево тьма.

И пошли вновь за теми, кто давал хлеб.

Это была первая партия русских, записавшихся в легион. До этого в легионе русских почти не было.

Приблизительно через год после описанного момента больным и раненым офицерам и солдатам армии генер[ала] Деникина было отказано в довольствии. Приходилось искать работу и питаться на свои средства.

Еще совершенно не оправившиеся ни от болезней, ни от ран, они уныло бродили по улицам Варны в поисках работы; найти ее, конечно, было трудно, так как и сами «братушки» ее искали.

Опять эти унылые люди-тени наткнулись на легион.

Гостеприимные союзники приняли некоторых, накормили, одели, другие позавидовали этому и также пошли, а за ними и все остальные, кто чувствовал себя неустойчиво.

Северная армия, оттесненная большевиками в Финляндию, оказалась также в печальном положении. Финское правительство предложило распустить армию, англичане, чьей поддержкой пользовалась армия, отказались принять ее на свою территорию.

Продав все имущество армии, генералы уплатили солдатам следуемое содержание и распустили ее.

Куда же было идти?

На выручку и здесь подоспели французы. <...>

В легионе находятся также солдаты бывшей особой армии во Франции¹⁷.

Все упомянутые начали собираться в Марокко к маю 1920 г. Легион горячо принял нас в свои объятия. Подписанный нами контракт на 5 лет в минуту отчаянья, в минуту ненормального душевного состояния, обязывает нас служить чужим гораздо усерднее, чем служили своим.

И вот именно здесь, в клещах чужой дисциплины, мы узнали, что такое патриотизм, что такое родина.

Только здесь, прошедшие все ступени унижений и оскорблений, мы узнали весь ужас нами содеянного.

Простит ли нам родина это? Мы отдали самых лучших 5 лет своей жизни в прибыль чужим, в убыток себе.

Теперь все окончено, за нами закрылись ворота и откроются через 5 лет. Впереди служба и дисциплина. Никто ее не может ни смягчить, ни освободить от нее.

Голос нашей родины слишком слаб в настоящее время, ее никто не послушается.

В чем мы нуждаемся? Этот вопрос слишком щекотливый. Мы нуждаемся во многом. <...>

Хорошо бы было завести переписку с миром, лежащим вне Африки, а именно с теми русскими, живущими в Европе, кои бы желали переписываться с более интеллигентными из нас. Это приносило бы пользу Вам, так как всякий с каждого угла Марокко, Алжира и др[угих] колоний описывал бы положение тех русских, которые находятся в его роте или батальоне. Нужды этих людей выполняли бы по возможности те лица, кои ведут переписку.

Нам бы также было веселее получить письмо, узнать что-нибудь новое, описать тот или иной случай, словом, коротать время до тех пор, пока мы понадобится для родины. О! Тогда нас французы отпустят!!!

При Вашем согласии, если только Вы одобрите это, Вы соберете адреса желающих переписываться (письма от нас и к нам идут бесплатно). Я со своей стороны сообщу Вам несколько адресов довольно интеллигентных лиц из каждого угла колонии.

Надеюсь получить от Вас несколько строк в ответ с тем, что Вам еще необходимо знать и что из написанного не ясно. Я имею достаточно материала описать самую жизнь в Марокко, но думаю подождать Вашего ответа – нужно ли это?

Шаповалов.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 287. Л. 1 – 12. Автограф.

№ 11

**Легионер А. Егоров –
неизвестному адресату**

Тазугерт (Марокко.)
10 мая 1921 г.

Многоуважаемый¹⁸,

я только что прочел в газете, что вы просите всех русских военнопленных сообщать

свои адреса. Вот и я тоже подумал вам написать, что, может быть, вы поможете и мне, [неразборчиво], сейчас мне всего лишь семнадцать лет, и попавший сюда, в этот иностранный легион, по несчастной судьбе, и, не имея кого просить, чтобы тот человек хотя бы на время заменил мне отца и похлопотал бы об увольнении со службы, потому что раз немцы едут домой, за [н]их хлопочет их консульство, то, наверное, русское консульство не откажет и своему соотечественнику. Ведь вы наверное не знаете, что такое этот французский иностранный легион, это не служба, а каторга, и в [это] время я мог бы продолжать какое-нибудь занятие. Ведь солдатская служба это не профессия. Если вы только мне не сможете помочь, то, пожалуйста, ответьте мне письмом, в котором напишите мне ваш совет, действительно ли сейчас русское консульство, могу ли я ему писать мое прошение и можете ли вы передать его лично в бюро консульства, потому что я боюсь, что его задержат и моя просьба останется без [по]следствия. Надеюсь на вас как на отца и жду с нетерпением вашего письма с советом. Остаюсь уважающий вас.

А. Егоров.

Привет.

Присылаю марку для ответа.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 132. Л. 1 – 1 об. Автограф.

№ 12

Капрал М.А. Стасюк – С.О. Минору¹⁹

Сайда (Алжир)
15 мая 1921

М[ногоуважаемый] гражданин Минор!

Нам стал известен Ваш адрес и Ваши работы среди бывших русских солдат, военных и военнопленных. Сообщаем Вам о нашем несчастном положении во французском Иностранном легионе.

Положение наше во французском Иностранном легионе довольно плачевное.

Теперь опишу Вам, как, где и на каких условиях мы были забраны во француз-

ский] Ин[остранный] л[егион]. В 1919 году, когда союзные войска уходили с юга России, мы проживали в Бессарабии (г. Аккерман) <...>. Мы вздумали вырваться из-под рум[ynской] вл[асти], хотели переправиться через [Днестровский] Лиман в Россию, но этот побег нам не удался. Мы были пойманы рум[ynскими] патрулями, и посадили нас в какой-то сырой темный подвал. Есть не давали и пугали расстрелом как дезертиров. Нас таких наловили 45 человек, где мы просидели 8 дней без пищи и воды. И вот в [один] прекрасный день явился к нам в тюрьму один французский капитан и румынский лейтенант. Французский капитан обращается к нам с такой речью: «Товарищи! Узнавши о Вашей судьбе, я пришел к Вам на помощь. Как Вам известно, Франция союзница России, она всегда помогала и помогать будет русским.

А и потому, чтобы Вы не пропадали здесь по румынским призомам (тюрьмам. – В.Х.), Вы можете сейчас же записаться в нашу союзную армию. Там Вам жить будет очень хорошо. Условия такие: нести гарнизонную службу в Эльзасе и Лотарингии, через каждые 6 месяцев службы – месяц отдыха. Через каждый год – 250 фр[анков]. Наградных 120 francs в месяц. По окончании службы 1000 francs – наградных от Французской Республики». Одним словом, условия очень хорошие и мы никогда не думали, чтобы французы нас обманули. Делать было нечего, и нас 63 чел[овека] ангажировались. Нас сейчас же выпустили из-под румынского ареста, посадили на пароход «Румыния» и отправили во Францию. По приезде в Марсель там, в карантине, мы постояли 2 дня. На 3-й день мы перешли на 2-й пароход «Sidi Brahimi» и поехали в Африку. В Африке нас кое-как обучили ружейным приемам и после чего отправили в Марокко. Где мы только узнали, что нас обманули. Жалованье платят только 25 сантим[ов] на день, никаких наградных не дают, пробыли в Марокко уже ровно 2 года, а отпуска никакого не дают. Вот так союзники! Мучите-

ли бедных людей! С товарищеским приветом от всех.

От имени бывших солдат Русской армии
<...> г. Сайда. Стасюк.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 257. Л. 1 – 3.
Автограф.

№ 13

Легионер С. Верховский – сотрудникам Подотдела о военнопленных и интернированных

Сиди-Бель-Аббес (Алжир)
6 июня 1921 г.

Многоуважаемые товарищи!

Письмо Ваше от 19 мая с.г. мною получено 27 мая, а деньги 3 июня²⁰. Вы очень обрадовали меня своим письмом, и я Вам очень благодарен, что встретил с Вашей стороны желание по мере сил и возможности прийти ко мне на помощь. В своем письме Вы просите меня сообщать о жизни в легионе, я с полной готовностью рад буду поделиться своими впечатлениями. В иностранном легионе нас русских минимум тысяч 6, часть из коих находится в Сирии, а остальные разбросаны по всей Северной Африке, преимущественно в Марокко. Здесь <...> в настоящее время находится не более 200–300 чел[овек]. Большинство же легионеров немцы и отчасти болгары. Срок службы у всех одинаковый, контракты подписаны на 5 лет, но есть некоторая разница. Есть некоторые легионеры, уже кончающие службу, это те, которые были в корпусе Лохвицкого²¹, далее идут те, которые в [19]19 году уехали из Одессы с французами, и, наконец, самая большая группа – это офицеры и солдаты Добровольческой армии, пережившие эвакуацию из Крыма и бежавшие от ужасов лагерной жизни Галлиполи, Лемноса²² и проч[их] мест царства Врангеля²³ и Кутепова²⁴. Отношение к нам, русским, со стороны высшего командования доброжелательное, чего нельзя сказать про низший состав, начиная с капралов и кончая аджудана-

ми (подпрапорщики в пехоте или вахмистры в кавалерии. — В.Х.), причем капралы преимущественно французы, а остальные — немцы. Отношение со стороны вольной публики к legionерам ко всем без исключения отрицательное. Развлечений в легионе никаких. Любимое времяпрепровождение legionеров — напиваться пьяными и устраивать скандалы, а также посещать публичные дома. Жалование 7,5 ф. в мес[яц]. Занятий много. Относительно еды, для нас, русск[их], маловато. Ну вот, пока в кратких чертах сообщил о здешней жизни. Конечно, материалу у меня очень много относительно Черноморья, Грузии, Кубани, но не знаю, смогу ли я Вам в полном объеме дать его: не имею свободного времени, это письмо пишу, находясь в карауле, а завтрашний день с утра опять на занятия, после которых еле ноги носишь, кончаю письмо, надо идти на пост. Жму всем руку.

Ваш С. Верховский.

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 99. Л. 3 — 4 об. Автограф.

№ 14

Капрал Милов — О.С. Минору

Ла Гулет (Тунис)
19 марта 1922 г.

Гражданин О. Минор!

Книги получил сегодня, за которые очень Вам благодарен²⁵. Шлю Вам от себя и от всех русских, находящихся в 4-м эскадроне 1-го Иностранного кавалерийского полка, чистосердечный привет и большое русское спасибо.

Ох... Трудно, трудно жить здесь нам. За что Господь нас так строго наказал? Вот так союзница? Спасибо ей! Так и запишем.

Господи, спаси нас!

Мы погибаем.

Я лично свободно мог бы избавиться от каторги, но дело в том, что нет Argent (денег. — В.Х.), хотя [бы] на старенький цивильный костюм. Бумаги я себе уже достал.

Через 2 дня был бы в Италии. Не можете ли Вы меня спасти от смертной каторги?

Если только для Вас это возможно.

Буду считать Вас спасителем и дорогим Отцом.

Жду ответа,

[Милов].

<...>

Р.С. Гр. О. Минор.

Простите за скверно и несвязно нап[исанное] письмо.

Верите ли Вы, что за 3 года в каторжной работе потерял все свое здоровье и память.

[Милов].

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 318. Л. 3 — 4. Автограф.

№ 15

Сержант А. Каклюгин — О.С. Минору

Тагнанет (Марокко)
30 апреля 1922 г.

Уважаемый гражданин!

Вы простите меня за мое грязное письмо и неровный почерк этого письма. Я расстроен сейчас как никогда. Ваше письмо я получил сегодня, т.е. 30 [сего месяца], я безумно рад Вашему письму, оно меня теперь убедило окончательно в том, что есть там, далеко, за границей, Человек, который приносит мне облегчение и радость. Я не стану Вас благодарить, так как принято, ни 1000 раз, а столько раз, сколько я в состоянии благодарить, столько, сколько мои силы позволяют мне. <...> Я Вас благодарю еще раз за Ваше ход[ат]айство перед командантом²⁶. Пока оставим об этом говорить.

Я не назову Вас «Уважаемый гражданин», нет! Я Вас назову так: «Милый Человек-Друг!» Вы пишете, что не терять бодрости и не падать духом! Да? Большое спасибо за поддержку, но... послушайте! Находиться в таком положении, как я в данный момент, это не поддается никакому описанию. Весь наш отряд как помешанный, буквально в полном смысле этого слова. Вы не смейтесь, так как это чистая

правда, а лгать в письмах и вне их – это не в моем характере. Вы спросите, почему?.. Вот почему. В ночь на 15 апреля, под Св[ятую] Пасху н[ового] ст[иля], я имел несчастье быть 3-й сменой в карауле по охране форта. Минут 20 было тихо и спокойно, но потом все снеговые тучи опустились до такой степени, что я не только проводочных заграждений, но что делается в 5 шагах от меня, я ничего не видел. Сильный, холодный, ледяной ветер и крупный снег, залепляющий глаза, застали меня на посту. Через 5 минут раздается выстрел марокканского ружья <...> и пуля попадает в штык моей винтовки. Ледяной ужас сковал мою душу и животный страх сковал, как железом, мой язык и все мои члены. Не потому что я боялся быть убитым, нет! Потому, что если марокканцы захотят атаковать пост, я ровным счетом ничего не увижу, и они могут прорвать заграждения, ворваться в форт, и тогда все люди погибнут. Что делать? Я зарядил пулемет, положил около себя 5 гранат и пустил тревожную сигнальную ракету, и когда я [пустил] ракету, в этот момент я получил легкое ранение в правое плечо и... пошла стрельба. Начальник отряда вышел с людьми за стены форта и за это получил пулю в голову, и минут через 15 умер. Я бросил гранаты и открыл стрельбу из пулемета. Я не в состоянии Вам описать этот ужас кошмара, который был, да еще в такую безумную ночь. Мои нервы не дают мне сил писать сейчас нормально. Милый Человек! Вы простите, что дерзнул Вас так назвать. Я хочу в заключение своего коротенького письма извиниться за небрежное писание, за бумагу, на которой пишу, но в то же время я имею оправдание. Я не имею ни бумаги, ни чернил, ни карандашей, ни конвертов, ни денег. За это письмо и бумагу, и чернила я отдал последний свой табак, т[ак] ч[то] курить даже нету, а до жалования еще 17 дней.

Еще раз прошу Вас простить меня!

Ваш Евгений²⁷ [Каклюгин].

ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 310. Л. 14 – 14 об. Автограф.

№ 16

Сержант В.С. Белокуров –
А.А. Воеводину²⁸

Ассака (Марокко)

[12] марта 1923 г.

Дорогой коллега.

Вы, наверное, уже получили мое первое письмо, из которого узнали, что я теперь нахожусь в Марокко. Сделал около 700 километров пешком под палящими лучами африканского солнца. Было трудновато, да и теперь нелегко. Правда, положение сержанта привилегированное. В данное время я командую пулеметным взводом 7-й роты 2-го иностранного полка; работы, конечно, много, в моем подчинении 40 человек, но особенно жаловаться не приходится. Получаю жалованья 570 франков, имею для услуг ординанса (денщика. – В.Х.), и все бы хорошо, если бы не общество, в котором приходится жить. Ведь пролезть в сержанты не так легко. Мало того, чтобы знать безукоризненно французский язык, мало того, знать службу и уставы, нужно еще прослужить в легионе 12–15 лет, чтобы получить этот чин сержанта.

Я прошел в сержанты через 10 месяцев, и нужно ли говорить, что кругом была зависть и ненависть. В общем, я попал в общество сержантов, из которых каждый имеет 14–18 лет службы в легионе. Пьяницы отъявленные. Когда напьются, засучивают рукава и лезут на «бокс». Слава Богу, что у меня фигура богатырская, рост 180 сант., а кулак увесистый. Кто выходит против меня драться – на другой день идет в госпиталь.

Но Вы понимаете, коллега, что такая жизнь мне совсем не нравится. В сентябре [1]914 года я оставил Рижский политехнический институт. Я отправился добровольцем на фронт. Сделался офицером. С декабря [1]917 года начал драться против большевиков и вот теперь в легионе сержантом. Годы идут. Жизнь тоже уходит... Эх, да что тут говорить; из легиона необходимо вырваться и вырваться немедленно, иначе верная гибель.

Если сержанту трудно, то про солдата и говорить нечего. Та же каторга. В особенности приходится плохо молодым и смазливый мальчишкам. Здесь ужасно развит «педеразм». Этим занимаются даже офицеры, и вот если мальчик-легионер смазливый и молодой, то за ним начинается форменная охота, как за девочкой и, в конце концов, жертва сдается.

Нужно благодарить Бога, что между русскими этого почти не наблюдается, нравственные устои русских еще слишком крепки, зато молодые немчики за пачку папирос или бутылку проделывают самые постыдные номера.

Много всяких язв у нас в легионе, но эта язва самая отвратительная и самая гнусная.

Вот почему, прочтя в «Руле»²⁹ заметку о Вашем ходатайстве перед Президентом Французской Республики по поводу студентов-легионеров, я в лице Вас, дорогой коллега, приветствую весь состав «ОРЭСО»³⁰ и слезно умоляю не опускать руки, пока Вы не добьетесь своего.

Речь идет о спасении нескольких сотен жизней [людей], которые учились десятки лет, которые отдали лучшие годы своей жизни для Родины. Ведь они заслуживают лучшей доли, чем быть в легионе. Лично про себя я не говорю, я несу свой крест и донесу его до конца. Я видел в жизни все виды и бывал «во всех переплетах». Но для других, молодых, легион – верная гибель.

С моей энергией, с моей силой воли и упрямством я не затеряюсь даже здесь, в легионе. Есть надежда, что в будущем году я буду иметь офицерские галуны. Но другие – другие изнемогают под тяжестью этой ноши. Спасите их! Насколько мне известно, капитан Тихонравов имеет полный список студентов легиона. Возьмитесь хорошенько за него. Он играет очень видную роль в легионе как капитан французской службы и много помогает русским. Он бы с удовольствием вытащил из легиона всех русских студентов, но Вы понимаете, что сам лично он бессилен что-либо сделать, в конце концов, он такой же солдат, как и все мы.

Итак, дорогой коллега, умоляю Вас держать меня в курсе событий, присылать много газет, если можно, книг. Я, со своей стороны, буду часто Вам писать, обрисовывая картину нашей жизни. Ради Бога не опускайте руки. Выручайте. В долгу не останемся. Привет всем.

Белокуров³¹.

ГАРФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 149. Л. 2 – 3.
Заверенная машинописная копия.

№ 17

Легионер С.В. Архипов – А.А. Воеводину

Жеривиль (Алжир)

26 июня 1923 г.

Спасибо сердечное, дорогой Александр Александрович, за Ваше большое милое письмо, которое доставило мне много приятных минут, а за хлопоты Ваши по розыску моих братьев земной Вам поклон. Это услуга, которая не забывается. Итак, в неоплатном долгу я перед Вами.

Правительство, от кот[орого] зависит наша участь, всячески затягивает разрешение поставленного Вами жизненного вопроса, глухо оно... Перестало меня это удивлять и возмущать. Разочаровался я в республиканских «добродетелях». Республиканские правит[ельст]ва (я не разумею в том числе Чехословакию, кот[орая] являет собой поразительное, удивительно красивое исключение) не способны подняться в своей политике и мировоззрениях до благородства, до чистой идеи без всякой материалистической окраски. «Дистанция огромного размера» между двумя республиками, скромной, благородной Чехословакией, родившейся из пены морской, и гордой, тщеславной, жестокой Францией. В то время как последняя, дорого заплатившая за свою победу... русской кровью, по звериному праву присвоила себе львиную долю добычи, присудив себе части тех, кто обескровленный потерял свое национальное сознание во имя общего дела на поле чести, в то время [как] по всей республиканской Европе происхо-

дит пир во время чумы, разыгрывается страшная дикая вакханалия, дирижируемая кучкой грубых, жестоких некультурных политиков, благородная Чехословакия, продолжая лучшие традиции лучших дней Европы, творит большое культурное дело и в отношении своей смертельно больной всеми забытой старшей сестры³² – «приютила и согрела и поесть дала» многим тысячам ее страдальцев. Порой пробуждается во мне дикая злоба-ненависть против современной Франции.

Если бы Вы видели воочию ее гнусную политику в Иностранном легионе, политику, кот[орую] можно охарактеризовать несколькими, но выразительными словами: «сифилизация», спаивание и покровительство всех пороков, кот[орые] распустились здесь махровым цветом: педерастия, самые неестественные комбинации сексуального характера, казнокрадство, обман, вымогательство, бесцеремонная, наглая игра на желудках несчастных безответных легионеров.

Поймали нас в свои хитросплетенные расставленные сети беззастенчивой лжи и обмана, воспользовавшись нашей наивностью и безвыходным положением в Константинополе, куда мы явились все, оглушенные и раздавленные «грозой и бурей революции».

Нахальство и бесстыдство доходило до того, что их генералы (!), занимавшие высокие важные посты в К[онстантинополе] (как, напр[имер], ген[ерал] Пелле³³), афишировали несуществующие блага, от кот[орых] у несчастных, голодных, раздетых россиян слюнки потекли...

И что же мы нашли. Бледнеют «Записки из Мертвого дома» перед нашей кошмарной действительностью, перед этой страшной республикой татуированных с головы до пят закоренелых, матерых преступников, которым место на виселице в любой стране, – этой республике сифилитиков, дегенератов, алкоголиков, педерастов, садистов всех степеней и оттенков, всех национальностей и возрастов, – перед этим ящиком Пандоры, где сконденсированы все пороки «культурного» человечества. Две республики суще-

ствуют в современном мире, как два страшных очага заразы, проказы, гниения, разложения, это – коммунистическая Россия и Иностраннный франц[узский] легион. Как в первую, так и во вторую слетелись черные вороны со всех концов земного шара. Легион – это квинтэссенция всей человеческой погани, которой не повезло, у кот[орой] сорвалось, это – pendant (подстать. – В.Х.), <...> Комм[унистической] России. Аборигены его, квалифицированные преступники всех мастей, у которых за душой десятки, если не сотни дьявольских злодейств, под ложными именами спокойно живут под сенью франц[узских] республиканских законов, прикрыв свое прокаженное тело и душу униформой франц[узского] Солдата (!)... Многие и многие из «малых сих», – я говорю теперь о русских, – подпали под это жуткое разлагающее влияние, равняясь по этому зловонному отбросу человеческому... И лишь немногие, обладающие недюжинной волей и действенными интеллектуальными интересами, оказались в состоянии осуществить свою индивидуальную стоимость, порвав с этой апокалипсической средой, оставшись гордо одиночками.

С ужасом констатирую результаты этого тлетворного влияния. Некоторые окончательно опустились на дно, поклявшись, таким образом, в вечной и неизменной верности легиону.

Наступает самый страшный период, когда «публика», освоившись, наконец, с языком, акклиматизировавшись, так сказать, и имея небольшие деньги, пойдет, не оглядываясь, по торной дороге, по стопам своих растлителей, прямо в жуткое царство вечных легионеров, [то есть] заживо погребенных. Спешите, время не ждет, дорогой Александр Александрович.

Те же, кто сохранил еще бодрость и ясность духа, полны энергии и жажды работать и учиться. Прошли они суровую кровавую школу жизни, опыты которой спасут их в будущем от многих неосторожных шагов.

Куйте железо, пока горячо, дорогой.

Во имя нашей любимой родины, которая скоро восстанет со смертного одра и по-

требует своих верных сынов на титаническую работу, во имя нашего общего сказочного прошлого, которое неразрывными, кровными узами связывает всех нас, во имя, наконец, гуманности и любви к ближним, к несчастным, сделайте, дорогой Александр Александрович, умоляю Вас, все возможное и невозможное, чтобы спасти нас, памятуя, что за душу каждого спасенного многое воздастся Вам...

Дай Бог Вам энергии неустанной и успеха. Услышите ж, наконец, этот «глас вопиющего в пустыне».

Да хранит Вас Господь.

Жду Ваших писем.

Ваш Архипов.

Вы просите мое имя и отчество, вот они – Сергей Валерьянович.

ГАРФ. Ф. Р-6340. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 3 об. Автограф.

№ 18

Сержант Василевский – А.А. Воеводину

Сефру (Марокко)

[12 июня 1924 г.]

Многоуважаемый коллега Воеводин, получив Ваше извещение за № 346, спешу Вам ответить и сообщить все то, о чем Вы просите. Что касается жизни русских студентов в этой стране, обиженной Богом и людьми, то могу сказать одно: иностранный легион сравнивает всех и вся; все слились в общую массу, называемую легионом, студенты, офицеры, чернорабочие, грабители, авантюристы и т.д. и т.д.

Так что говорить о студентах или вообще о русских не приходится. Легион живет своею жизнью, жизнью каких-то отшельников, но отшельников поневоле. Здесь слово легионер означает все. Если вы находитесь в полосе военных действий, то на вас смотрят как на какой-то автомат, который должен работать, не спрашивая ни отдыха, ни еды, ни воды; если вам посчастливилось получить пулю, то говорят «tant pis» (тем хуже. – В.Х.). В гарнизоне, на отдыхе на вас смотрят

как на разбойника, зарезавшего по крайней мере человек 10, и, завидя Вас, стараются как можно подальше обойти. Как видите, от внешнего мира мы отрезаны; единственное утешение для нас – это книга, газета, журнал; для некоторых вино. Поэтому я Вас прошу от имени многих русских, которые еще не успели погрязнуть в этой яме, выслать газет, журналов, хотя бы старых. Из полковой библиотеки книг или газет достать нет возможности, так как сейчас почти весь легион стоит на постах. Вы легко поймете наше прозябание здесь на постах, если я вам вкратце опишу, что из себя представляет пост. Вообразите маленький квадрат земли аршин 10 на 15, обнесенный каменной стеною аршина на 3 высоты; внутри находится барак – для людей, человек на 10; кругом верст на 5 или на 6 пост подобный первому и т.д. <...> Ваша обязанность защищать эти четыре стены. Выходить из поста дальше чем шагов на 30 строго воспрещено, да и не рекомендую, потому что вас ждет пуля или нож араба. Как видите, живем очень «весело». Единственно, что вас подбодряет, это надежда на скорое окончание. Извиняюсь, что разболтался.

С приветом Василевский.

ГАРФ. Ф. 6340. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 – 3 об. Автограф.

№ 19

Капрал К. Ольховский – [А.А.Воеводину]

Сус (Тунис)

20 августа 1924 г.

Дорогой коллега!

На одном из Ваших писем к Вашему станичнику, а моему сослуживцу Карпову, я видел приписку о том, что на мое имя высланы книги и вот, не получая до сих пор ничего, я решаюсь написать Вам, дабы сообщить прежде всего Вам о том, что Ваша посылка не дошла по назначению и <...> чтобы совместно с Вами уяснить судьбу, постигшую эти книги. Вопрос этот как для меня, так и для нескольких из моих сослужив-

цев очень существенен, так как в данный момент эти книги для нас являются существенной или, вернее, жизненной необходимостью.

Еще весной этого года я случайно нашел в газете адрес Союза³⁴ и обратился с просьбой о присылке учебников по математике, правда, совершенно не представляя себе функций Союза, а просто потому, что это русское учреждение и потому что иного я никакого не знал, теперь <...> я обеспокоен их (книг. – В.Х.) судьбой и решаюсь обратиться к Вам, надеясь с Вашей помощью разыскать их.

Однако разрешите Вам представиться. Я – бывший подпоручик 2-го Корниловского полка (Крымскую кампанию с ним сделал), эвакуировался до Галлиполи, некоторое время пробыл там и потом волею судеб докатился до легиона. Где мои главные ошибки и в чем они, как и ошибки нескольких тысяч наших соотечественников, попавших в легион, отыскать трудно, да и не стоит труда, а приходится вот теперь считаться с действительным настоящим положением и из него исходить и им руководствоваться для дальнейших действий в отношении своего недалекого будущего, перед лицом которого мы поставлены.

Легион мы кончаем через 1½–2 года, и большинство из нас, будучи военными, конечно, кроме этой, никакой другой профессии не имеют, вот теперь нам, людям без профессии, и приходится крепко призадуматься над этим будущим <...>. Оставаться дальше в легионе – значит расписаться в собственной непригодности ни к чему, потому что здесь, кроме того, что будешь одет в солдатскую шинель и кое-как накормлен, за что, разумеется, тебя используют во всех отношениях, хоть (неразборчиво. – В.Х.) всю жизнь прослужи – ничего не получишь. Унтер-офицеры поставлены сравнительно в лучшие условия, но ведь всем унтер-офицерами быть нельзя – кто-то должен остаться солдатом, а наших окладов солдатских только хватает на табак. <...> И то окладов тех, которые получают после 18 месяцев службы (законный срок), после чего солдат счи-

тается сверхсрочным и получает прибавку, а до этого, то есть в течение 18 месяцев, солдат получает 25 сантимов (в день) или в переводе на жизненную их стоимость – 5 папирос. Вот эти материальные условия и заставляют обращаться туда, где только кажется возможно получить то, в чем мы здесь нуждаемся.

По окончании службы есть возможность (при желании) выехать во Францию, и вот многие из наших интеллигентных более или менее молодых людей стараются приобрести хоть какие-нибудь познания, чтобы за что-нибудь взяться при выходе из легиона. В данном случае тяготение к познаниям техническим; электричество, (неразборчиво. – В.Х.) радио, двигатели и т.д. Некоторым удалось каким-то образом при помощи знакомых или благотворительных организаций попасть на курсы заочного преподавания. Конечно, все это теоретически проходится, но каждый рассуждает, что это все же больше, чем ничего.

Вообще же страшный недостаток в учебниках по специальным предметам (неразборчиво. – В.Х.), а это единственный путь устроиться сносно, выйдя из легиона.

Итак, пожелаю Вам всего лучшего. Если будете писать в скором времени Карпову, то, быть может, найдете возможным черкнуть пару слов об этих книгах.

С совершенным почтением к Вам,
Ольховский.

P.S. Кстати, может быть, Вы сможете через посредство союза нас снабдить некоторыми учебниками по специальным отделам техники – электротехника, например – этим бы союз оказал нам огромную пользу.

ГАРФ. Ф. Р-6340. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 – 2 об. Автограф.

Примечания

¹ См., например: *Эраст Гиацинтов*. Записки белого офицера. Издание подготовил В.Г. Бортневский. СПб, 1992; *Николай Матин*. Воспоминания о службе в Иностранном легионе в Алжи-

ре, Тунисе и Сирии. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С.С. Иполитова // Новый исторический вестник. М., 2000. № 2. С. 95–121; *Петр Паламарчук*. Русские офицеры – ветераны французской армии // Источник, 2000. № 1. С. 98–105; *Жан Брюнон, Жорж Маню*. История элитных войск. Иностраннный легион 1831–1955. Пер. с франц. Под ред. А.А. Васильева. М., 2003.

² ГАРФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 2а. Л. 161.

³ Текст песни любезно сообщен автору И.А. Лопатинским со слов бывших легионеров, друзей его отца, в прошлом царского офицера, казачьего есаула. О семье Лопатинских см.: *Сидорова Г.М.* Игорь Лопатинский, хранитель отечественной истории // Эхо планеты. 2003. № 49. С. 26–29.

⁴ Михайлов Михаил Александрович – социал-демократ, политэмигрант (Швейцария, Франция), во время Первой мировой войны доброволец французской армии. В августе 1917 г. назначен военным комиссаром Временного правительства при 2-й дивизии Русского экспедиционного корпуса (РЭК). Расследовал обстоятельства, связанные с подавлением восстания русских солдат во французском военном лагере Лакуртин (сентябрь 1917 г.). С 1918 г. занимался культурно-просветительской деятельностью среди русских солдат во Франции и заморских владениях Англии и Франции. Координировал культурно-просветительскую работу, которая велась среди бывших военнопленных и легионеров, в том числе на территории Алжира, Марокко и Египта, эмигрантскими организациями.

⁵ Палчевский (Пальчевский) Николай Александрович (ок. 1883–1961) – деятель русской колонии во Франции. Бывший студент Киевского университета, прапорщик российской и лейтенант французской армии. В эмиграции с 1908 г. В 1914 г. – волонтер французской армии. После 1917 г. – в составе французской военной миссии в Петрограде. В 1921 г. возглавил культурно-просветительский отдел парижского Земгора. В этом качестве занимался работой среди русских солдат, оказавшихся в эмиграции во Франции, Италии, Бельгии, Египте, Алжире и других странах. Активно помогал русским легионерам в Африке путем посылки им разного рода литературы и периодики.

⁶ Бель-Аббес (Сиди-бель-Аббес) – штаб-квартира Иностранного легиона до 1962 г., расположенная близ алжирского города Оран.

⁷ «Луч» – беспартийный демократический еженедельник, издававшийся в 1920–1921 гг. в

Париже при финансовой поддержке Американского общества молодых христиан.

⁸ Имеется в виду группа легионеров, учившихся вместе с автором письма в полковой унтер-офицерской школе.

⁹ Следует перечень ранее заказанных учебников, получение которых подтверждается.

¹⁰ Тихонравов – капитан французской службы, прикомандированный к легиону. Его имя неоднократно встречается в письмах легионеров. Состоял в переписке с эмигрантскими организациями. Отзывы об этом офицере соотечественников обычно положительные. В дневниках академика В.И. Вернадского, находившегося в начале 1920-х годов в длительной научной командировке во Франции, есть такая запись: «Роль в Африке Тихонравова – офиц[иального] <представителя> франц[узской] армии, которого я встречал у А[лександры] В[асильевны] <Гольштейн> – важная и хорошая. Он отбирал людей и помогал – всем, кто ему казался порядочным». (См.: *Вернадский В.И.* Дневники: март 1921 – август 1925. 2-е издание. М., 1998, с. 118–119). А.В. Гольштейн (Гольдштейн, Гольдстейн, урожд. Баулер, 1849–1937) – писательница, общественная деятельница, хозяйка салона в Париже, где бывали видные русские литераторы, ученые, художники.

¹¹ Имя адресата установить не удалось.

¹² Автор письма имеет в виду владельца русско-французского книжного магазина в Париже Л.З. Родштейна. Магазин обеспечивал учебной и художественной литературой, а также нотами русских, служивших в Иностранном легионе: счета оплачивали эмигрантские организации и отдельные лица, симпатизировавшие легионерам. Эсер Л.З. Родштейн («Валериан») жил в эмиграции с конца 1890-х годов, входил в ближайшее окружение известного публициста левой ориентации, издателя и историка В.Л. Бурцева. Помогал последнему выпускать влиятельную в зарубежье газету «Общее дело», входившую в число печатных органов, помогавших русским легионерам.

¹³ Письмо писалось в два приема, датирована только первая часть, кончающаяся словами «за теми, кто давал хлеб».

¹⁴ Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – российский политический деятель. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной Думы, монархист. Писатель, журналист. Один из организаторов Добровольческой армии. В 1918 г. соредатор газеты «Россия» («Великая Россия»). С 1920 г. в эмиграции.

¹⁵ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – российский военный и политический деятель, писатель, военный историк, мемуарист. Генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (январь 1919 – март 1920 г.). С апреля 1920 г. в эмиграции.

¹⁶ Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – российский военный и политический деятель, адмирал, полярный исследователь. Один из руководителей Белого движения, его лидер на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 – январе 1920 г.

¹⁷ Имеются в виду остатки особых бригад Российского экспедиционного корпуса (РЭК), воевавшего в 1916–1917 гг. на территории Франции, а также на Балканах (Македония).

¹⁸ Скорее всего, письмо было адресовано в Подотдел о военнопленных и интернированных.

¹⁹ Минор Осип (Иосиф) Соломонович (наст. фам. Залкинд) (1861–1932) – общественный и политический деятель, публицист. Член ЦК партии эсеров. Много лет провел на каторге. По возвращении из сибирской ссылки – председатель Московской городской думы (июль 1917 г.). Депутат Учредительного собрания (1918 г.). В эмиграции с весны 1919 г. (Франция, Чехословакия). Сотрудник парижского Земгора. С 1921 г. – зав. Подотделом о военнопленных и интернированных, на который было, в частности, возложено оказание помощи русским, находящимся во французском Иностранном легионе. Состоял в переписке с русскими легионерами и старался помочь им всеми доступными подотделу средствами. В 1920–1921 гг. со-редактор ежедневной газеты «Воля России» (Прага), издававшейся группой видных деятелей партии эсеров. Публиковал материалы об условиях жизни и быта легионеров, обращения в различные инстанции, направленные на улучшение их участи.

²⁰ Судя по имеющемуся в деле письму от 19 мая 1921 г. за подписью С.О. Минора (ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 99. Л. 1), С. Верховский был постоянным корреспондентом ПВИ.

²¹ Лохвицкий Николай Александрович (1867–1933) был начальником 1-й особой бригады РЭК (1916 г.) и начальником 1-й дивизии того же корпуса (1917 г.) во Франции. В Гражданскую войну командовал одной из сибирских белых армий, входивших в подчинение адмирала А.В. Колчака (1919 г.). С начала 1920 г. в эмиграции.

²² Галлиполи – полуостров на северо-западе Турции, где в 1921–1922 гг. размещалась после Крымской эвакуации основная часть Русской армии (пехотный корпус, артиллерия, часть кавалерии). Лемнос – греческий остров в северной части Эгейского моря, в начале 1920-х годов был местом дислокации так называемой Лемноской группы врангелевских войск.

²³ Врангель Петр Николаевич (1887–1928) – российский военный и политический деятель, генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения. С 1920 г. – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (с апреля переформированы в Русскую армию). С ноября 1920 г. в эмиграции (Турция, Югославия, Бельгия). В 1924–1928 председатель Русского общевосточного союза (РОВС).

²⁴ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – командир корпуса в деникинской армии, командир Первого армейского корпуса Русской армии, во главе которого прибыл в лагерь Галлиполи. В 1921 г. передислоцировал корпус из Турции в Болгарию. С 1924 г. во Франции. В 1928 г., после смерти Врангеля, заменил его на посту председателя РОВС.

²⁵ Далее идет список книг.

²⁶ В письме от 5 апреля 1922 г. Каклюгин сообщал, что французское командование резко отрицательно отнеслось к полученным из Парижа книгам, так как сочло их «большевистскими». Оно распорядилось конфисковать бандероль, а ее получателя после соответствующего дознания наказать переводом в другой гарнизон. В этой связи легионер просил С.О. Минора срочно выслать в адрес нового начальства некое свидетельство о благонадежности – «маленькое извещение (по-французски) о том, что Ваши книги не большевистские, и я тоже» (см.: ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 310. Л. 8).

²⁷ В своих письмах легионер признается, что Евгений не настоящее его имя; Евгением он назвался, вступив в легион. Многие русские, понимая опасность своего положения, попав в легион, называли не только вымышленное имя, но и фамилию.

²⁸ Воеводин Александр Александрович (1888–1944) – литератор, публицист, редактор, общественный деятель. Учился в Харьковском и Московском университетах. Офицер царской армии, в 1915 г. закончил Тифлисское военное училище. Участник Гражданской войны. В ноябре 1920 г. в составе врангелевских войск эвакуировался из Крыма в Константинополь. Из

Турции переехал в Тунис. Деятельно участвовал в создании, редактировании и распространении самостоятельных малотиражных русских журналов, публиковал в них собственные статьи и рассказы. Одновременно вел работу по сплочению эмигрантского студенчества. Был активным поборником вызволения сотен русских студентов-эмигрантов, оказавшихся во власти французского Иностранного легиона. Был инициатором и координатором корреспондентской сети, в которую вошли десятки россиян-легионеров. Опираясь на материалы из первых рук, выступил с докладом о положении русского студенчества в легионе на II Общестуденческом эмигрантском съезде (Прага, 1922 г.). Опубликовал серию статей на эту тему.

В октябре 1922 г. переехал из Туниса в Прагу, где продолжил общественную и литературно-редакторскую работу. Публиковался во многих эмигрантских изданиях Праги и Парижа, а также в чешской прессе. Продолжал работу среди студентов-легионеров.

Во время Второй мировой войны А.А. Воеводин как антифашист и участник Сопротивления был репрессирован германскими оккупационными властями Чехии. Погиб в Германии в одном из концлагерей. Подробнее о его контактах с земляками-легионерами см.: *Хохлова В.П.* Александр Воеводин и его очерки «Два года в Тунизии» (из архивных находок) // *Нестабильность в Африке: уроки прошлого и современные процессы*. М., 2006. С. 130–148.

²⁹ «Руль» – ведущая берлинская правонацетская, впоследствии сблизившаяся с эсерами, газета, выходила в 1920–1931 гг. К 1923 г. распространялась в 27 европейских странах, равно как и на других континентах, включая Африку.

³⁰ ОРЭСО – Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (Прага).

³¹ Между В.С. Белокуровым и А.А. Воеводиным переписка шла особенно активно. В статьях и очерках последнего есть ссылки, чаще завуалированные, на «сержанта Б.», который служил ценным источником информации для пражского литератора.

После демобилизации Белокурова из легиона следы его теряются. Судя по воспоминаниям возвратившегося на родину в 1947 г. эмигрантского писателя Л.Д. Любимова (1902–1976), после легиона жилось Белокурову несладко.

Вот что говорится о нем в книге Любимова «На чужбине», вышедшей в Москве в 1963 г.: «Василий Белокуров. Офицер русской армии. Во французском Иностранном легионе произведен в младшие лейтенанты (в России кавалерист Белокуров был есаулом, что соответствовало чину майора и должности командира полка в пехоте. – В.Х.). В приказе по армии французским командованием отмечалась его большая храбрость. В 1930 году приговорен к трем месяцам тюремного заключения за драку. Отсидел положенный срок. Приказ о высылке. Выехал в Германию без визы. Германской полицией препровожден обратно к французской границе. Приговорен исправительным судом к двум месяцам тюремного заключения за неисполнение приказа о высылке. Еще раз приговорен к трем месяцам по той же причине. Ныне в тюрьме Сантэ» (с. 196).

³² Имеется в виду так называемая «русская акция» правительства Чехословакии, развернувшаяся в 1920-е годы. В знак благодарности русскому народу за поддержку национальных устремлений славян на территории Австро-Венгрии и за благожелательное отношение к военнопленным чехам и словакам во время Первой мировой и Гражданской войн власти Чехословакии оказали беженцам из России значительную материальную помощь и нравственную поддержку. Благодаря «русской акции» президента Масарика многие тысячи изгнанников из большевистской России обрели в Чехии и Словакии крышу над головой, работу, кусок хлеба, возможность получить образование, вплоть до высшего, на родном языке.

³³ Речь идет о генерале Пелле, верховном комиссаре Франции в Константинополе в начале 1920-х годов.

³⁴ Возможно, имеется в виду один из эмигрантских казачьих союзов, действовавших в Европе и направлявших книжные посылки в адрес легионеров из числа казаков. Предположение тем более вероятное, что отправитель служил в Тунисе в 1-м кавалерийском полку легиона, в составе которого было много казаков с Дона и Кубани.

И.В. Зайцев

ПИСЬМА В.В. БАРТОЛЬДА И.Н. БОРОЗДИНУ

Публикуемые ниже письма академика Василия Владимировича Бартольда адресованы историку и археологу Илье Николаевичу Бороздину (1883–1959). Они хранятся среди материалов И.Н. Бороздина в Архиве РАН в Москве (фонд 2181, Бороздин Илья Николаевич)¹.

И.Н. Бороздин прожил драматичную и насыщенную жизнь. В 1907 г. он закончил историко-филологический факультет Московского университета, где специализировался по всеобщей истории у В.И. Герье, П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского и М.К. Любавского. После окончания университета Бороздин занимался научной и литературной деятельностью, сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Былое», «Гермес». Бороздин был весьма разносторонним ученым и часто занимался темами, напрямую не связанными друг с другом: историей университетов России, русским и западноевропейским феодализмом, историей Древнего Востока, в частности Египта, античной и средневековой археологией Крыма и Северного Кавказа. Вступив в Московское археологическое общество, он в 1913 г. стал его секретарем, а также членом Комиссии по изучению старой Москвы.

Октябрьскую революцию Бороздин встретил настороженно, однако после 1917 г. работал в советских музейных и научных учреждениях, много преподавал. Ученый был дважды репрессирован: в 1935 г. его приговорили к ссылке на 3 года в Казахстан, где в 1935–1937 годах он был профессором Казахского государственного педагогического института в Алма-Ате. В 1937 г. Бороздин вновь арестован, приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Однако в 1943 г. его освободили, и в 1943–1949 годах он работал в Ашхабадском государственном педагогическом институте. С 1949 г. вплоть до своей смерти Бороздин

был профессором Воронежского государственного университета.

В 1920-е годы И.Н. Бороздин оказался одним из ведущих деятелей нового советского востоковедения. Он был членом Всесоюзной научной ассоциации востоковедов, а в 1922–1930 годах заведовал отделом журнала «Новый Восток». Письма В.В. Бартольда И.Н. Бороздину относятся как раз к этому периоду и приходится на последнее десятилетие деятельности Бартольда. Несмотря на то, что первое сохранившееся послание Бартольда было явно не первым в их переписке, особой сердечности и доверительности в ее тоне в первой половине 1920-х годов не заметно: едва ли ученые были тесно связаны до 1917 г. Бартольд, очевидно, скептически относился к московскому востоковедению той поры (заметим, совершенно заслуженно). Однако в конце 1920-х годов письма становятся теплее и обстоятельнее. Бартольд скуп и вместе с тем трогательно сообщил Бороздину о смерти жены (письмо № 7). Как ученый старой дореволюционной школы, получивший классическое университетское образование, Бороздин, несмотря на его напускной и, видимо, во многом вынужденный марксизм и советскую фразеологию, конечно, был Бартольду более близок, симпатичен и понятен, чем новоявленные советские «ученые-востоковеды», нередко не только не имевшие образования, но зачастую просто безграмотные. Не зря в январе 1929 г. академик написал в Москву: «...для меня стало еще яснее, насколько то, что нас соединяет, важнее того, что нас разделяет. Есть полное основание надеяться, что мы и впредь будем действовать солидарно против того, что Вы теперь называете “наглым и невежественным попиранием науки”» (см. письмо № 10). Однако действовать солидарно против этого зла ученым не довелось. В 1930 г. скончался Бартольд, а в

1935 г. первый раз арестовали Бороздина. Вернуться к науке он полноценно смог только после войны, осев в 1949 г. в нешумном Воронеже, вдали от столиц.

Письма публикуются в современной орфографии и пунктуации при сохранении стиля автора.

№ 1

23/10.IX.1918

В.О. 4 л. 19 кв. 3.

М[ногоуважае]мый
[И]лья Николаевич,

[...] Борис Александрович передал мне Ваше письмо; [...] жаль, что Вы до сих пор не получили отчета и книж[ки «Куль]тура мусульманства»; я передал обе книжки моему уехавшему в Москву племяннику Евгению Федоровичу Бартольду с просьбой отнести их Вам; очевидно, он по какой-то причине не успел этого сделать. Он живет пока в семье Пешковых; их городской адрес: Машков пер., 1; из письма племянника видно, что они уехали на дачу, куда именно, он не пишет, но, вероятно, в городской квартире это знают и могут переслать письмо.

В нашей жизни ничего особенного нет, живем как все, летом никуда, кроме поездки в Москву, не ездил, теперь начались лекции.

Привет Тамаре Николаевне² и Вам от нас обоих.

Ваш

В. Бартольд.

№ 2

30.VII.24

Акад. наук.

Многоуважаемый
Илья Николаевич,

23-го было заседание Акад. наук по ист.-фил. отделению, наверное, последнее до сентября; поэтому обсуждался и вопрос об участии в предстоящем совещании насчет изучения Туркестана, хотя просьбы назначить своего представителя Академия еще не получила, но из копии протокола, с

Вашей поправкой, ей известно, что такая просьба должна последовать. Собрание постановило в таком случае возложить эту обязанность на меня. В Акад[емии] и[стории] м[атериальной] к[ультуры] соответствующий вопрос еще не обсуждался, так как там будут заседания и в августе; когда запрос от Вас будет получен, думаю предложить там С.Ф. Ольденбурга, который с своей стороны выразил согласие. Времени, конечно, еще довольно; с своей стороны (хотя это, конечно, ни для кого не интересно) я отнюдь не желал бы, чтобы с созывом совещания торопились, так как вопрос об этом созыве связывается с решением вопроса о новом политическом устройстве Средней Азии, который я считаю очень сложным и трудным.

Туркомстарис продолжает любезно держать нас в курсе своих дел и теперь прислал нам и в немецком подлиннике (по нашей просьбе) два первых отчета Кон-Випера, прежде доставленные нам в русском переводе; впечатление от отчетов от этого не улучшилось.

Ждем теперь еще следующих, более подробных отчетов.

Всего лучшего, поклон от нас обоих Вашей сестре,

Ваш

В. Бартольд.

№ 3

25.II.25

Многоуважаемый
Николай Николаевич³,

Я получил от П.К. Воробьева Ваше письмо и упомянутые в нем две книжки; благодарю. Курс мой в Баку прошел недурно; печатать его хотели в Баку по стенографической записи, просмотренной мною. Лично я этим не очень доволен; запись оказалась ужасной и я был принужден довольствоваться исправлением фактических ошибок, не касаясь слога, иначе пришлось бы все написать вновь. Мне хотели прислать сюда экземпляр не для корректурных поправок, а для «дополнений и поправок» в кон-

це, если бы таковые понадобились; до сих пор ничего не получал.

Статей не присылал потому, что их не было. Условия печатания у нас еще ухудшились вследствие ликвидации «Науки и школы»; оттого не будет издан мой «Иран», продолжение «Мусульманского мира»; по моей просьбе мне вернули рукопись. Посылаю два небольших академических доклада и напечатанную под моей редакцией статью Валидова. Главное значение статьи в том, что ею установлен факт существования в Мешхеде рукописи (к сожалению, неполной) подлинного Ибн-Фадлана, известного до сих пор только по извлечениям Якута. Несколько моих работ должны появиться в следующих книжках «Востока» и «Аннал», но до сих пор не получал оттуда даже корректур.

№ 6 «Нового Востока» не получал; ознакомился с ним благодаря П.К. Воробьеву (экземпляр института). Историко-этнологический отдел в этом №, по моему мнению, менее удачен, чем в предшествующем. Промахи, конечно, неизбежны, но слово «ипократы» в статье Добролюбского (стр. 363 внизу) все-таки выходит из пределов дозволенных промахов; автор, очевидно, принял итальянское *ipocriti* (франц. *hypocrite*) за арабское слово. Вообще по-прежнему дает себя чувствовать отсутствие в редакционной коллегии ориенталистов; правда, этой беде в Москве нелегко помочь. «Phémis» в оглавлении, конечно, мелочь; не вспомнили об уничтоженной букве θ.

Всего хорошего, будем рады Вас видеть. Ваш

В. Бартольд.

№ 4

12.X.25

Акад. Наук.

Многоуважаемый Илья Николаевич, я получил теперь из Баку несколько экземпляров своих лекций; помню, что Вы хотели иметь эту книгу; и потому посылаю Вам экземпляр.

Когда Вы были у нас, Вы говорили о двух новейших сочинениях о Турции и Ангоре; жена⁴ не запомнила заглавий; не будете ли Вы так добры сообщить нам их письменно. Едем в Турцию, по всей вероятности, в декабре.

С уважением,

В. Бартольд.

№ 5

Константинополь, 30.IV.26

Многоуважаемый
Илья Николаевич,

Вам, вероятно, известно, что после доклада в Москве в центральной ассоциации я еще читал доклад 21-го в Одессе, в местном отделении ассоциации, о состоянии востоковедения в СССР. О деятельности ассоциации я в этом докладе не говорил совсем, сославшись на то, что она слушателям и без того известна; после краткой характеристики истории востоковедения до революции говорил преимущественно о том, что делалось после революции в Ленинграде, Баку и Ташкенте. Надеюсь послать отсюда в Одессу (где я был очень тронут сердечным приемом), краткое резюме доклада для напечатания.

Надеюсь, что в Москве слушатели подчинились Вашему требованию и что в газетах ничего не появилось о моем докладе. Помню, Вы сказали, что в «Новом Востоке» о докладе будет сделано сообщение. Надеюсь, что это будет сделано в той форме, как это вообще у вас принято, т.е. в виде простого упоминания в хронике о факте доклада, без каких-либо подробностей о его содержании. В противном случае я просил бы отложить печатание сообщения до моего возвращения и прислать мне корректуру.

Путешествие в Константинополь было вообще очень приятно, море было совершенно тихо. Здесь в первые дни было даже жарко, и я изнывал от жары в той же комнате, где моя жена мерзла еще в половине марта. В последние дни стало несколько прохладнее. Просмотрел здесь турецкий перевод двух первых из моих предположенных

лекций, отдал для перевода переписанный макет лекций 4–8, отдал для переписки мою рукопись лекций 9–11; кроме того, возобновил свои занятия в библиотеках. Еще не видел Кёпрюлю-Задэ⁵; он в Ангоре и вернется оттуда также через несколько дней. В немецкой печати появились нападки на бакинский съезд: здесь готовится ответ при участии Менцеля⁶ и Виттека⁷ (обоих я здесь видел, Менцель только вчера вернулся из Ангоры). До сих пор не знаю, придет ли Крачковский и когда; один из здешних ученых сегодня получил от него письмо, но в нем ничего о его приезде не говорится.

Получил письмо от жены; в то время она опять страдала бронхитом, надеюсь, что теперь ей лучше. На свое здоровье пока не могу пожаловаться и надеюсь, что цель моей командировки будет достигнута. Всего лучшего, поклон Тамаре Николаевне.

Ваш В. Бартольд.

№ 6

Многоуважаемый Илья Николаевич, экземпляр вышедшего в Ташкенте моего «Ирана»⁸ у меня еще нет (кроме одного), хотя мне давно уже писали, что посылали 25 экземпляров. Как только придут, пошлю Вам. Печатаю теперь бывшую книгу (давно написанную и сданную в печать) по культурной истории Туркистана (до русских и при них до революции) в КЭПС⁹; кроме того сдал в печать статью «Из поездки в Турцию» для «Научного работника»¹⁰. Здоровье хорошо, все, кто меня видит, находят, [ч]то вид здоровый. Жена благодарит за память и шлет привет.

Ваш В. Бартольд.
Акад[емия] наук. 22.XI.26.

№ 7

Многоуважаемый Илья Николаевич, когда Вы были у нас, мне казалось, что Вы несколько симпатизировали моей жене; та часто спрашивала о семье Вашей сестры, и ей очень нравились письма ко мне Вашего маленького племянника. Теперь ее больше нет; вчера она умерла от воспаления легких. Болезнь была

мучительной, но день смерти прошел без мучений и она умерла спокойно¹¹.

Ваш В. Бартольд.
14.III.28.
Акад[емия] наук.

№ 8

29.XI.28

Многоуважаемый Илья Николаевич, вчера я посылал Вам оттиски; надеюсь, что Вы их получили. Конечно, тотчас после возвращения домой втянулся в обычную жизнь, по два заседания в день. Есть надежда, что в АН все обойдется благополучно. Шлю поклон и выражения благодарности Тамаре Николаевне и Вам; привет Славику¹²; стихи я сохранил.

Преданный Вам В. Бартольд.

№ 9

В Комиссию по археологии
Московской секции ГАИМК

Прошу присоединить мой привет и мои поздравления к тем, которые будут получены проф. И.Н. Бороздиным по случаю исполнения двадцатипятилетия его деятельности.

Акад. В. Бартольд
5.XII.28
Акад[емия] наук.

№ 10

3.I.29

Многоуважаемый Илья Николаевич, благодарю Вас за письмо от 25-го дек[абря]; в конце его два вопроса, на которые и отвечаю. П.П. Денике, как он, вероятно, рассказал Вам, читал у нас в Акад[емии] мат[ериальной] культуры доклад о третьей поездке в Термез и предъявил фотографии. Слушателей было немного (был день 27-го дек[абря], когда большинство было в отъезде; даже Якубовский был у вас в Москве), но качество отчасти заменяло количество; были Удаленков, Котов, Дудин, Спицын. В такой обстановке можно было предъявлять докладчику вопросы даже во время чтения доклада, что и делалось; тем не менее и по-

сле доклада высказывались все. Как председатель я в конце выразил общее мнение, что докладчик доставил нам большое удовольствие, и меня поддержали все, особенно Удаленков, который, вследствие отсутствия Якубовского, согласился составить протокол, где не только будет признана вполне целесообразной и успешной третья поездка в Термез, но будет прибавлено, что необходимо поехать туда еще и, вероятно, не один раз. Копия протокола будет послана Денике; будет тоже дана справка, что план работ в Хорезме, начавшихся в этом году, был давно уже разработан в Акад[емии] мат[ериальной] к[ультуры]. Кажется, это все, что нужно Борису Петровичу; если понадобится еще что-нибудь, мы охотно пойдем ему навстречу, насколько возможно.

Все происшествие, кажется, может служить иллюстрацией к тому, что было сказано в наших последних письмах, как в Вашем, так раньше в моем. Денике рассказал мне, что поддержали его Вы одни; после этого для меня стало еще яснее, насколько то, что нас соединяет, важнее того, что нас разделяет. Есть полное основание надеяться, что мы и впредь будем действовать солидарно против того, что Вы теперь называете «наглым и невежественным попиранием науки».

Кажется, мы с Вами одинаково смотрим и на наскок Башкирова на Хорезм, без сношений с научными учреждениями, даже без ведома начальника его же экспедиции, Преображенского. С Башкировым у Якубовского был разговор, не особенно приятный по существу, хотя и выдержанный в мягких тонах. Всего я не буду передавать; важен только выяснившийся в конце разговора факт, что ни Акад[емия] мат[ериальной] к[ультуры], ни Башкиров не намерены отказаться от работ в Хорезме. Якубовский поставил вопрос, нельзя ли эти работы соединить в одно целое, под моим главенством. Башкиров ответил, что он на это согласен и ничего против меня не имеет, но что я едва ли соглашусь, так как много имею против него. Если попытка будет сделана, я не откажусь, особенно если можно будет поставить рас-

копки Башкирова (на которые у него едва ли будет много денег), в такие пределы, чтобы они хоть не принесли вреда. Я, конечно, остаюсь при убеждении¹³, которое возмутило Башкирова на бакинском съезде 1926 г., что копать на месте исторического города без знания истории нельзя. Перед Якубовским у Башкирова в настоящее¹⁴ время то преимущество, что Якубовский не владеет техникой раскопок, но, кажется, это дело наживное.

Теперь второй вопрос о Казани. Вы, конечно, знаете, что юбилей отложен до 25-го; если буду здоров, поеду, как один из делегатов Акад. Наук. Может быть (я спишусь об этом с факультета), на обратном пути остановлюсь в Москве для чтения очередных лекций с 28.I до 4.II, если это время не будет занято зачетами. Третий и последний приезд тогда мог бы быть с 15.III до 1.IV.

Я помню, что Вы тоже хотели поехать в Казань, так что мы там встретимся, даже если мои московские планы на этот раз не осуществляются. Всего лучшего, поклон Тамаре Николаевне и привет Славику.

Ваш В. Бартольд.

№ 11

17.V.29

Многоуважаемый Илья Николаевич, только сегодня могу отправить обратно стенограмму доклада, о которой Вы пишете в своем письме от 12-го. Вы увидите, что «просмотр» отнял у меня много времени и испортил мне много крови; к тому же мне как раз в это время пришлось в таком же духе «исправлять» стенограмму лекций, прочитанных в университете. В стенограмме доклада я, конечно, не касался того, что говорили присутствовавшие. По-видимому, я был прав, когда ставил первым условием своего согласия прочитать доклад или лекцию требование, чтобы не было стенографисток. Я сначала был склонен объяснять несовершенство записей недостатком моей дикции и т.п., но один из моих коллег, в дикции которого таких недостатков нет,

сказал мне, что и с его лекциями и докладами происходит то же самое.

І том сборника «Туркмения» вышел; включает в себе, кроме моей статьи, статьи Берга «История исследования Туркмении» и Самойловича «Очерки по истории туркменской литературы». Я читал Вашу статью в «Туркменоведении»; по-прежнему не разделяю Вашего мнения об авторитетности московских востоковедных учреждений.

За границу предполагал ехать в июне, по возможности в начале, но до сих пор из Москвы не получено согласия на командировку.

Милого Славика благодарю за письмо и за стихи. Привет Тамаре Николаевне и ее семье.

Преданный Вам В. Бартольд.

Примечания

¹ Фонд поступил в Архив РАН недавно и пока не имеет описей, поэтому мы публикуем письма без привычных архивных ссылок на номера описей и единиц хранения.

² Сестра И.Н. Бороздина Тамара Николаевна Бороздина-Козьмина (скончалась 4 января 1959 г.).

³ Sic! Так в тексте.

⁴ Мария Алексеевна Бартольд (1868–1928), младшая сестра ираниста В.А. Жуковского.

⁵ Кёпрюлю-заде Мехмед Фуад (1890–1966), крупнейший турецкий тюрколог, литературовед, поэт и историк. В.В. Бартольд посвятил ему статью (совместно с С.Ф. Ольденбургом и И.Ю. Крачковским): *Бартольд В., Ольденбург С., Крачковский И.* Записка об ученых трудах Кёпрюлю-заде Фуад-бея // ИАН. VI серия. Т. 19. № 18. Л., 1925.

⁶ Теодор Менцель (Theodor Menzel, 1878–1939), немецкий тюрколог, профессор Кильского университета (1929–1937).

⁷ Пауль Виттек (Paul Wittek, 1894–1978), выдающийся австрийский востоковед, османист. С Бартольдом его связывали научные контакты. В своем стамбульском дневнике Бартольд заметил о Виттеке: «... (бывший австрийский офицер, теперь корреспондент западных газет и научный деятель), хорошо говорит по-турецки; принял участие в поездке. Знает хорошо топографию Константинополя; перешел к восточной истории от античной» (*Туманович Н.Н.* Описание архива академика В.В. Бартольда // *Умняков И.И.* Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда. *Туманович Н.Н.* Описание архива академика В.В. Бартольда. М., 1976. С. 296). 19 декабря 1926 г. Бартольд писал Заки Валиди в Стамбул: «Не получал никаких писем и от Виттека; если Вы встретите его, передайте ему, пожалуйста, поклон от жены и от меня; я написал бы сам, если бы знал его адрес; я знаю только, что он должен был переехать в Кадикёй» (Из эпистолярного наследия Валиди, Бартольда, Минорского // *Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова.* Сборник материалов. Ташкент, 2008. С. 414).

⁸ Имеется в виду книга В.В. Бартольда «Иран. Исторический обзор». Ташкент, 1926.

⁹ Видимо, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при АН, основанная в 1915 г.

¹⁰ Статья вышла. См.: *Умняков И.И.* Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда // *Умняков И.И.* Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда. *Туманович Н.Н.* Описание архива академика В.В. Бартольда. С. 121.

¹¹ В письме Валиди Бартольд сообщал о кончине супруги: «...оправившись от тяжелой формы гриппа, жена через некоторое время заболела воспалением легких и третьего дня скончалась, тихо, не ожидая смерти. Я уверен, что ее не забудет никто из тех, кто ее знал» (Из эпистолярного наследия Валиди, Бартольда, Минорского // *Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова.* С. 419).

¹² Сын Тамары Николаевны Бороздиной.

¹³ Написано вместо зачеркнутого «мнению».

¹⁴ Подчеркнуто В.В. Бартольдом.

А.М. Хазанов

«ПОКОЛЕНИЕ КАБРАЛА»: ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

(Окончание)

Ангольский национализм в 1950-х годах испытал подъем. Националистическое движение активизировалось одновременно в столице Анголы Луанде и в эмиграции – в Португалии, а также в бельгийском Конго в виде двух этноязыковых и идеологических течений. Первое из них сформировалось из представителей наиболее состоятельного и культурного слоя Луанды – так называемых «*ассимилядуш*» (мулаты, африканцы-амбундуш). В рамках этого течения создавались различные просветительские и культурные ассоциации, где рождались националистические, марксистские и христианско-патриотические идеи и возникали организации соответствующей направленности. Наиболее выдающимися фигурами марксистского движения были Вириату да Круш, Иледиу Машаду, Матиаш Мигеиш и Мариу де Андради. Признанным лидером и идеологом христианско-патриотического движения был падре Жоакин Пинту де Андради.

Вириату да Круш родился 25 марта 1928 г. в Порту Амбоин (провинция Кванза-Сул). Уже в юношеском возрасте он включился в антиколониальную борьбу – вступил в Национальную африканскую лигу (НАЛ), а в 1948 г. – в литературную группу «Движение новых интеллигентов Анголы», которая издавала журнал «Менсажень». В начале 1950-х годов В. да Круш активно участвовал в деятельности нелегальной националистической организации АНАНГОЛА. Эмигрировав в Португалию, он стал одним из руководителей Дома студентов империи (ДСИ). В. да Круш был одним из тех, кто подписал Манифест 1956 г. В 1958 г. В. да Круш, А. Нето и А. Кабрал основали Центр африканских исследований в Лиссабоне. В конце 1950-х салазаровский суд за-

очно приговорил В. да Круша к 15 годам тюрьмы. В 1960 г. В. да Круш поселился в Конакри, где вместе с Л. Лара и М. де Андради представлял МПЛА за границей. На I Национальной конференции МПЛА в декабре 1962 г., где развернулась острая идеологическая борьба между сторонниками А. Нето и В. да Круша, последний был снят с поста генсека МПЛА и исключен из организации. В 1966 г. он поселился в Пекине, где и умер в 1973 г. в возрасте 45 лет¹.

Падре Жоакин Пинту де Андради был руководителем патриотического католического движения в Анголе, а позже – почетным президентом МПЛА. Во время своей учебы в Риме (1948–1951 гг.) он поддерживал тесные связи со своим братом Мариу де Андради, который в то время работал в «Презанс африкэн» в Париже². Он был одним из инициаторов международной кампании в поддержку политических заключенных и их семей. В своих проповедях в кафедральном соборе Луанды, на которых бывало много прихожан, он поднимал социальные, экономические, политические проблемы, осуждая преступления колониализма.

Объединившаяся вокруг падре Жоакина Пинту де Андради группа выпустила памфлет «Обращение к миру: Ангола принадлежит ангольцам». Эта группа была идеологически близка Движению за независимость Анголы (МИА), с которым он поддерживал контакты через своего друга Франку де Соуза. Вместе с А. Нето Ж. Пинту де Андради вступил в мае 1960 г. в Движение за национальную независимость Анголы (МИНА), выдающимся руководителем которого он стал. Его арестовали в июне 1960 г. вместе с несколькими другими ангольскими священниками³. Его отправили сначала в тюрьму Алжубе в Лиссабоне, потом на остров Прин-

сипи, а позже – на север Португалии, в монастырь епархии Брага⁴.

Второе течение сформировалось из представителей народа баконго, к которым присоединились представители других этносов. Это были главным образом мелкобуржуазные элементы: имевшие наемных рабочих мелкие торговцы, портные, сапожники и т.п. Это течение, находившееся под сильным влиянием миссионеров-протестантов, было тесно связано с возникшим в 1958 г. Союзом народов Анголы (УПА) во главе с Х. Роберто.

В 1948 г. Португальская коммунистическая партия основала в Луанде свою ячейку⁵. Наиболее радикальные члены этой ячейки, объединившись вокруг Вириату да Круша, основали 12 ноября 1955 г. в Луанде Коммунистическую партию Анголы (КПА).

На допросе в ПИДЕ после ареста в 1959 г. И. Машаду рассказал: «В 1952 или 1953 г. Вириату да Круш убедил меня основать Коммунистическую партию Анголы вместе с Антониу Жасинту и Мариу Антониу на собрании в Ларго Марселу Курто в Луанде». В. да Круш был избран генсеком, ему поручили разработать устав. Были придуманы псевдонимы: Арманду (Вириату), Рафаэл (Илидиу), Жозе (Жосинту) и Сантуш (Мариу Антониу). Целью КПА была борьба за марксистско-ленинские идеи⁶. Как утверждал английский историк Р. Гибсон, «действительными организаторами КПА были гражданские служащие – европейцы, работавшие в Анголе, которые являлись тайными членами ПКП»⁷.

КПА разработала и приняла устав, издавала манифест, но фактически не имела связей с трудящимися массами. Ее членами были главным образом интеллигенты, оторванные от масс. Поскольку новых членов завербовать не удалось, КПА вскоре распалась. Л. Лара вспоминал о КПА: «Она возникла в среде интеллектуалов и не развивалась в настоящую Коммунистическую партию. Она была скорее центром идеологических исследований, который не имел пролетарской базы, на которой он мог бы развиваться, и поэтому исчез»⁸.

Тем не менее следует признать, что КПА, несмотря на свою весьма короткую историю, оказала существенное влияние на идеологические взгляды ряда членов МПЛА, особенно вышедших из ее рядов и рядов Партии борьбы африканцев Анголы (ПЛУА), обусловив возникновение в МПЛА крепкого ядра, стоявшего на позициях марксизма-ленинизма. Один из видных деятелей МПЛА Саиди Мингаш позже вспоминал: «Компартия Анголы как организация, составившая неотъемлемую или существенную часть при образовании МПЛА, в конце концов оставила след в виде идеи и линии его курса в отношении организации и структуры»⁹.

Говоря о том, что КПА была «одним из непосредственных предшественников МПЛА», американские историки Дэвид и Марина Оттэуэй отмечают, что «марксизм был уже той призмой, через которую многие ангольские националисты смотрели на свою борьбу»¹⁰.

Поскольку КПА, генсеком и главным идеологом которой был В. да Круш, не пользовалась популярностью из-за своей коммунистической ориентации, она просуществовала менее года. Ее наследницей стала Партия борьбы африканцев Анголы (ПЛУА). По одной версии, в начале 1956 г., а по другой – несколько раньше члены КПА, нелегальных культурных ассоциаций и профсоюзов, появившихся в начале 1950-х годов, объединились в ПЛУА.

В создании ПЛУА участвовал будущий лидер освободительного движения в Гвинее-Бисау А. Кабрал, находившийся в то время в Анголе. Вначале ПЛУА занималась в основном культурно-просветительской деятельностью: ее члены создавали курсы по ликвидации неграмотности, изучали историю и культурные традиции ангольцев, собирали произведения народного творчества и т.п. Но постепенно они пришли к выводу, что борьба за культурное возрождение – задача вторичная по сравнению с борьбой за политическую независимость¹¹. По словам Л. Лары, в ПЛУА участвовал африканский пролетариат, и она уже носила «явно выраженные пролетарские черты»¹².

Важнейшим историческим делом ПЛУА явилась выработка в 1956 г. знаменитого манифеста, призвавшего ангольцев создать «широкое движение за освобождение Анголы» для свержения колониального ига. Как писал К. Пашеку, этот манифест не означал создания какой-либо националистической политической партии, но был эмоциональным призывом ко всем ангольцам подняться на организованную борьбу, создавая движения, партии, группы сопротивления португальскому колониализму на всей территории Анголы¹³.

Манифест 1956 г., написанный В. да Крушем и принятый на узком собрании руководства ПЛУА (на нем присутствовали В. да Круш, И. Машаду, М. Мигеиш, Ф. де Соуза и С. Алмейда), можно считать вехой, отмечающей начало современного ангольского национализма. Хотя и мало распространявшийся в Луанде и в Португалии, он оказал значительное влияние на идеологию и программу МПЛА.

В 1950-х годах идеи марксизма-ленинизма были популярны не только в Анголе, но и в Мозамбике. В 1990 г. автор этих строк встречался в Мапуту с бывшим генсеком Общества дружбы с СССР А. Сансаном Мутембой. Он рассказал, что в конце 1950-х годов из Португалии в Мозамбик приехал коммунист А.Ж. Ребелу. Он организовал ячейку Португальской коммунистической партии, в ней была строгая конспирация: каждый член знал только трех товарищей по ячейке. У коммунистов был лозунг: «Если мы не объединимся, то будем жить в неволе». Они подчеркивали важность единства всех племен. Коммунисты говорили: «Мозамбикцы – это одна нация. Для борьбы с португальским колониализмом прежде всего необходимо объединиться». Все коммунисты в Мозамбике были белые. Было довольно мало африканцев, которым они доверяли¹⁴.

Через несколько месяцев после опубликования манифеста В. да Круш в условиях слежки за ним ПИДЕ, сотрудники которой считали его коммунистом¹⁵, решил уехать из Анголы в Европу. Он уволился с предпри-

ятия «Зингер» в Луанде, где работал, отплыл на пароходе «Уиже» в сентябре 1957 г. и несколько дней жил в Лиссабоне в доме А. Кабрала. Он провел собрание с участием «стариков» (Л. Лара, Э. Душ Сантуш, А. Кабрал), на котором рассказал им о ситуации в Анголе и призвал создавать африканские организации, автономные по отношению к партиям португальской оппозиции¹⁶.

Хотя А. Нето вышел из тюрьмы в июне 1957 г., он, видимо, не присутствовал на этом собрании и не встречался с В. да Крушем во время его пребывания в Лиссабоне, что помешало им познакомиться, обменяться идеями и политическим опытом. Это отсутствие диалога в 1957 г. между теми, кому предстояло стать двумя крупнейшими лидерами ангольского освободительного движения, оказалось решающим фактором в том идеологическом конфликте в МПЛА, который вспыхнул через пять лет в Леопольдивиле.

В Лиссабоне В. да Круш не сумел встретиться с коммунистическими руководителями, работавшими в подполье. Не получив финансовой и какой-либо иной поддержки от ПКП, он в октябре 1957 г. переехал в Париж, где жил некоторое время в доме Мариу де Андради.

После отъезда В. да Круша из Луанды другие, подписавшие манифест, организовали в 1958 г. Движение за независимость Анголы (МИА), меньше связанное с марксизмом и имевшее черты чисто националистического движения. Оно пользовалось большой популярностью среди африканской мелкой буржуазии, оказывая значительное влияние на националистически настроенные круги в Луанде, Лобиту, Бенгеле, Уижи и Маланже. Самыми активными и влиятельными членами МИА были И. Машаду, Ф. де Соуза, В. Диаш, Г. Лейтан, Б. Ван-Дунень и другие¹⁷.

Прибытие в Лобиту копировального аппарата, присланного из Лиссабона¹⁸, дало возможность распространять в крупных городах листовки и памфлеты. Большинство памфлетов, распространявшихся в Анголе в

1957–1960 гг., не имеют ни даты, ни названия организации. Лишь в 1959–1960 годах появились памфлеты, подписанные МИА, МИНА или УПА. Под некоторыми памфлетами и листовками стояли подписи известных в истории Анголы королей и племенных вождей – Мандуме, короля Екуикуй II, Кианва-Ланга, Нзинга Мбанди Нгола и др.¹⁹ Любопытно, что некоторые памфлеты подписаны «МИНА и УПА». Есть даже один памфлет, который подписан «МИА, УПА, Л. Лара, В. Да Круш и М. де Андради»²⁰. Этот факт свидетельствует о существовании тесных связей между ангольскими марксистами в Лиссабоне и националистическим движением МИА в Анголе не только благодаря общим политическим целям, но и в силу семейных связей (Умберту Машаду был братом Илидиу Машаду)²¹.

Илидиу Машаду, мулат (родился 17 декабря 1914 г.), почтовый служащий, начиная с 1948 г. был одним из самых активных и последовательных участников освободительного движения. Он присоединился к движению «Новые интеллигенты Анголы» и, находясь под влиянием марксистских идей, приходивших из Португалии и Бразилии, основал вместе с В. да Крушем в 1955 г. КПА, а потом ПЛУА. Он был одним из тех, кто подписал знаменитый манифест 1956 г. Однако за исключением писем, которые он посылал своему брату Умберту – студенту и руководителю АМК в Лиссабоне, в которых отразились горячая любовь к родине и к ценностям своего народа, стремление поднять его культурное и политическое сознание, какие-либо написанные им тексты не сохранились. Благодаря своей активной деятельности в группе молодых интеллектуалов, выдвинувших лозунг «Давайте открывать Анголу!», и в НАЛ, он завоевал исключительно большой авторитет в ангольских националистических кругах.

После отъезда В. да Круша из Луанды И. Машаду вместе с Франку де Соуза стал руководить подпольным МИА. И. Машаду поддерживал тесные контакты с африканскими националистическими кругами в Лиссабоне (через своего брата У. Машаду,

Л. Лару и А. Нето), с Ганой и Бразилией (через своего друга Лоуренсе Холдена, плававшего в качестве матроса и арестованного ПИДЕ в 1959 г.).

На допросе в ПИДЕ после своего ареста в 1959 г. И. Машаду утверждал, что «руководство МИА состояло из него, Франку де Соуза и Игину Айриша»²².

Отдавая себе отчет в том, что существование множества разрозненных групп и организаций не только ослабляет их способность к борьбе, но и увеличивает риск инфильтрации агентов ПИДЕ, И. Машаду попытался незадолго до своего ареста объединить их в единое движение за национальное освобождение Анголы (МЛНА). Он выпустил памфлет, в котором объявил о слиянии националистических движений МИА и МЛНА²³. В мае 1959 г. он отправился в Лиссабон, чтобы координировать антиколониальную борьбу, и там был арестован 27 мая 1959 г. И. Машаду был приговорен к 10 годам заключения в концлагере Таррафал. Он вышел на свободу только 21 октября 1970 г.

Период генезиса ангольского национализма 1955–1959 годов характеризовался качественным переходом культурно-просветительского движения, склонного к компромиссу с колониальными властями и утверждавшего самобытные ценности (под лозунгом «Давайте открывать Анголу»), к фазе примитивно организованных националистических движений (КПА, ПЛУА, МИА). Этот переход сопровождался разрывом с прежними методами борьбы. Начало современному ангольскому национализму, несомненно, положил манифест 1956 года. После него началась так называемая «памфлетная фаза», отмеченная не только активной деятельностью националистических движений марксистского и католического направлений, но и значительным влиянием групп, связанных с УПА.

Эта «памфлетная фаза» была прервана в середине 1959 г. заключением в тюрьмы большинства ангольских патриотов. Она была продолжена через несколько месяцев, когда патриоты, сбежавшие из застенков

ПИДЕ, создали Движение за национальную независимость Анголы (МИНА).

В 1952 г. М. Душ Сантуш, Э. Санту, А. де Браганса и Э. Роша встретились в Гренобле (Франция), чтобы продолжить свое высшее образование. Они провели там два года, изучая марксизм, совершенствуя свой французский язык, занимаясь зимними видами спорта. Затем они отправились в Париж, где душ Сантуш и де Браганса изучали политические науки, а Э. Роша – медицину. Общежитие марокканских студентов («Мэзон дю Марок») в университетском городке в Париже стало местом их встреч с марокканскими друзьями, которые стали очень ценными союзниками МПЛА после того, как Марокко стало независимым. Эта маленькая группа юношей из португальских колоний развила большую активность вместе со студенческими организациями Черной Африки и Марокко. Они участвовали в манифестациях, митингах и собраниях. Кроме того, они были первыми, кто рассказал во Франции о ситуации в португальских колониях и о португальском фашизме. По вечерам они посещали Университет Нувель, где углубляли свои знания в области марксизма²⁴.

Самой выдающейся фигурой в этой «парижской группе» был Марселину душ Сантуш. Он родился в 1929 г. от смешанного брака в прибрежном городе Лумбо (Мозамбик). Окончив школу, продолжил образование в Португалии. Но за участие в революционной деятельности он подвергся преследованиям ПИДЕ и вынужден был переехать во Францию, где учился в Сорбонне под руководством известного африканиста проф. Ж. Баландые. В то же время он стал печатать под псевдонимами (Калунгану и др.) проникнутые революционным пафосом и ненавистью к колонизаторам стихи, принесшие ему огромную популярность²⁵. Когда в апреле 1961 г. в Касабланке была создана организация «Конференция националистических организаций португальских колоний», М. душ Сантуш был избран ее генеральным секретарем. Используя эту организационную базу, он внес выдающийся вклад в создание усло-

вий для появления Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), в котором он был вице-президентом. После завоевания Мозамбиком независимости он занимал ряд руководящих постов в правительстве.

В июле 1954 г. в Париж приехал молодой ангольский интеллектual Мариу Пинту де Андради, уже получивший известность благодаря своим блестящим выступлениям во время дискуссий в ДСИ, Центре африканских исследований и Университете Коимбры. Он поселился вначале в «Мэзон дю Марок», откуда перебрался в Латинский квартал. Его статьи регулярно выходили в «Презенс Африкэн». Публикации и выступления Мариу де Андради, полные оригинальных мыслей, юмора и эмоций, обаяние и исходящая от него энергетика открыли перед ним двери в африканские интеллектуальные и политические круги Парижа 1950-х годов и выдвинули его на роль признанного руководителя и идеолога «парижской группы».

Проживая в Париже, М. де Андради опубликовал под псевдонимом Буанга Феле ряд статей, содержавших резкую критику колониальной политики Португалии. Критик, социолог и поэт М. де Андради был в то же время большим знатоком народного языка кимбунду. Написанное им на этом языке стихотворение «Песня сабалу»²⁶ распевают в Анголе как народную песню.

М. де Андради был составителем первой антологии поэтов португальских колоний, вышедшей в 1958 г. в Париже, а также антологии негритянской поэзии, опубликованной в 1962 г. в Италии. Будучи одним из основателей МПЛА, М. де Андради был одно время ответственным лицом за внешние связи этой организации. Позже он отошел от активного участия в движении и переехал на жительство сначала в Гвинею-Бисау, а затем после переворота 14 ноября 1980 г. в Париж. М. де Андради снискал известность как крупный африканский поэт, литературный критик и социолог.

Прибытие в Париж В. да Круша в конце 1957 г. придало парижской группе дополнительную динамику. В ноябре 1957 г. она ор-

ганизовала в Париже «Конференцию по изучению борьбы против португальского колониализма», где обсуждались ситуация в колониях и меры, которые следовало предпринять для ее радикального изменения. Все участники пришли к единодушному мнению о необходимости создания антиколониальной политической организации, которая объединила бы молодых африканцев всех колоний²⁷.

В соответствии с этим решением через несколько месяцев было создано Антиколониальное движение (МАК). Оно объединило группу «стариков» с наиболее продвинутыми молодыми африканскими студентами «второй волны» эмиграции. Парижская группа была очень сплоченной, активной и динамичной. Ее единство основывалось на крепкой дружбе, взаимном уважении и общих целях ее членов²⁸. Они участвовали в различных международных форумах, где осуждали португальский колониализм и говорили о стремлении колонизованных народов к самоопределению и независимости.

* * *

К концу 1959 г. положение руководителей МАК, живших за границей – В. да Круша, Л. Лара, М. де Андради и М. душ Сантуша – с точки зрения личной безопасности и материальных условий жизни стало катастрофическим. С другой стороны, в Анголе и Гвинее-Бисау в этот период отмечался бурный рост освободительного движения. Арест 50 патриотов в Луанде, возможно, стал главной причиной решения лидеров МАК вернуться в Африку.

Л. Лара стал первым из членов МАК, прибывшим в Тунис в декабре 1959 г. с твердым решением не возвращаться в Европу. Он получил приглашение секретариата II Panaфриканской конференции и возглавил делегацию МАК. Она представила на конференции в Тунисе Манифест МАК, написанный В. да Крушем и утвержденный Л. Ларой и М. де Андради.

Историческое значение МАК состоит в том, что она провела огромную работу по мобилизации африканской молодежи в Пор-

тугалии и содействовала осознанию ею необходимости участия в битве против португальского колониализма. Эти усилия не пропали даром – в начале 1959 г. в Лиссабоне была создана подпольная организация «Движение ангольских студентов». МАК содействовала также международному признанию борьбы народов, колонизованных Португалией.

II Панафриканская конференция в Тунисе в конце января 1960 г. явилась важнейшей вехой в истории марксистских националистических организаций португальских колоний, признанием их существования на африканской политической сцене и форумом, на котором Вириату да Круш был признан лидером ангольских националистов.

Именно в Тунисе произошла встреча между ангольскими руководителями – В. да Крушем и Л. Ларой (оба прибыли из Германии) и А. Кабралом (приехал из Португалии). У. де Менезиш прибыл в Тунис в составе делегации Всеобщего союза трудящихся Черной Африки (УГТАН), располагавшегося в Конакри, и привез с собой приглашение правительства Гвинеи националистам-марксистам обосноваться в Конакри.

В начале декабря 1959 г., за два месяца до начала конференции в Тунисе, Л. Лара еще не знал, сможет ли принять в ней участие. Этого не знал и А. Кабрал, который просил У. Менезиша прислать ему из Конакри данные об УПА²⁹. В. да Круш жил в это время в Восточном Берлине (ГДР), сталкиваясь с тяжелыми экономическими проблемами³⁰. Именно в этот период В. да Круш в октябре 1959 г. изложил Л. Ларе свои идеи о преобразовании МАК в Совет межнационального сотрудничества и координации, который состоял бы из националистических организаций всех португальских колоний. И В. да Круш, и М. де Андради были разочарованы деятельностью МАК. Все чувствовали настоятельную необходимость вернуться в Африку, чтобы улучшить руководство антиколониальной борьбой. Были и другие факторы, побуждавшие их уехать из Европы. С одной стороны, им не удавалось решить свои экономические про-

блемы, с другой – они подвергались преследованиям со стороны ПИДЕ и в странах их эмиграции.

На конференции в Тунисе В. да Круш представил собравшимся новые организации – МАК, преобразованную во Фронт националистических движений (ФРАИН), МПЛА и ПАИ (Африканская партия независимой Гвинеи). Аббревиатура МПЛА была взята из фразы написанного В. да Крушем в 1959 году в ГДР манифеста – «широкое движение за освобождение Анголы». М. де Андради вспоминал: «На конференции в Тунисе нам необходимо было утвердиться в качестве общенационального движения, и поэтому в это время из первых букв фразы манифеста было составлено МПЛА»³¹.

Конференция в Тунисе приняла 30 января 1960 г. резолюцию, осудившую португальский колониализм и требовавшую освобождения политзаключенных³². До конференции в Тунисе ни один из ангольских марксистских лидеров лично не знал Х. Роберто, который приехал туда представлять УПА. Правда, В. да Круш в апреле 1959 г. написал Х. Роберто дружественное послание, в котором предлагал установить доверительные братские отношения на основе совместной борьбы и «создать единый фронт антиколониальной борьбы в Анголе»³³.

Г.М. Хаузер из Американского комитета по Африке предлагал У. Менезишу 25 января 1959 г. войти в контакт с Х. Роберто, который в то время жил в Леопольдвиле. Однако в сентябре 1959 г. А. Кабрал послал товарищам, жившим в эмиграции, длинный доклад, в котором крайне отрицательно отзывался о Х. Роберто: «Коварный, бессовестный, бабник, пивной пьяница, проматывает все деньги, которые ему посылают наши люди... Он тратит их на женщин... Не следует допускать, чтобы он представлял нас в ООН. Это предатель и бандит»³⁴. Эти оценки обусловили настороженное отношение ангольских марксистских националистов к Х. Роберто³⁵. И все же после panaфриканской конференции в Аккре в 1958 г. благодаря поддержке К. Нкрумы, П. Лумумбы,

алжирского Фронта национального освобождения (ФНО), правительства Туниса и Американского комитета по Африке Х. Роберто был признан единственным ангольским лидером, руководителем борьбы против португальского колониализма³⁶.

Ф. Фанон и А. Кабрал убедили Х. Роберто участвовать в первом собрании ФРАИН, и он поставил свою подпись под «Декларацией о соглашении об общей борьбе против португальского колониализма между ПАИ, МПЛА и УПА», принятой 31 января 1960 г. в Тунисе.

* * *

В 1958 г. в Португалии состоялись президентские выборы. Кандидатом на этот пост от оппозиции был генерал У. Делгаду. «Мы проиграли выборы задолго до дня голосования»³⁷, – писал он в мемуарах. Правительство прибегло к фальсификациям, чтобы не допустить победы оппозиционного кандидата. В условиях фашистской диктатуры, когда единственной легальной партией в стране был салазаровский Национальный союз, а ПИДЕ осуществляло неограниченный контроль над СМИ, победа кандидата оппозиции была практически исключена.

После поражения Делгаду на выборах в африканских националистических кругах Португалии воцарились разброд и уныние. «Старики», которые не могли или не хотели уехать за границу, осуждали руководителей МАК за то, что они распустили эту организацию. Юноши «второй волны», объединившиеся в Движение ангольских студентов (МЕА), пребывали в состоянии растерянности и вели бесконечные споры о том, какой идеологии должно придерживаться МЕА. Часть молодежи пошла за УПА Х. Роберто. С другой стороны, годы жизни и борьбы бок о бок заложили прочные основы дружбы и взаимного доверия между националистами двух поколений.

В июле 1960 г. в Португалии широко распространялись памфлеты Абея Джасси (псевдоним А. Кабрала). В декабре 1960 г. появился памфлет «Послание к португальскому народу», разоблачавший колониализм

и призывавший к «решению колониальной проблемы мирными средствами», подписанный: «Студенты университетов из португальских колоний».

В июне 1961 г. примерно 100 африканских студентов покинули Португалию³⁸. В апреле 1960 г. произошла знаменательная встреча М.П. Пакавира с Л. Лара в Браззавиле. Во время этой встречи Л. Лара «рекомендовал переименовать движение за независимость Анголы (МИНА), основанное в июне 1959 г. во главе с М.П. Пакавира, в Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), поскольку он (Лара), В. да Круш и М. де Андради должны представлять его за границей, и было необходимо, чтобы такое движение существовало внутри Анголы»³⁹.

Во время допроса в ПИДЕ М.П. Пакавира рассказал: «В мае 1960 г. имело место собрание, на котором присутствовали Фернанду Коэлью да Круш, Бернарду Жоакин Силаш, Давид Эса Кейруш и доктор Агостиньо Нето, и там Давид объяснил необходимость изменить название МИНА». Речь шла об организации «Народного движения за освобождение Анголы» (МПЛА), формулировании задач, которые оно должно было решать. Было сформировано также руководство Движения, которое состояло из Давида, Коэлью да Круша, Силаша, А. Нето и Пакавира. Были созданы «отдел печати», состоявший из Жуана Педру, Адана Мануэла и Пакавира, и региональные отделения МПЛА. «Все проявили интерес к участию в МПЛА падре Жоакина Пинту де Андради»⁴⁰.

В том же мае 1960 г. состоялось второе собрание, на котором присутствовали А. Нето, Ж.П. де Андради, К. да Круш, Силаш, Пакавира. Там обсуждалась организационная структура МПЛА, издание «памфлетов», анализировалась ситуация в Анголе и обсуждался способ, каким падре Жоакин Пинту де Андраде мог бы участвовать в МПЛА. Была констатирована необходимость вовлекать в движение ангольских военных и создать для этого «военный отдел». В протоколе допроса Б.Ж. Силаша говорится, что «доктор А. Нето был ответственным

за руководство политическими службами», а падре Ж.П. де Андради – за «связи с заграничней»⁴¹.

Эти протоколы допросов опровергают распространенную в литературе точку зрения о том, что МПЛА была создана в декабре 1956 г.⁴² Они убедительно свидетельствуют о том, что изменение названия МИНА на МПЛА имело место лишь в мае 1960 г. В этих протоколах есть также сведения о составе руководства и структуре МПЛА, а также о руководящей роли А. Нето в движении. Этот важный факт – создание руководства МПЛА внутри страны – придает А. Нето положение легитимного вождя, высшего руководителя националистического ангольского движения, начатого в 1955 г. КПА во главе с В. да Крушем и И. Машаду и продолженно-го МИА, а потом МИНА.

Через месяц после основания МПЛА люди, сидевшие в очереди у врачебного кабинета А. Нето в Луанде, были перепуганы. Они отказывались верить собственным глазам, увидев директора ангольского ПИДЕ Жуана Жозе Лопиша. Он арестовал Нето и заключил его в тюрьму за «подрывную деятельность против внутренней безопасности»⁴³. Нето стал 52-м политическим заключенным, брошенным в тюрьму Луанды летом 1960 г.⁴⁴

Однако попытки обезглавить освободительную борьбу ангольского народа путем репрессий, арестов его лидеров и активистов уже не могли сдержать неумолимого приближения антиколониальной революции, под напором которой в середине 1970-х годов рухнуло обветшавшее здание португальской колониальной империи.

Особого внимания заслуживает вопрос о целях, организационной структуре и деятельности Антиколониального движения. В него вошло большое число студентов и моряков – выходцев из всех португальских колоний в Африке.

* * *

Во Франции условия жизни маленькой парижской группы – М. де Андради, М. душ Сантуш, Акино де Браганса и африканцев,

приехавших из Португалии, – становились всё более трудными как с экономической, так и с политической точек зрения. Из-за войны в Алжире обстановка в Париже стала крайне напряженной, французская полиция бдительно следила за африканскими студентами. М. душ Сантушу, переставшему быть студентом-политологом, было отказано в продлении вида на жительство. Вскоре он был выслан из Франции за то, что продавал коммунистическую газету «Юманите диманш». Он временно поселился в Бельгии в 1958 г. благодаря поддержке Ж.К. Орта⁴⁵.

М. де Андради тоже имел проблемы с французской полицией, сотрудничавшей с ПИДЕ, но сумел удержаться в Париже, поскольку работал в библиотеке и журнале «Презанс африкэн» – влиятельном африканском франкоязычном издании, руководимом сенегальским интеллектуалом Алиуном Диопом, поддерживавшим тесные связи с африканскими интеллектуальными кругами. Библиотека и редакция журнала «Презанс африкэн» на Рю де Эколь, 25 были местом встреч руководителей ангольских, гвинейских и других националистических движений, которые бывали проездом в Париже.

В середине 1958 г. М. де Андради подал А. Диопу заявление об увольнении, после чего ему было отказано в разрешении на дальнейшее пребывание в Париже⁴⁶. В. да Круш после нескольких месяцев жизни в условиях материальной необеспеченности в Париже решил поселиться в Льеже (Бельгия) в доме своего друга Ж.К. Орта. По словам Ж.К. Орта, «по своему виду Вириату, когда он появился в Льеже в 1958 г., напоминал парижского клошара». Через несколько месяцев он перебрался во Франкфурт, где благодаря поддержке семьи немецких интеллектуалов Боувьер – друзей М. де Андради – оставался до середины 1959 г., а затем по приглашению Союза немецких писателей ГДР переехал в Берлин, где жил до отъезда в Тунис в январе 1960 г.⁴⁷

Л. Лара и его жена – немка Руфь – бежали в Германию в середине 1959 г., но там они также вели нищенскую жизнь, так как он не имел профессии и не сумел окончить

химико-физический факультет университета в Лиссабоне.

Положение руководителей ангольских националистов-марксистов радикально изменилось после того, как они получили приглашение президента Гвинеи Секу Туре обосноваться в Конакри. Власти Гвинеи выдали паспорта (с другими фамилиями) В. да Крушу, У. де Менезишу, Э. душ Сантушу, М. Мигеишу. Кроме документов и денег на проезд, Гвинея выделила также субсидии на содержание штаб-квартиры МПЛА в Конакри, а также финансовые пособия для В. да Круша, М. де Андради и других националистов. Остальные националисты устроились в Конакри на оплачиваемую работу.

Благодаря этой поддержке Секу Туре парижская группа и немецкая группа (за исключением М. душ Сантуша) получили возможность сконцентрироваться в Конакри. Обязанности по руководству недавно созданным МПЛА среди них были распределены следующим образом: М. де Андради отвечал за международные связи, Л. Лара – за внутренние вопросы, В. да Круш стал генеральным секретарем МПЛА. Он требовал от всех соблюдения железной дисциплины, что не одобрялось его коллегами и посеяло семена будущих раздоров в МПЛА.

В июле 1960 г. был учрежден Временный Руководящий Комитет МПЛА (М. де Андради, В. да Круш, Л. Лара, У. Менезиш, М. Мигеиш, Э. Сантуш и Л. Азеведу). А. Нето был избран президентом, а И. Машаду почетным президентом МПЛА. Тогда же были назначены политические советники: А. Кабрал, М. душ Сантуш, Деолинда Родригеш, Карлуш Пестана, Жуан Виейра Лопеш, Жентил Виана, Эдмундо Роша, Ж.К. Орта, Томаш Медейруш, Умберту Машаду, Граса Тавареш, Жуан Кабрал⁴⁸.

Если для А. Кабрала Конакри был идеальным плацдармом для организации Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) и развертывания антиколониальной борьбы в Гвинее-Бисау, то для ангольских националистов дело обстояло иначе из-за отдаленности ангольской границы и трудностей с коммуни-

кациями. Поэтому одной из главных забот ангольских руководителей стало изыскание возможностей обосноваться в какой-либо граничащей с Анголой стране, прежде всего в Конго–Киншаса. В апреле 1960 г. агенты ПИДЕ выследили Л. Лару в этой стране⁴⁹. В это же время М.П. Пакавира, направленный руководством МИНА в Конго, вступил в контакт с Л. Ларой в Браззавиле и принес по возвращении в Луанду известия о конференции в Тунисе, о создании МПЛА, о целях временного руководства МПЛА, а также об указании А. Нето о необходимости единства ангольских движений, которые должны воздерживаться от использования названия МПЛА⁵⁰.

Вскоре после встречи Лары и Пакавиры А. Нето возглавил МПЛА в Луанде и вместе с падре Жоакином Пинту де Андради и другими националистами, которым удалось ускользнуть от ПИДЕ, активизировал деятельность МПЛА. Через Герберта Инглеса А. Нето передал находившемуся в Браззавиле Л. Ларе сведения о тяжелой ситуации в Анголе, а также фотографии и документы о националистах, арестованных в июне 1959 г.⁵¹ Лара во время этой поездки в Конго вошел в контакт с М. Мигеишем, жившим тогда в Понта-Негра (Конго–Браззавиль)⁵² и развернувшим интенсивную деятельность внутри ангольской эмигрантской общины.

Следует заметить, что оба Конго были тогда еще под контролем колониальной администрации, и поэтому все эти передвижения, путешествия и контакты осуществлялись в строжайшей тайне, что, однако, не мешало ПИДЕ узнавать обо всем, что происходило, в том числе о встрече Пакавиры – Лара в Браззавиле⁵³.

Поездка Лары дала важные результаты, так как позволила наладить тесные связи между Луандой, Конго–Киншаса и руководством МПЛА в Конакри. Установилась также первая оперативная связь между руководством МПЛА за границей и руководством МПЛА в Анголе. Эта связь, однако, оказалась эфемерной и просуществовала всего несколько недель, так как в июне

1960 г. вся структура МИНА/МПЛА была обезглавлена арестами А. Нето, Ж. Пинту де Андраде и других националистов.

Через несколько месяцев М. Мигеиш обосновался в Конакри, где его кооптировали в руководство МПЛА, как и Э. душ Сантуша, который к этому времени окончательно покинул Португалию. М. Мигеиш вернулся в Конго, чтобы продолжить революционную работу, теперь уже в качестве руководителя МПЛА. Он занимался организацией базовых комитетов МПЛА, вел работу по объединению с УПА и другими организациями в Конго, добивался создания условий для работы МПЛА в Конго–Киншаса. Ангольским националистам удалось выполнить следующие задачи: в Конго–Браззавиле и в Конго–Киншаса была создана атмосфера, благоприятная для размещения штаб-квартиры МПЛА в Киншасе и его представительства в Браззавиле год спустя; в декабре 1960 г. в Бар Каррера прошло собрание, на котором произошло объединение с другими организациями – УПА, АЛИАЗО, АРЕК (Кабинда) – и, наконец, в Киншасе было организовано несколько базовых комитетов, оказавших МПЛА необходимую поддержку, когда она обосновалась там в конце 1961 г.

Другим важным аспектом деятельности ангольских руководителей в этот период было восстановление контактов с Лиссабоном через египетских дипломатов и через Париж. Через эти каналы Конакри контактировал с ангольскими студентами в Лиссабоне, объединившимися в МЕА, и со «стариками», которые не хотели уезжать из Португалии⁵⁴.

Одним из немногих членов МАК, оставшихся в Лиссабоне, был Армению Феррейра, в то время как Эдуарду душ Сантуш присоединился к группе в Конакри, а затем в составе делегации ПАИ и МПЛА выезжал в КНР.

В 1960–1961 годах Руководящий комитет МПЛА прислал в Лиссабон некоторые документы, разоблачавшие португальский колониализм. Их копии распространялись среди африканской молодежи в Португа-

лии и пересылались в Луанду через моряков. Это были: Программа МПЛА, представленная в Тунисе; Декларация правительству Португалии от 13 июня 1960 г., Обращение МПЛА к членам ООН, требующая, чтобы африканские территории, управляемые Португалией, рассматривались как колонии; Устав МПЛА, изданный в Лондоне в апреле 1961 г.; брошюра МПЛА «Рабская эксплуатация – национальное сопротивление».

В этих документах Руководящий комитет МПЛА осуждал жестокую колониальную практику и геноцид в Иколо-и-Бенго, требовал освобождения всех политзаключенных. В Декларации правительству Португалии от 13 июня 1960 г. МПЛА предлагало ему начать процесс самоопределения, ведущий к независимости колоний. Это была последняя попытка МПЛА добиться независимости мирными средствами – путем переговоров. Копии этой Декларации были разосланы всем государствам – членам ООН⁵⁵. Косвенный ответ на это обращение был дан в португальской газете «Диариу да Манья» в статье «Кто они?»⁵⁶ Правительство Салазара категорически отвергло предложение МПЛА. Известно, что именно по этому поводу диктатор произнес оскорбительную фразу: «Я не терял времени на переговоры с обезьянами»⁵⁷. 13 сентября 1960 г. МПЛА направило обращение в ООН, прося включить вопрос о португальских колониях в повестку дня сессии ГА ООН.

Не менее активно, чем МПЛА, действовала и ПАИГК. В декабре 1960 г. и в октябре 1961 г. в обращениях к португальскому правительству, подписанных А. Кабралом, говорилось о «стремлении наших народов к национальной независимости, миру, прогрессу и мирному сотрудничеству со всеми народами, включая народ Португалии». В то же время в этих обращениях содержалось открытое предупреждение режиму Салазара: «Очевидно, если португальское правительство будет настаивать на отказе пересмотреть свою позицию вопреки интересам нашего народа, ничто не сможет помешать нашей партии выполнить свою историче-

скую миссию: развернуть нашу борьбу за национальное освобождение, ответить насилем на насилие португальских колониальных сил и полностью ликвидировать колониальное господство в “португальской” Гвинее и на островах Кабо Верде»⁵⁸. Лиссабонское правительство не удостоило ответом обращения МПЛА и ПАИГК.

В декабре того же года МПЛА объявило о своем решении перейти к «прямому действию», т.е. к вооруженной борьбе против колонизаторов. Но лидеры МПЛА никогда не считали вооруженную борьбу единственно возможным средством для завоевания независимости. Одновременно с вооруженной они развернули борьбу и в дипломатической сфере. Как ПАИГК, так и МПЛА предстояло утвердиться на африканской сцене, и если в случае с ПАИГК эта задача не была трудной из-за отсутствия серьезных оппонентов, то в ангольском случае путь к признанию МПЛА африканскими лидерами оказался нелегким. Дело в том, что в 1958 г. Х. Роберто присутствовал на I Всеафриканской конференции в Аккре. Там после встречи с К. Нкрумой он решил отказаться от племенного национализма баконго и возглавить ангольское освободительное движение⁵⁹. В 1959 г. Х. Роберто посетил США и присутствовал на XIV сессии ГА ООН. Он путешествовал с гвинейским паспортом и работал в миссии Гвинеи в ООН. В этот период он расширил свои американские контакты главным образом через Американский комитет для Африки, возглавлявшийся Дж. Хаузером. Позже на него обратило внимание ЦРУ, которое установило с ним тесные контакты.

После того как в августе 1961 г. премьер-министром Конго-Киншаса стал Сирил Абдула, позиции УПА окрепли⁶⁰. Абдула разрешил Роберто создать в Кинкузу военную базу, где началось обучение армии УПА. В марте 1962 г. УПА объединился с Ангольской демократической партией во Фронт национального освобождения Анголы (ФНЛА). Спустя месяц было создано правительство Анголы в эмиграции (ГРАЕ) во главе с Х. Роберто⁶¹.

В этих условиях достижение МПЛА международного признания было задачей очень трудной. Даже социалистические страны на первых порах не спешили оказывать поддержку МПЛА, несмотря на его марксистскую идеологию и связи с руководством ПКП.

Так, 31 августа 1963 г. посол СССР в Алжире А.Н. Абрамов писал в телеграмме на имя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко: «Возглавляемое Роберто Холденом ангольское “правительство в изгнании” пользуется поддержкой стран — членов Организации африканского единства... В целом же в отношении движения Холдена нам следовало бы исходить из того, что оно пользуется поддержкой большинства африканских стран». В той же телеграмме читаем: «Алжирцы, в частности, мотивировали свое решение (признать ГРАЕ. — А.Х.) тем, что организация Холдена ведет эффективную борьбу за освобождение Анголы, в то время как другие националистические группировки, как, например, МПЛА, занимаются лишь пропагандистской деятельностью за границей»⁶².

Потребовалось бегство А. Нето с семьей из Португалии в июне 1962 г. — операция, организованная и осуществленная ПКП, и последовавшие за этим события, чтобы СССР отказался от выжидательной позиции, которую он до тех пор занимал. До этого времени МПЛА могло рассчитывать только на поддержку КНР, полученную благодаря двум поездкам (в 1958 и 1960 гг.) В. да Круша в Китай.

31 января 1960 г. на конференции в Тунисе под нажимом Ф. Фанона и В. да Круша МАК было заменено Африканским революционным фронтом народов португальских колоний (ФРАИН). Эти две организации существенно отличались друг от друга. МАК представляло собой движение, родившееся в лиссабонском подполье и объединившее молодых студентов и трудящихся. Они пытались убедить своих коллег в Доме студентов империи и Африканском морском клубе в необходимости перейти к действиям в антиколониальной борьбе вне традиционной ан-

тифашистской португальской оппозиции, в рамках которой они действовали несколько лет. В отличие от МАК, ФРАИН представлял собой уже не юношескую ассоциацию, а фронт националистических движений. Первыми движениями, которые в него вошли, были МПЛА и ПАИГК.

В течение полутора лет, до создания в апреле 1961 г. Конференции националистических организаций португальских колоний (КОНКП), ФРАИН был организацией, координировавшей деятельность двух марксистских националистических движений — ПАИГК и МПЛА. Штаб-квартира ФРАИН находилась в Конакри. ФРАИН вел активную работу по разоблачению португальского колониализма, утверждению себя на африканской сцене, налаживанию союза с прогрессивными европейскими организациями и с социалистическими странами.

Наиболее значительными акциями ФРАИН были поездка его делегации в составе В. да Круша и Э. душ Сантуша от МПЛА и А. Кабрала от ПАИГК в КНР в июле 1960 г. и пресс-конференция А. Кабрала в Палате общин в Лондоне в марте 1960 г.⁶³

Поездка в Китай была очень важной для ФРАИН, так как он получил первую финансовую и военную помощь от социалистической страны. С этого времени Китай оказывал растущее влияние на ангольское марксистское движение. Именно эта поддержка позволила МПЛА развернуть интенсивную дипломатическую активность и начать организовывать свое обустройство в Конго-Киншаса.

3 марта 1960 г. А. Кабрал прибыл в Лондон как член Руководящего комитета ФРАИН и устроил там пресс-конференцию, в ходе которой осудил португальский колониализм. В Лондоне он установил контакты с членами Лейбористской партии и с антиколониалистскими организациями⁶⁴.

В декабре 1960 г. Лондон посетила новая делегация ФРАИН⁶⁵. Она состояла из М. де Андради, В. да Круша, А. Боавида от МПЛА, А. Перейры — от ПАИГК и Матеуса Майолу — от Мозамбика. Благодаря поддержке Движения за свободу колоний, Ко-

митета африканских организаций, Лейбористской партии и писателя Б. Дэвидсона 6 декабря 1960 г. в Палате общин была проведена важная пресс-конференция. На ней присутствовал также представитель националистов Гоа Ж.К. Кабрал. Эти руководители осуждали португальский колониализм, полицейские репрессии, приготовления Португалии к развязыванию колониальной войны и требовали от португальского правительства признания принципа самоопределения и проведения переговоров, которые бы открыли путь к независимости колоний. Эта пресс-конференция в Лондоне имела большой резонанс в западных и африканских столицах, в Португалии и в международном общественном мнении, разоблачила военные планы и полицейские репрессии правительства Салазара и утвердила МПЛА и ПАИГК как ведущие антипортугальские движения в колониях.

После начала освободительной борьбы в Анголе (февраль 1961 г.) и жесткой реакции колонов (белых поселенцев) и португальских войск руководители националистов осознали необходимость большей координации своих усилий. В Конакри родилась идея создания организации, которая заменила бы ФРАИН – с более широкими целями и с более эффективным механизмом и методами борьбы. Эта идея была реализована в апреле 1961 г. в Касабланке на Конференции националистических организаций португальских колоний, в которой участвовали 14 делегатов, представлявших 11 националистических движений (МПЛА, ПАИГК, УДЕНАМО, Политический Конвент Гоа и Мигел Тровоада – представитель Сан-Томе и Принсипи). УПА отказалась от приглашения и не участвовала в этой конференции. На конференции была создана организация, ставшая преемницей ФРАИН – Конференция националистических организаций португальских колоний (КОНКП).

Президентом КОНКП был избран М. де Андради, генеральным секретарем, руководившим Постоянным секретариатом, стал М. душ Сантуш. Местопребыванием Постоянного секретариата был выбран Рабат (Ма-

рокко). После этой конференции в Касабланке и учреждения штаб-квартиры КОНКП в Рабате Марокко стало страной, оказавшей наибольшую поддержку националистам португальских колоний. Особенно значительная заслуга в этом принадлежит большому другу этих националистов марокканскому врачу и министру по африканским вопросам доктору Хатибу Абдель-Криму.

Цели КОНКП принципиально не отличались от целей МАК и ФРАИН. Эти различные организации соответствовали последовательным этапам антиколониальной борьбы. КОНКП по сравнению с предыдущими организациями располагала более значительными финансовыми средствами, каналами распространения информации, а также военно-тренировочными лагерями на территории Марокко и Алжира (ФНО). Именно в марокканском военном лагере Кашатадла в июне 1962 г. Африкану Нето начал тренировать первую группу юных ангольских бойцов МПЛА (группа Энда)⁶⁶. Акино де Браганса, ближайший сотрудник М. душ Сантуша, перевозил на своей машине в порт Касабланка оружие и боеприпасы для ПАИГК.

Важная особенность КОНКП состояла также в том, что она ярко продемонстрировала высокую степень дружбы и солидарности между националистическими руководителями, выкованную в общей антифашистской борьбе еще в 1950-х годах в Лиссабоне. Первыми акциями КОНКП были участие в подготовке первого конгресса студентов из португальских колоний (УГЕАН) в Рабате в сентябре 1961 г.⁶⁷, получение стипендий для студентов в социалистических странах, а также материальная поддержка ангольских врачей, поехавших учиться в Киншасу.

КОНКП явилась высшим этапом объединительного движения националистов португальских колоний, начатого еще в Доме студентов империи (ДСИ) и Африканском морском клубе в 1950-е годы, а потом в подполье в МАК. Этот дух единства пронизывал всю политическую практику националистов, и он подпитывался дружбой и взаимным доверием, общностью целей и идеоло-

гии. Именно от КОНКП, и особенно от своих друзей М. душ Сантуша и А. Кабрала, А. Нето получал наибольшую моральную поддержку в годы тюремного заключения.

История создания КОНКП – это необычный и тернистый путь националистов «поколения Кабрала», «стариков», которые начали свою борьбу в конце 1940-х – начале 1950-х годов и оказали решающее влияние на молодежь следующего поколения, на «новую волну» в ДСИ, Африканском морском клубе в Лиссабоне и на молодых ангольских студентов за границей.

С 1 по 3 декабря 1962 г. в Киншасе (Леопольдвиле) состоялась I Национальная конференция МПЛА, на которой развернулась острая борьба между сторонниками А. Нето и В. да Круша. В литературе прочно утвердилась точка зрения, что в основе этой борьбы лежали политические разногласия. Однако документы убеждают в том, что главным был вопрос о том, кто возглавит МПЛА – А. Нето или В. да Круш?

В качестве доказательства приведу обнаруженный в АВПРФ ценный документ – составленную третьим секретарем посольства СССР в Республике Конго О.Н. Нажёсткиным справку от 14 февраля 1963 г. В ней, в частности, говорится: «В процессе подготовки конференции среди руководителей НДОА (МПЛА. – *А.Х.*) появились разногласия. Вириато да Круз обвинил Нето, де Андраде и дос Сантоса в узурпации власти, в мелкобуржуазном уклоне и попытках ликвидировать прежние революционные завоевания НДОА. Да Круз направил в Руководящий комитет НДОА несколько писем, в которых подверг Нето и да Сантоса резкой критике, назвал их агентами американского и португальского империализма.

Говоря об этих разногласиях, Нето в беседах с нами подчеркивал, что в основе их лежат не политические, а личные мотивы. Обладая сильным волевым характером и явной склонностью к диктатуре, да Круз привык единолично командовать в НДОА. Перемены в сторону усиления авторитета Нето и демократизации руководства ему не нра-

вляться. Политические обвинения да Круз выдвинул исключительно в поддержку своих личных притязаний на руководящую роль в НДОА»⁶⁸.

На конференции В. да Круш был снят с поста генсека МПЛА за систематические нарушения устава и злоупотребления служебным положением, что привело к ослаблению внутренней безопасности и дисциплины в организации. В. да Круша и его сторонников исключили из МПЛА. Президентом МПЛА был избран А. Нето.

Вскоре после конференции руководство МПЛА приняло решение передислоцировать штаб и военные базы в Браззавиль⁶⁹. Это дало возможность перегруппировать силы, реорганизовать МПЛА и начать новый этап борьбы с португальскими колонизаторами.

Примечания

¹ ANgop (Luanda), 11.I.1991.

² AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Liga Nacional Africana, 2668/54. Doc. 495.

³ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. UPA 2126/59 SR. Doc. 608.

⁴ Ibid. Proc. Ilidio Machado. Cervicos Centrais, 346/59. Doc. inv.

⁵ Henderson L.W. Angola: Five Centuries of Conflict. Ithaca – London, 1979. P. 164.

⁶ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. 346/59.

⁷ Gibson R. African Liberation Movements. London, 1972. P. 208.

⁸ Цит. по: Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. М., 1986. С. 93.

⁹ Freitas A.J. de. Angola. O longo camonho da liberdade. Lisboa, 1975. P. 102.

¹⁰ Ottaway D., Ottaway M. Afrocommunism. New York – London, 1981. P. 100.

¹¹ Хазанов А.М. Агостиньо Нето. М., 1985. С. 36.

¹² Lara L. Main Phases in the Development of MPLA // The African Communist, 1978, № 75. P. 53.

¹³ Pacheco C. MPLA, Um nascimento polemic. Lisboa, 1997. P. 57.

¹⁴ Из беседы автора с А. Сансан Мутемба 26 марта 1990 г.

¹⁵ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Viriato da Cruz; 1153/51.

¹⁶ Lara L. Um amplo movimento. V. I. P. 30.

¹⁷ Rocha E. Angola. Contribuição... P. 121.

¹⁸ TT – PIDE – Dgs. – Proc. Viriato da Cruz. 1153/51.

¹⁹ Хазанов А.М. Агостиньо Нето. С. 48.

²⁰ Rocha E. Angola. Contribuição... P. 122.

²¹ Sousa A.F. de. Angola. O apertado caminho da dignidade. Lisboa, 1998.

²² AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Ilidio Machando. 346/59. Doc. Inv. Fls. 53.

²³ Ibid., Proc. AMC/Liga Nacional Africana 2668/54. Doc. 634.

²⁴ Rocha E. ACEI nos anos de fogo. P. 125.

²⁵ Preto-Rodas R.A. Negritude as a Theme in the Poetry of the Portuguese Speaking World. London, 1970. P. 70.

²⁶ «Здесь и трава рождается красной». Стихи поэтов Анголы, Мозамбика, Островов Зеленого Мыса и Сан-Томе. М., 1967. С. 45.

²⁷ Andrade M.P. de. Uma entrevista dada a Michel Laban. Lisboa, 1997. P. 141.

²⁸ Rocha E. Angola. Contribuição... P. 136.

²⁹ Pacheco C. MPLA, Um nascimento polemico. P. 112.

³⁰ Lara L. Um amplo movimento. V. 1. P. 72.

³¹ Pacheco C. Op. cit. P. 112.

³² Resolução de II Conferencia dos Povos Africanos. Tunis, 30.I.1960.

³³ Lara L. Um amplo movimento. V. 1. P. 46.

³⁴ Ibid. P. 68, 98.

³⁵ В дальнейшем Роберто, опиравшийся на народность баконго, к которой принадлежал, сыграл отрицательную роль в истории Анголы. Он расколол освободительное движение и нанес ему непоправимый вред.

³⁶ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. UPA (FRAIN), 1112A, cx. 3.

³⁷ The Memoirs of General Delgado. London, 1964. P. 92.

³⁸ Rocha E. Angola. Contribuição... P. 148.

³⁹ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Antonio Agostinho Neto. 887/60, 1° vol.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ AN/TT – PIDE – Dgs., – Proc. Antonio Agostinho Neto e Joaquim Pinto de Andrade 887/60, copia 1° vol.

⁴² См.: Партии и революционный процесс в странах Азии и Африки. М., 1983. С. 64; История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М., 1978. С. 435.

⁴³ Henderson L.W. Op. cit. P. 168.

⁴⁴ Хазанов А.М. Агостиньо Нето. С. 60.

⁴⁵ Horta Carlos J. Depoimento. Luanda, 1997.

⁴⁶ Andrade M.P. de. Uma entrevista dada a Michel Laban. P. 145.

⁴⁷ Rocha E. Angola. Contribuição... P. 194.

⁴⁸ Lara L. Um amplo movimento. V. 1. P. 364.

⁴⁹ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. MPLA 1115A. Doc. 810.

⁵⁰ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. A. Neto, 887/60, 1° vol., fl. 55, 75.

⁵¹ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. MPLA 1115A. Doc. 792.

⁵² Ibid. Doc. 815.

⁵³ Rocha E. A Casa dos Estudantes do Imperio nos anos de fogo. – Mensagem. Numero Especial do cinquentenario. Lisboa, 1997. P. 125.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. С. 96.

⁵⁶ Diario da manha (Lisboa), 2.IX.1960.

⁵⁷ Freitas A.J. de. Angola. O longo caminho de liberdade. P. 137.

⁵⁸ Fisas A.V. Amilcar Cabral y la independencia de Guinea-Bissau. Barcelona, 1974. P. 26.

⁵⁹ Gibson R. African Liberation Movements. P. 226.

⁶⁰ Marcum J. The Angolan Revolution. V. II. London, 1968. P. 97.

⁶¹ Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. С. 109.

⁶² Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0658. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 88–89.

⁶³ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Viriatio da Cruz. 1153/51.

⁶⁴ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. MPLA, 1115A. Doc. 834.

⁶⁵ Ibid. Doc. 689, 714.

⁶⁶ Junior Paulo M. Lembrança da Vida. Luanda, 1998. P. 54–59.

⁶⁷ Rocha E. A casa dos Estudantes. P. 109.

⁶⁸ АВПРФ. Ф. 0658. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 174–179.

⁶⁹ Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. С. 117.

Г.В. Длужневская

ФОНДЫ ФОТОАРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН*

Специализированного фотоархива в Императорской Археологической комиссии (ИАК) не существовало. Однако еще в 1886 г. известный русский фотограф И.Ф. Баршевский отослал в Министерство Императорского Двора фотографии часовни близ Переславля-Залесского, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и собора Спаса Преображения в Псковском Мирожском монастыре, обращая внимание властей империи на бедственное состояние этих памятников. Снимки были переданы в ИАК, которая просила фотографа прислать ей дополнительно имеющиеся у него изображения древних памятников. В результате в начале 1887 г. в Санкт-Петербурге было получено 1307 отпечатков – снимки памятников зодчества и предметов старины центральных районов России, в меньшей степени Крыма и Кавказа, сделанные до середины 1880-х годов, которые затем хранились в библиотеке ИАК.

В октябре 1918 г. Археологическая комиссия, образованная в 1859 г., была реорганизована в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК). В ноябре 1918 г. в РГАК были выделены библиотека с рядом отделов, в том числе Отделом фотографических отпечатков и негативов, и особая фотографическая техническая часть. Помощником библиотекаря по архиву был назначен А.С. Раевский (в 1903–1910 гг. служивший делопроизводителем ИАК), а помощником фотографа – И.Ф. Чистяков. Хранение и научно-техническая обработка негативов были организованы уже в ноябре 1918 г., когда И.Ф. Чистяков передал в архив РГАК негативы, сделанные им в 1870–1917 гг.

-----
* Ныне – фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН.

2 ноября 1919 г. Ученый секретарь Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) И.А. Орбели доложил постановление Правления о поручении Н.П. Сычеву организовать Особый фотографический архив и выработать положение о таковом. Было решено организовать фотографический архив как самостоятельное учреждение при фотографической части и внести соответствующие дополнения в Устав Академии.

Самостоятельным отделом в числе вспомогательных подразделений Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) фотоархив стал в начале 1930-х годов¹. В июле 1937 г. ГАИМК преобразована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) в Ленинграде с отделением в Москве. 5 октября того же года Президиум АН СССР утвердил структуру Института, вошедшего в состав Отделения истории и философии АН СССР.

Осенью 1941 г., с целью концентрации усилий для обеспечения сохранности документов, остававшихся в блокадном городе, рукописный архив и фотоархив были объединены в единый архив ИИМК². Но в 1944 г. они снова стали самостоятельными научно-вспомогательными подразделениями.

В 1943 г. из блокадного Ленинграда дирекция ИИМК была переведена в Москву. 9 февраля 1945 г. это положение было утверждено на Президиуме АН СССР – учреждение становится Ленинградским отделением ИИМК АН СССР. Очередное переименование происходит в 1959 г. Институт стал именоваться Институтом археологии, а ленинградская часть – Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР). В июне 1991 г. Ленинградское отделение Института обретает са-

мостоятельность с возвращением ему исторического имени – Институт истории материальной культуры РАН.

В 2004 г. было принято решение объединить рукописный архив и фотоархив в единое структурное подразделение – Научный архив ИИМК РАН с двумя отделами: рукописным и фотоотделом.

В настоящее время в фотоархиве более 900 тысяч единиц хранения (примерно равное количество негативов и фотографий, по 450000 единиц, и 8 кинофильмов). В России и в Европе в целом это одно из крупнейших хранилищ, в котором находятся фотографии 1850-х – 2011 гг.

Во второй половине XX в. основным профилем фотоархива являлась археология: фиксация процесса полевых исследований, пересъемка графической документации, снимки находок из раскопанных памятников, а также собранных в музеях страны, иллюстрации к археологическим изданиям. Однако тематика архива значительно шире. Это археология бывшего СССР и ряда зарубежных стран (Монголии, Чехии, Словакии, Румынии, Китая, Вьетнама, Индии, Египта, Франции, Германии, Венгрии) – памятники от эпохи палеолита до XVIII–XIX вв.; антропология, этнография; гражданская, крепостная и церковная архитектура XIII–XX вв., живопись и скульптура эпохи Возрождения и более позднего времени; прикладное искусство, эпиграфика, сфрагистика, палеография, геральдика и некоторые другие отрасли человеческих знаний.

В фондах археологических учреждений – Императорской Археологической комиссии (ИАК); Российской – Государственной Академии истории материальной культуры (РАИМК–ГАИМК), Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН СССР), Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР), Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН) – отражены полевые и кабинетные исследования членов комиссий, сотрудников академий и институтов. Имеется множество материалов по древнерусской

архитектуре и реставрации памятников, монументальной, станковой и церковной живописи, а также материалы по этнографии народов Поволжья, Крыма, Средней Азии, Дальнего Востока.

В фондах Русского археологического общества (РАО) и Археологического института в Петербурге-Петрограде сконцентрированы материалы по полевым работам 1893–1914 гг. В.В. Хвойко, Н.Е. Макаренко, Н.К. Рериха и других известных российских ученых. Имеются материалы по прикладному искусству и древней монументальной архитектуре Армении и Грузии; по византийской миниатюре, в том числе снимки с оригинала Менелогия Василия II (XI в.), хранящегося в библиотеке Ватикана. Среди материалов РАО снимки к археологическому и этнографическому разделам «Туркестанского альбома», составленного под руководством ориенталиста А.Л. Куна (1871–1872 гг.), состоявшего в начале 1870-х годов чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Туркестана К.П. фон Кауфмане.

При реорганизации ряда ленинградских учреждений в середине 1920–1930-х годов в фотоархив как единственное в то время специализированное хранилище фотодокументов поступили собрания Государственного музейного фонда, Реставрационной мастерской Главнауки, Отдела охраны памятников Комитета по делам искусств и Комитета популяризации художественных изданий, а также Дворца-музея дворянского быта (Дворца-музея графов Шуваловых) и библиотек Зимнего и Мраморного дворцов, то есть Собственной библиотеки императора Николая II и библиотеки великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича. Названные фонды включают ценнейшие материалы по архитектуре «старой» и «новой» столиц России – Москвы и Санкт-Петербурга, их пригородов и иных городов и областей Евразии, по выставкам Исторических портретов в Таврическом дворце (1905 г.) и Архитектурной в Царском Селе (1911 г.). К данным коллекциям относятся фотоматериалы, начиная с

1850-х годов, большие серии крупноформатных отпечатков 1860–1890-х годов.

Фонды личного происхождения поступают в архив с 1919 г. и содержат материалы 1861–1990-х годов. Среди них представлены работы знаменитых русских и западноевропейских мастеров фотоискусства К.К. Буллы, И.Ф. Барщевского, Н.Г. Матвеева, Алинари, Броджи, Бонфиса, Ренара, Ордэ, Гундермана, Надара, Себа и Жоайе и других.

Неповторимые материалы собраны в фондах археологов Н.И. Репникова, А.А. Бобринского, А.А. Спицына, археолога-ориенталиста Н.Я. Марра, археологов-искусствоведов Я.И. Смирнова и Б.В. Фармаковского, ориенталиста А.Л. Куна, фотографов Н.Г. Матвеева, В.М. Машечкина, И.Ф. Чистякова, византиниста Л.А. Мацулевича, архитекторов М.Т. Преображенского, В.В. Сулова, Н.В. Султанова, К.К. Романова и других, а также искусствоведа, директора Русского музея в 1921–1926 годах Н.П. Сычева и владельца ювелирного торгового дома в Петербурге в конце XIX – начале XX в. К.Г. Фаберже. В их составе не только материалы по археологии, снимки древностей из музеев Сибири, Крыма, Грузии, Украины, восточного серебра из собраний Эрмитажа и Британского музея, египетских и византийских тканей из музеев Вены и Лондона, но и представительные собрания по западноевропейской архитектуре, памятникам Азии и Африки.

Архитектура Германии представлена крупноформатными фотографиями западноевропейских мастеров 1860–1870-х годов (250 ед.). Интересна коллекция фотографий по Франции, в том числе снимки Парижа 1870-х годов, Пале Ройяль и Дома Инвалидов 1890-х годов, Русских отделов на Всемирных Парижских выставках 1900 и 1937 года (более 650 ед.).

Сохранилась серия оригинальных фотографий Алинари, Броджи, Андерсена и других с видами и архитектурными памятниками 63 городов Италии; кроме того, материалы по интерьерам, прикладному искусству эпохи Возрождения (4500 ед.).

Материалы по 17 городам Испании отложились в фонде архитектора М.Т. Преображенского и собрания великого князя Константина Константиновича (1890-е годы); сохранился также «домашний» альбом путешествия в Испанию членов императорской семьи (более 200 фотографий).

Имеются фотографии по Австрии и Швейцарии (196 ед.), в том числе виды долины р. Роны и Швейцарских Альп с «Чертовым мостом» и памятником А.В. Суворову и его солдатам (снимки из коллекции великого князя Константина Константиновича, 1890-е годы).

Из Стокгольма в 1880-х годах в коллекцию библиотеки Мраморного дворца поступили «Альбом снимков с картин работы короля Карла XV», снимки памятников Карлу XII, Карлу XIII и Густаву II Адольфу, а также видов города (73 ед.). Небольшое количество снимков отражает архитектуру Дании, Бельгии и Финляндии (около 100 ед.).

К 1890-м годам относится серия фотографий Будапешта: виды Дворца юстиции, знаменитой будапештской Оперы, Министерства просвещения с памятником на площади перед ним, панорама Пешта с Цепным мостом (1897 г., фотограф Штенгель из Дрездена) и еще нескольких выдающихся зданий города, снимки которых выполнены будапештскими фотографами Кальдерони и Тарга.

Множество материалов по Турции (1855 ед.), как по архитектуре, так и по этнографии многонационального государства, каким являлась Османская империя вплоть до 1920-х годов. В фотоархиве отложилось более 100 фотографий историко-культурных памятников Константинополя, зафиксировавших город начиная с середины XIX в. Круговая панорама Стамбула (10 снимков) и панорама Босфора (6 снимков) выполнены в 1870-х годах фотографами Себа и Жоайе. Коллекция материалов включает снимки общих видов и интерьеров памятников архитектуры, расположенных в разных районах собственно Турции и на территории стран, которые ранее входили в состав Османской империи; снимки этнологического характе-

ра (жители в национальных одеждах, за традиционными занятиями); фотографии экспонатов музеев.

550 снимков привезены русским ученым, академиком Н.П. Кондаковым из поездки на рубеже XIX–XX вв. в Македонию. Фотографии выполнены спутниками Н.П. Кондакова приват-доцентом П.Н. Милуковым, архитектором П.П. Покрышкиным и художником-фотографом Д.А. Крайневым. По прибытии в Стамбул Д.А. Крайнев сфотографировал приморские стены города, бухту Золотой Рог, мечеть Фетхиеджами. В Салониках были весьма подробно сняты гавань, набережные, улицы, предместья города, а также общие виды и интерьеры храмовых комплексов.

Греция представлена снимками общих видов и отдельных архитектурных памятников Афин и других городов (более 500 ед.), выполненными К. Окуновым во время его поездки в конце XIX в. и сохранившимися в библиотеке Мраморного дворца; снимками скульптуры и других материалов Национального музея Афин. Уникальны 42 отпечатка, сделанные монахами Афонского монастыря в 1867–1872 годах и преподнесенные в виде дарственного альбома великому князю Константину Константиновичу во время посещения им монастырей на горе Афон в 1881 г., представляющие виды монастырей и предметы церковной утвари. В 1898 г. поездку на Афон возглавил академик Н.П. Кондаков, во время которой известный русский фотограф И.Ф. Барщевский сделал 222 снимка (монастыри Пантелеймона, Ватопеда и др.).

Материалы по Индии и Бирме привез из поездки в Азию сын К.Г. Фаберже, посланный туда отцом с целью изучения искусства Индии. Великолепны снимки архитектурных памятников Дели, трупосжигалища на берегу Ганга, джайнских и буддийских храмов, пагод.

Во время русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 годах небольшой отряд под руководством полковника Генштаба Ю.А. Сосновского прошел от Кяхты через г. Маймачен, пустыню Гоби, Калганские во-

рота в Великой Китайской стене и возвращался Великим Шелковым путем. Фотограф экспедиции А.Н.Э. Боярский сделал более 160 снимков, зафиксировав ряд памятников Пекина, Шанхая, а также небольшие города и селения по пути следования отряда. Кроме того, он уделил большое внимание быту населения, традиционным занятиям и производствам Китая. Производство чая, китайский театр, армия, военачальники и чиновники, курильщики опиума и многое другое составили сюжеты съемки.

Материалы владивостокского фотографа В.В. Ланина, совершившего в 1875–1876 гг. путешествие от Охотского моря до Иркутска, как бы дополняют фотодокументацию русской учено-торговой экспедиции. Обе экспедиции совершены в одни и те же годы, и один, и другой фотографы побывали в Кяхте и Маймачене, затем первая экспедиция отправилась на юго-восток, а В.В. Ланин – на восток. Целью экспедиции Ю.А. Сосновского был поиск наиболее быстрого и удобного пути для торговли России с Китаем. В.В. Ланин зафиксировал сибирские ландшафты и быт малых народов, населявших бассейн реки Амур, территорию, присоединенную к России в 1858 г.

Несомненно, интересны высокохудожественные снимки Иерусалима, выполненные в 1890-х годах представителями Американской военной миссии и помещенные в альбоме с обложкой из сандалового дерева.

И, наконец, сотни и тысячи фотографий многогранно отражают культуру России в самом широком понимании этого слова: архитектура Европейской и Азиатской частей страны, как гражданская, так и культовая; копии фресок церквей Новгорода, Ипатьевского монастыря в Костроме, собора Василия Блаженного (Покровского) в Москве и других больших и малых храмов России; снимки предметов церковно-художественного ремесла из Сольвычегодска, Вологды, Устюга. Поистине фотоархив обладает лучшим в России собранием фотографий по церковному зодчеству и декоративно-прикладному искусству (не менее 400 тысяч единиц).

В последние годы в фотоархив поступили переданные приемным сыном художника И.Я. Билибина – М.Н. Потоцким негативы и отпечатки, касающиеся поездок художника по северо-западу России, в Иерусалим, Сирию, Палестину и Египет. Фонд военного историка Т.И. Воробьева включает 24 папки с паспортами памятников Гражданской и Отечественной войны и открытки 1930–1960-х годов. Открытки, как ценнейший историко-культурный источник, приняты на хранение в архив и в ряде других фондов. В фонде художника-фотографа М.А. Мицкевича фотографии Ленинграда и его пригородов, в том числе блокадного города во время войны 1941–1945 гг. Последний из образованных – фонд «нового поколения», в котором 10 CD, включающих портреты и снимки интерьеров мастерских 120 петербургских художников (составитель историк искусства Т.В. Субботина).

Фонды фотоархива

Фонд 1. Императорская археологическая комиссия (1859–1917) (ИАК), Российская археологическая комиссия (1918–1919) (РАК).

В настоящее время насчитывает негативов – 31102, отпечатков – 44773. Съемка: 1870–1917 гг.

Снимки представляют полевые работы членов археологических комиссий и местных археологов-любителей и краеведов, находки из раскопок, случайные находки; процесс реставрации памятников архитектуры на территории бывшей Российской империи, монументальной и станковой живописи; иллюстративный материал к археологическим изданиям. Большая часть снимков древностей произведена в 1896–1917 гг. фотографом И.Ф. Чистяковым в специально организованной фотолаборатории. Снимки 1891–1895 гг. выполнены фотографом М.Е. Романовичем, художником С.М. Дудиным и членом Археологической комиссии В.Г. Дружининым.

Полевые археологические работы проводились в северных и западных районах России, в центральных и южных, в Крыму,

на Украине, Северном Кавказе, в Закавказье. Работы в Средней Азии ограничены небольшим количеством снимков раскопок В.В. Бартольда на Афрасиабе (1904 г.) и находок из раскопок А.А. Козырева и Н.П. Петровского в урочище Кара-Агач Акмолинской области (1901–1905 гг.). В Сибири проводились работы в Красноярской и Томской губерниях, Якутии и Урянхайском крае (снимки из поездки С.Р. Минцлова в 1914 г. и раскопок А.В. Адрианова 1915–1916 гг.).

Более многочисленный материал представляют снимки реставрационных работ, проводившихся под наблюдением Археологической комиссии:

1) в северных и западных районах – в Новгороде, Пскове и Смоленске – обследование кремлевских стен П.П. Покрышкиным в 1903–1904, 1908–1910, 1912–1915 гг.

2) в центральных районах, в том числе обследование К.К. Романовым Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1909–1910 гг. (1005 ед.), Д.В. Милеевым – Ипатьевского монастыря в Костроме в 1910–1912 гг. (1897 ед.); П.П. Покрышкиным – стен и башен московского Кремля в 1911 г.;

3) в восточных районах – ремонтно-реставрационные работы в Казанском кремле и соборах Свияжска (70 ед.);

4) в южных районах (Орловская, Курская, Воронежская, Астраханская губернии); в Донской области – работы в Старочеркасском соборе и в Кубанской – в Сентинском монастыре;

5) в Крыму – обследование С.С. Некрасовым Бахчисарайского дворца в 1913–1915 гг. (209 ед.); материалы по генуэзским памятникам Феодосии, церковному зодчеству в Керчи и ханской мечети в Евпатории (114 ед.);

6) на Украине (Волынская, Полтавская, Киевская, Харьковская, Черниговская и Бессарабская губернии) – исследование П.П. Покрышкиным Васильевского храма в Овруче в 1907–1908 гг. (137 ед.) и церкви Спас на Берестове в 1909–1912, 1914 г. (501 ед.); обследование крепости Хотин на Днестре.

Работы, связанные с охраной памятников, в Средней Азии представлены сериями снимков из поездки Н.И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. (мечети и мавзолеи, 315 ед.), В.А. Жуковского – в Туркмению в 1896 г. (Анау, Меана, Мерв, 18 ед.) и художника Л.Е. Дмитриева – в 1890-х годах в Самарканд и Мерв.

В Сибири производились работы по сохранению Якутского деревянного острога, башен в Илимске и ряда храмов в Тобольске и Тюмени.

Серия снимков заграничных поездок П.П. Покрышкина: в Буковину (Румыния) в 1916–1917 гг. – архитектурные памятники Сучавы, Драгомирны, Гуморы, Радовичи, Воронца и др. (319 ед.), и в Польшу – обследование в 1909 г. старинных башен в окрестностях Холма и археологические исследования 1910 и 1912 г. на соборной горе в Холме (32 ед.); расчистка стенописи костела в Люблине в 1903 г. (32 ед.) и реставрационные работы 1907–1909 гг. в Благовещенской церкви Супрасля и в Черском замке.

Основу фотографической части фонда ИАК составляют альбомы П.П. Покрышкина, содержащие снимки, сделанные им в 1907–1917 гг. во время поездок по поручению комиссии в связи с реставрационными работами в разных областях России, и других исследователей, художников, мастеров фотодела. Имеется значительный материал по северному деревянному зодчеству: фотографии художников И.Я. Билибина (1904–1905 гг.), В.А. Плотникова (1907–1909 гг.) и архитектора Д.В. Милеева (1907 г.). Снимки памятников центральных районов, в меньшей степени Крыма и Кавказа, сделаны известным русским фотографом И.Ф. Барщевским (1880–1890-е гг.). Памятники центральных районов зафиксированы фотографом В.М. Машуковым (1890–1903 гг.). Архитектура Грузии и Армении представлена сериями снимков фотографов Д.И. Ермакова, М. Папазяна, О.А. Кюркчянца. Средняя Азия зафиксирована в снимках В.А. Жуковского (1890, 1896 г., Мерв, Анау), С.М. Дудина (1905 г., детальная съемка орнамента-

ции мавзолеев Шах-и Зинда в Самарканде), а также ряда других фотографов конца XIX – начала XX в.: Г.А. Пакратьева, А.М. Мишона, В.Ф. Козловского, А.Г. Полякова, Д.И. Ермакова, инженера Н.П. Петровского, сына знаменитого парижского фотографа П. Надара. Возможно, стеклянные негативы материалов фотографов конца XIX в. сохранились в Самаркандском музее.

Зарубежный материал представлен фотографиями, привезенными из путешествий академиком Н.П. Кондаковым на Афон (1898 г.) и в Македонию (1900 г.), архитектором П.П. Покрышкиным – в Месемврию (1900 г.) и Сербию (1902 г.). Небольшая коллекция фотографий известных западноевропейских фотографов памятников античной Греции и Италии, по искусству Италии эпохи Возрождения; значительная серия снимков равеннской мозаики фотографа Риччи. Интересный материал поступил в фонд ИАК по Монголии, Китаю и Восточному Туркестану от русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. под руководством Ю.А. Сосновского (фотограф А.Н.Э. Боярский, 160 ед.).

Литература по фонду ИАК:

Белова Н.А., Длужневская Г.В., Мусин А.Е. История формирования архива Императорской Археологической комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.). К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2009. С. 5–11.

Девель Т.М. Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР // Советская археология. Т. XII. 1950. С. 289–336.

Длужневская Г.В., Мусин А.Е., Овчинникова Б.Б. Урал в исследованиях Императорской Археологической комиссии: история и лица // Наука. Общество. Человечество.

- век. Вестник Уральского отделения РАН. 2010/1 (31). Екатеринбург: Изд. дом «Автограф», 2010. С. 85–99.
- Длужневская Г.В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011. 296 с.
- Длужневская Г.В.* Археологические исследования Императорской Археологической комиссии в Южной Сибири (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Владимировича Киселева. Минусинск, 20–26 июня 2005 г. Красноярск, 2005. С. 238–240.
- Длужневская Г.В.* Архив Императорской Археологической комиссии. Фотодокументы по Сибири // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Часть 2. – Екатеринбург, 2009. С. 449–466.
- Длужневская Г.В.* Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917): фотоматериалы Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Российская археология. М., 2008. № 3. С. 157–164.
- Длужневская Г.В.* Императорская Археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917 гг.) // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 1. СПб.: Изд. Дмитрий Буланов, 2006. С. 112–118.
- Длужневская Г.В.* Императорская Археологическая комиссия на службе российской истории и культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. Декабрь 2006. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 270–283.
- Длужневская Г.В.* Научный архив // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 1. СПб.: Изд. Дмитрий Буланов, 2006. С. 166–169.
- Длужневская Г.В.* Фотографы Императорской Археологической комиссии // Археологические вести. № 14. М.: Наука, 2007. С. 245–258.
- Длужневская Г.В., Калинин В.А., Субботин А.В.* Кремль России XV–XVII веков. СПб.: «Литера», 2005. 336 с.
- Доманская Э.С., Пескарева К.М.* Ленинградское отделение Института археологии АН СССР // Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979. С. 28–44.
- Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.). К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Изд. Дмитрий Буланов, 2009. Глава I. С. 21–247. *Медведева М.В., Мусин А.Е., Всевиов Л.М., Тихонов И.Л.*; Глава VII. С. 594–636. *Длужневская Г.В., Лазаревская Н.А.*; Глава X. С. 783–812. *Длужневская Г.В., Кирчо Л.Б.*; Глава XI. С. 813–908. *Длужневская Г.В., Медведева М.В., Платонова Н.И., Мусин А.Е.*; Глава XIII. С. 938–1064. *Медведева М.В., Мусин А.Е.*
- Медведева М.В.* Археологическое изучение средневековых памятников на Северо-Западе России в исследованиях Императорской Археологической Комиссии // Вестник молодых ученых. Сер. «Исторические науки». СПб., 2006. № 1. С. 180–190.
- Медведева М.В.* Из истории «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» // Археологические вести. № 14. М.: Наука, 2007. С. 259–267.
- Медведева М.В.* Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической комиссии. Автореферат дис. кандидата исторических наук. СПб., 2007.

Медведева М.В. Императорская Археологическая комиссия и изучение средневековых древностей Северо-Запада России (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // Российская археология. М., 2007. № 3. С. 157–170.

Фонд 2. Русское археологическое общество в Петербурге (1846–1925) (РАО).

Дата поступления – 1925 г. Негативов – 388, отпечатков – 668. Съёмка: 1871–1908 гг.

Снимки И.Ф. Чистякова 1900–1908 гг., использованные в изданиях Общества: вещевой материал из раскопок Н.К. Рериха в 1902 г.; В.В. Хвойко – в 1893–1899 гг.; П.А. Путятин – в 1880-х годах; В.И. Каменского в 1901–1902 годах; Н.И. Репникова в Партените и др.; случайные находки и клады. Снимки, связанные с исследованием росписи Георгиевской церкви в Старой Ладоге (кальки В.В. Суслова). Серия снимков фотографа Д.И. Ермакова: памятники архитектуры и прикладного искусства Грузии и Армении, древности из собрания Кавказского музея. Снимки, представляющие иллюстрации археологического и этнографического разделов «Туркестанского альбома» А.Л. Куна, сделанные в 1871–1872 гг. фотографом Н.Н. Нехорошевым.

Литература по фонду РАО:

Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «Лики России», 2006. 304 с.

Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук). Автореферат дисс. доктора исторических наук. СПб., 2008. 47 с.

Длужневская Г.В., Кирчо Л.Б. Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.). К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Глава X. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2009. С. 783–812.

Фонд 3. Археологический институт в Петербурге – Петрограде (1877–1923).

Дата поступления – 1925 г. Негативов – 1259, отпечатков – 326. Съёмка: 1877–1923 гг.

Материал по русской палеографии, геральдике, византийской миниатюре, в том числе миниатюры Менелогия Василия II из Ватиканского собрания, снятые непосредственно с памятника. Археологический материал: снимки раскопок Н.Е. Макаренко и В.В. Соханева Мордвиновского кургана близ Каховки (1914 г.). Снимки «каменных баб» из Аскании-Нова; памятники архитектуры Львова и Кракова; Успенский собор во Владимире (1880-е годы).

Фонд 4. Ленинградский Государственный музейный фонд (1918–1928).

Дата поступления – 1928 г. Негативов – 2250, отпечатков – 3657. Съёмка: 1873–1928 гг.

Коллекция снимков 1906–1911 гг. фотографа А.Т. Лебедева некрополей Петербурга, Москвы и ближайших окрестностей столицы. Регистрационные снимки 1919–1928 гг. памятников архитектуры, монументальной скульптуры и предметов внутреннего убранства дворцов и особняков Петрограда – Ленинграда и пригородов, особенно Павловского дворца. Оригинальные снимки известных западноевропейских фотомастеров памятников архитектуры, скульптуры и живописи Италии, Испании, Греции и других стран. Альбом снимков Г. Рольфа экспедиции 1873–1874 гг. в Ливийскую пустыню с фиксацией ландшафтов и археологических памятников по маршруту экспедиции.

Фонд 5. Ленинградский отдел Охраны памятников Комитета по делам искусств (1936–1945).

Дата поступления – 1938 г. Негативов – 41, отпечатков – 478. Съемка: 1938 г.

Снимки памятников архитектуры северных и западных районов европейской части России, по Архангельской области – снимки монументальных памятников Сольвычегодска и предметов церковного прикладного искусства в собрании музея. Имеется материал по Казанскому кремлю и соборам Свияжска.

Фонд 6. Ленинградская Реставрационная мастерская Главнауки (1918–1930).

Дата поступления – 1927 и 1930 г. Негативов – 2531, отпечатков – 277. Съемка: 1920–1929 гг.

Снимки, связанные с реставрационными работами мастерской в 1920–1929 гг.: в Петрограде – Ленинграде и области (Адмиралтейский шпиль и скульптуры, Ростральные колонны, Исаакиевский собор, скульптуры у Горного института, в кухонном корпусе Елагина дворца и др.); в Новгороде (церковь Рождества на кладбище, звонница Софийского собора); церковь Георгия в Старой Ладоге; в Ферапонтове и Кирилло-Белозерском монастырях; фиксация ряда древних зданий Пскова. Снимки реставратора Ф.А. Каликина из его поездки по Ленинградской области и Карелии для регистрации архитектурных памятников (1920–1928 гг.). Серия снимков памятников архитектуры Средней Азии (Самарканд, Бухара, Ташкент).

Фонд 7. Комитет популяризации художественных изданий (1920–1931) (КПХИ).

Дата поступления – 1932 г. Негативов – 1706, отпечатков – 379, открыток – 375. Съемка: 1890–1920 гг.

В собрание вошли материалы Комитета, унаследованные в 1920 г. от Издательства Общины Св. Евгении и Общества поощрения художеств в Петербурге. Видовые снимки 1896–1917 гг. городов и местностей европейской части России и Сибири. Снимки

картин собраний Эрмитажа, Русского музея и др. и «Выставки исторических портретов 1905 г. в Таврическом дворце». В архиве фотоархива имеется рукописная опись собрания открыток Издательства Общины Св. Евгении, составленная в 1917 г.

Литература по фонду КПХИ:

Каталог открытых писем Общины Св. Евгении (исправленный и дополненный) // *Третьяков В.П.* Открытые письма Серебряного века. СПб., 2000. С. 273–347.

Фонд 8. Дворец-музей Шуваловых в Петрограде – Ленинграде (1922–1925).

Дата поступления – 1925 г. Негативов – 295, отпечатков – 981. Съемка: 1840-е – 1924 г.

Снимки 1919–1924 гг. интерьеров дворца-музея и предметов его художественного собрания. Снимки фотографического собрания графов Шуваловых, сделанные до 1917 г. фотографом М. Белявским. Серия снимков с видами дворца на Фонтанке, загородного особняка Шуваловых в Парголово, сгоревшего в конце XIX в., и церкви Петра и Павла в Шуваловском парке, а также дворца, церкви и часовни в с. Тальное Уманского уезда Киевской губернии; дворца и сада в имении «Марьино» в с. Ивановском Львовского уезда Курской губернии, дома в имении «Мисхор» в Крыму и виллы «Оливуцца» в Палермо в Италии. Альбом этнологических снимков, посвященный имени Е.В. Шуваловой в Дубно Волынской губернии и близлежащих хуторов и предместий (снимки 1900-х годов). Ряд снимков фотографа А.А. Якушина из Перми, сделанных на чугунолитейном и механическом заводе графа Шувалова на ст. Лысьва Пермского горного округа, в том числе виды храма и памятника П.П. Шувалову. Оригинальные фотографии коллекции графов Шуваловых, датированные 1851–1917 гг., в том числе снимки западноевропейских мастеров памятников архитектуры и итальянского искусства эпохи Возрождения и античности; Великобритании, Германии, Франции, Польши, Греции, Египта. Снимки

ряда памятников архитектуры Петербурга, Москвы, Новгорода и Тифлиса.

*Литература по фонду
Дворца-музея Шуваловых:*

Длужневская Г.В. Фонд графов Шуваловых в фотоархиве Института истории материальной культуры Российской Академии Наук // Россия. Романовы. Урал. Вып. 2. Материалы научных чтений, посвященных памяти великого князя Николая Михайловича. Екатеринбург, апрель 1994 – апрель 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 123–127.

Длужневская Г.В. Коллекция снимков графов Шуваловых // Коллекционеры и меценаты дореволюционного Урала. Очерки истории Урала. Вып. 8. Меценаты и коллекционеры Урала. Екатеринбург, 1999. С. 113–121.

Лазаревская Н.А. Художественные коллекции дворца Шуваловых на Фонтанке, 21. К постановке проблемы изучения (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Петербургские чтения, 1998, 1999. СПб., 1999. С. 83–88.

Фонд 44. Библиотека Зимнего дворца (до 1917 г.).

Дата поступления – 1920-е годы. Негативов – 4, отпечатков – 234. Съемка: 1880–1900-е годы.

Собрание представляет часть коллекции фотоснимков, собиравшихся императорской семьей (императорами Александром II, Александром III и Николаем II) и хранившихся в Библиотеке Зимнего дворца. Два альбома с видами соборов, церквей, больницы и богадельни и снимками предметов из ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; альбом «Полковой храм, возведенный 111-м пехотным донским полком в г. Мариамполе Сувалкской губернии в 1901 году». Альбомы с видами Константинополя, русских церквей в Вене и Дармштадте, храма в Мукдене, Александро-Невского собора в Ревеле и др. Альбом «Молитвенные и благотворительные памятники близ станции Борки»;

общие виды и интерьеры собора во имя Александра Невского в Абастумани с росписями художника М.В. Нестерова; альбом с видами природы и архитектуры Крыма, Большого дворца в Ливадии.

*Литература по фонду
«Библиотека Зимнего дворца»:*

Длужневская Г.В. Фотографии из Собственной библиотеки императора Николая II в собрании фотоархива Института истории материальной культуры РАН // Археологические вести. № 5. СПб., 1998. С. 382–384.

Моисеева Н.Д. История дома Романовых в XIX веке (по фондам фотоархива Института истории материальной культуры РАН) // Археологические вести. № 5. СПб., 1998. С. 385–390.

Фонд 45. Библиотека Мраморного дворца (до 1917 г.).

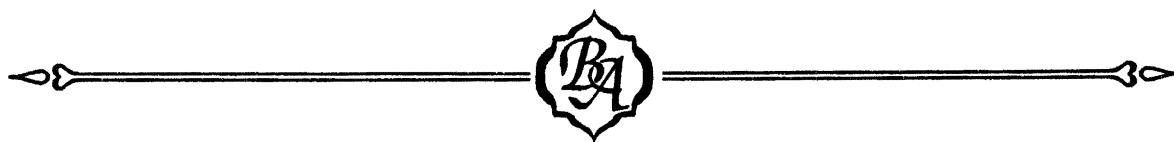
Даты поступления – 1924–1925, 1927–1932 гг. Негативов – 260, отпечатков – 4531. Съемка: 1870–1920-е годы.

Коллекция сброшюрованных альбомов и отдельных фотоснимков, собиравшихся великими князьями Константином Николаевичем и Константином Константиновичем в течение 50 лет и хранившихся в библиотеке дворца, в котором с 1919 по 1937 г. размещалась РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР. Снимки памятников архитектуры, живописи и скульптуры европейских стран (Германия, Италия, Сербия и др.), Китая, Алжира, Египта; памятников архитектуры русских городов (Петербурга, Павловска, Троице-Сергиевой Лавры и др.); ландшафтные и этнологические снимки Восточной и Западной Сибири; железнодорожные и прочие мосты; снимки картин Эрмитажа и западноевропейских музеев.

*Литература по фонду
«Библиотека Мраморного дворца»:*

Васильев Д.Д., Длужневская Г.В. Фотографии Пекина второй половины XIX в. (из

- коллекции великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента РАН Константина Константиновича из Фонда Мраморного дворца в Фотоархиве ИИМК РАН) // В потоке научного творчества. Сборник статей к 80-летию В.С. Мясникова. М.: Наука, 2011. С. 283–295.
- Девель Т.М.* Альбом фотографий миссии полковника Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 года // Страны и народы Востока (география, этнография, история, культура). Вып. XXVIII. СПб., 1994. С. 259–271.
- Длужневская Г.В.* Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич – государственный деятель, реформатор флота и собиратель фотодокументов по истории и культуре Российской империи // Пятые Елагинские чтения. СПб.: Изд. Остров, 2011. С. 87–98.
- Длужневская Г.В.* Фонд «Библиотека Мраморного дворца» в научном архиве ИИМК РАН // Археологические вести. № 12. СПб.: Изд. Дмитрий Булавин, 2005. С. 274–290.
- Длужневская Г.В.* Фонд 45. Библиотека Мраморного дворца. Материалы фотоархива Института истории материальной культуры РАН // Восточный архив. № 10. М., 2003. С. 86–98.
- Длужневская Г.В.* Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Константина Константиновича // Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Том II. СПб., 1999. С. 286–308.
- Длужневская Г.В.* Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Академии наук Константина Константиновича // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 1 (1). СПб., 2011. С. 4–14.
- Монастыри и скиты святой горы Афон в фотографиях из альбома великого князя Константина Константиновича Романова. Автор-составитель Вздорнов Г.И. М., 2003. 112 с.
- Санкт-Петербург. 1861 год. Комментарий Г.В. Длужневской. СПб., 1993.
- (Окончание в следующем номере)*
-
- ¹ Научный архив ИИМК, рукописный отдел. Ф. 2. 1933. Д. 73. Л. 33.
- ² Там же. Ф. 35. Оп. 6. Д. 25. Л. 30.

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВОСТОЧНЫЙ АРХИВ»

По предложению редколлегии нашего журнала Институт востоковедения РАН начал издание серии книг «Библиотека журнала «Восточный архив»». В этой серии будут публиковаться сравнительно небольшие по объему (как правило, в пределах 10 авт. листов) сборники документов и монографии, основанные на архивных материалах. В сентябре вышли из печати две первые книги этой серии: монография постоянного автора нашего журнала из Екатеринбурга А.В. Антошина «Золото Сеннара. Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века» и подготовленный мною сборник хождений «Египет глазами россиян XV–XVIII веков».

В.В. Беляков

В.Г. Воловников

СМЕЙТЕСЬ, ГЛЯДЯ НА ВРАГА

О монографии Т.А. Филипповой «Враг с Востока»

Монография Т.А. Филипповой «"Враг с Востока"». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века» (М., 2012) сразу привлекает внимание. В название книги включен заголовок некогда знаменитой статьи В.С. Соловьева 1905 г., настраивающий на серьезный разговор. Но здесь же и упоминание сатирической журналистики тех лет, что обещает одновременно и некоторую занимательность.

В студенческие годы, занимаясь в любимой Исторической библиотеке, заказывая необходимые книги, я делал заказ и на какой-либо старый журнал, в особенности – сатирический, так сказать, «на десерт». Передо мной прошли и «Будильник», и «Осколки», и «Искры», и «Сатирикон», и «Шут», и многие другие журналы – редкие издания даже в наше всемогущее время Всемирной паутины! Старая периодика со временем становится уже важным историческим источником. Почему я любил эти издания? Во-первых, играл роль страстный интерес начинающего историка, желание не только узнать о прошлом, но и «увидеть» его (тем более в советские времена сделать это было не так просто, как сейчас). К тому же на страницах периодики хорошо ощущался аромат эпохи (чего стоили, например, такие заголовки, как «Наши министры на отдыхе» или из «Парижа пишут»). Старинные журналы привлекали и отсутствием советской цензуры. Публикуемые карикатуры, фельетоны и политические анекдоты часто создавали в моей голове аллюзии, наталкивали на реалии «наших дней», что делало просмотр еще более приятным и поучительным.

Уверен, что захватывающим изучение сатирических журналов было и для Т.А. Филипповой – её увлеченность нескрываясь просматривается в содержании и стиле мо-

нографии. Автор выполнила колоссальную работу, выявив в периодических изданиях огромный комплекс сатирических рисунков, фельетонов, стихотворений (большинство из которых не воспроизводились последние сто лет) и сконцентрировав лучшие из них в своей книге. Без профессионального азарта, без интереса к политической сатире, без любви к истории Востока (вообще – к Востоку) сделать подобную работу было бы невозможно. Еще увлекательнее и важнее стал для автора анализ собранного материала. Анализ, который включает исторический, социокультурный, культурно-антропологический аспекты, ведётся автором на разных семантических уровнях деконструкции смыслов сатирических образов и развития российских фобий в адрес того или иного «врага с Востока». При этом автор оперирует значительным комплексом научной литературы, российской и зарубежной, в основном последних лет издания.

Т.А. Филиппова исследует проблему возникновения и развития образов «врага с Востока». Речь при этом идет не о создаваемом пропагандой «злом и коварном» образе врага, но об окарикатуренном, вызывающем смех образе-стереотипе. Смех всемогущ! Природе смеха посвящены интереснейшие исследования классиков отечественной и зарубежной гуманитарной науки. Гениально точно сформулировал В.Я. Пропп: «Культура человека в основе своей поистине есть смеховая культура, смешение природного и человеческого, социального и личностного, меня и другого, индивидуального и универсального»¹. «Смех включает в себе разрушительное и созидательное начала одновременно. – считал Д.С. Лихачев. – Смех "оглушает", "вскрывает", "разоблачает", "обнажает"»². Карикатура обладает особенной силой смехового воздействия. Картинка дос-

тупна восприятию каждого – особенно в такой безграмотной стране, какой на протяжении веков была Россия. Не случайно, что сатирический лубок и карикатура имеют здесь очень глубокую традицию и так любимы народом. Как не вспомнить «летучие листы» эпохи Отечественной войны 1812 г., приобретшие значение не только в политической истории страны, но и в истории русского искусства. То же – и с легендарными «Окнами сатиры РОСТА», а потом и с «Окнами ТАСС» (казалось бы, в ужасное для всех время, когда совсем не до смеха, зловещая фигура Гитлера не способна поддаться разрушению сатирой, но на деле еще как поддавалась!). Одной из причин (но далеко не самой важной) такого эффекта было то, что, как писал М.М. Бахтин, «серьезность вызывала недоверие у народа. Это был официальный тон, к которому и относились как ко всему официальному. Серьезность угнетала, пугала, сковывала; она лгала и лицемерила; она была скупой и постной»³. И дубовая по своему происхождению официальная пропаганда, меняясь, вполне уясняла эту истину. Не случайно «война – это та почва, на которой лубок разрастается бурной травой»⁴. Но если лубочная картинка обращена была прежде всего к человеку простому, чаще всего неграмотному, то политическая карикатура требовала определенного культурного уровня, тем более карикатура на страницах далеко не бульварных периодических изданий, ведь «мудреца всегда труднее рассмешить, чем простака» (С.С. Аверинцев).

Благодаря проанализированным Т.А. Филипповой рисункам, сатирическим стихам и фельетонам можно судить о политических взглядах и пристрастиях подписчиков данных журналов – городского образованного населения, составлявшего важную прослойку российского общества. А также в целом – и об уровне знаний обществом геополитической ситуации в мире в рассматриваемую эпоху, в частности, на Востоке.

Первая часть исследования посвящена образу Японии и японцев в связи с войной 1904–1905 гг. Эпиграфом к одному подраз-

делу автор взяла слова С.Ю. Витте: «Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной, бессильной, то не втюрились бы мы в эту войну». Действительно, объективных и точных знаний о дальневосточном соседе и его подлинной оценке в России тогда не существовало, хотя дипломатические и торговые отношения установлены были еще в 1850-х годах. Имевшиеся же представления основывались на таких публикациях, как книги военного востоковеда, полковника (а позже генерала) М.И. Венюкова⁵, путешествовавшего по Дальнему Востоку и побывавшего в Японии. Это очень хорошие работы, но созданные еще в 1869–1870 годах! В пореформенную эпоху как для Японии (после революции Мэйдзи), так и для самой России. Десятилетие спустя легендарные экспедиции по Дальнему Востоку совершал Н.М. Пржевальский. Он приобрел известность не только научными открытиями, но и откровенно шовинистическими и милитаристскими высказываниями о странах и народах исследуемого региона (хотя в Японии не бывал). Чего стоят такие его слова: «Здесь китайец – это жид плюс московский мазурик, и оба в квадрате. Но то прискорбно видеть, что европейцы церемонятся с этой сволочью... По моему мнению, только одни ружья и пушки европейцев могут сделать здесь какое-либо дело»⁶. Отметим, что Н.М. Пржевальский был очень популярной личностью в российском обществе. Им восхищался и наследник российского престола цесаревич Николай Александрович, который лично был знаком с Н.М. Пржевальским, неоднократно встречался с ним и поддерживал с ним переписку. Прославленный путешественник оказал на будущего царя огромное влияние. Не случайно, по мнению историков, его «конкистадорский империализм» и стремление к порабощению местных жителей явились важным элементом российской политики на Дальнем Востоке в конце XIX в.⁷ В 1890–1891 гг. Николай Александрович проделал самостоятельное большое путешествие по Востоку (побывал и в Стране восходящего солнца). Он остался очаро-

ван древней культурой и экзотикой, но на него произвело также впечатление жалкое и подчиненное положение, в котором находились народы увиденных стран. Будущий царь опрометчиво уверился, что вполне сможет стать их повелителем⁸.

Следующий всплеск интереса к Японии был связан с победой этой «молодой» и «маленькой» в географическом смысле страны над огромным и казавшимся вечным цинским Китаем в войне 1894–1895 гг. Но внимание привлекла, скорее, не победившая Япония, а побежденный Китай, на который (в Маньчжурии) распространялись российские интересы. Знаний о Японии оставалось мало, и этой страной всё еще интересовались недостаточно. Отдельные публикации в малодоступных «Сборниках материалов по Азии» (выходивших с 1883 г.) – не в счёт. Даже поездка на Дальний Восток и Японию летом 1903 г. военного министра А.Н. Куропаткина и составленный им по результатам этой поездки доклад остались без должного внимания. Недостаток реальной информации и недооценка Японии проявились в том, что Россия не разглядела появление новой сильной державы, а кроме того, создала условия для возникновения войны своими очень недальновидными действиями в Корее и на Ляодунском полуострове, злившими и провоцировавшими Японию. Если царское правительство и понимало это, то, во всяком случае, серьезно не опасалось нового «врага», поначалу и не считая Японию таковым.

Как в зеркале, такая позиция отразилась в политических карикатурах российских изданий. Японцы изображались молоденькими, маленькими, тщедушными. На одном из рисунков 1904 г. девушка в национальном русском платье – Россия – дерет за ухо мальчишку-японца, чтобы вывести его из комнаты, где за столом сидят «взрослые» – великие державы Европы. На другой карикатуре – грузный бог войны Марс, смеясь, пренебрежительно поглядывает на крошечную, опять же, фигурку суетливо-агрессивного япончика. (Отметим, что маленьким японцем изображался не только на россий-

ских рисунках. Английский журнал «Punch», например, изображал в 1904 г. огромного русского медведя, побеждаемого небольшим по росту японцем. Но в данном случае причина лишь в сопоставлении величины, а не значимости – «большого» и «маленького»).

Показателен заголовок упомянутого выше подраздела монографии Т.А. Филипповой – «“Макаки”, “лягушки”, “змеи” и “коты” – зоология враждебности в ситуации шока». Именно такими эпитетами награждались японцы после того, как они начали военные действия против России, не ожидавшей войны и испытавшей в её начале истинный шок. «Когда началась последняя ужасная и несчастная война, – писал С.Ю. Витте, – то в архивах всех министерств можно было найти официальные доклады с высочайшими подписями, в которых император называет японцев макаками»⁹. Официальная пропаганда вторила. Побывавший на той войне врач и писатель В.В. Вересаев свидетельствовал: «В витринах магазинов ярко пестрели лубочные картины удивительно хамского содержания. На одной огромный казак с свирепо ухмыляющеюся рожею сёк нагайкою маленького, испуганно вопящего японца; на другой картинке живописалось, “как русский матрос разбил японцу нос”, – по плачущему лицу японца текла кровь, зубья дождем сыпались в синие волны. Маленькие “макаки” извивались под сапожниками лохматого чудовища с кровожадною рожею, и это чудовище олицетворяло Россию. <...> Русские патриотические газеты закипели воинственным жаром. Они кричали об адском вероломстве и азиатском коварстве японцев, напавших на нас без объявления войны»¹⁰. Вероломные, хитрые враги-японцы, крадучись пробирающиеся в ночи к русским крепостям с кинжалом в руке, являлись предметом осуждения и осмеяния в сатирических журналах военного времени.

На картинках и лубках тех лет Япония изображалась в виде раздувшейся толстой лягушки, как, например, на обложке «Будильника» в 1904 г., воспроизведенной в монографии. В связи с чем вспоминается так-

же знаменитый плакат под названием «Лягушка-дура у Порт-Артура». Среди рассматриваемых карикатур есть большой их ряд с изображениями американского дядюшки Сэма и англичанина Джона Булля, так или иначе вмешивающихся в конфликт. Автор делает акцент на том, что русско-японская война была необычной войной не только по уровню техники и по тактике. Она стала преддверием, первым шагом в большой войне, которая медленно заваривалась и охватила вскоре весь мир. На Дальнем Востоке сходились интересы Японии, России, Англии, США; Германия была заинтересована в том, чтобы увести Россию от Европы в сторону Востока. (Интересный замкнутый круг «вражды» – за «врагом с Востока» стоит «враг с Запада»). Неслучайно к концу XIX в. политической западной мыслью овладел миф о жёлтой опасности. Миф, который был выгоден политикам ведущих государств в преддверии мировой войны. «Азиатские народы, которые не будут разбужены нами, станут для России опасностью ещё большей, чем враги с Запада»¹¹.

Итак, враг – «жёлтая опасность», враг, пока видимый лишь политикам, но не обществу. Образ его необходимо было воплотить и заставить «работать» в целях пропаганды. Какими средствами он воплощался – анализирует автор монографии. После поражения России в войне русская (а потом и советская) пропаганда усвоила драматический опыт знакомства с «солдатом Восхода солнца» и впредь относились к Японии и японцам иначе, считая их очень серьезным противником.

Значение военных конфликтов на Востоке (с участием России и без) в начале XX в. как предыстории и пролога грядущей мировой войны автор прослеживает на протяжении всей книги – с первой по шестую главу, воспроизводя на страницах многие сатирические рисунки, стихи и фельетоны на тему этих столкновений. Их подборка и анализ не оставляют сомнений в том, что наиболее вдумчивому и просвещённому читателю той эпохи опасность надвигающейся мировой катастрофы не могла не быть заметной.

Если о Японии к началу XX в. в России известно было очень мало, то о другом соседе – Османской империи – знания были самые основательные и исторически укоренённые. Отношения с ней в эту эпоху, как и в предыдущие времена – XVII–XIX вв. – были одним из основных направлений российской внешней политики (накануне Первой мировой войны только в азиатской Турции насчитывалось около 30 российских консульств). Это определяло и интерес к этой стране, и хорошую информированность о ней – Турции были посвящены многочисленные работы ученых-востоковедов, дипломатов, военных. И Турция, в отличие, например, от Японии – это противник традиционный (как-никак, уже 11 войн к тому времени с ней было, в подавляющем большинстве из которых Россия одерживала победы!) Но если образ коварного врага-японца был актуален (с ним шла реальная война), то турок в рассматриваемый период – противник уже не опасный, даже никудышный, дряхлый. Именно таким предстает образ турка на рассматриваемых Т.А. Филипповой сатирических рисунках. Изображенная на картинках дряхлость «обобщенного» турка вызывала аллюзию с пожилыми османскими султанами: Абдул Хамидом II, правившим более тридцати лет, и его преемником Мехмедом V. На фоне дряхлой, старой турецкой власти молодым (но не юным), серьезным, энергичным и сильным изображался образ младотурка, олицетворявшего начавшиеся в Порте перемены.

Т.Ф. Филиппова задерживает внимание на такой экстравагантной теме, как женское начало в воплощении «образов Востока», посвящая ей очень интересную 4 главу монографии «Восточный соблазн». Художники и журналисты умело обыгрывали традиционную при изображении и восприятии Востока европейцами «женскую тему» – гаремы, многоженство, одалиски, танцовщицы... Анализ этой темы, по мнению автора, «обогащает исследование причудливой стилистикой журнальных трактовок “женщины Востока”, её реальной и надуманной сатириками роли в “делах мужчин”». При этом для

рисунков, стихов и анекдотов часто характерны издевательские насмешки – «смех над человеческой слабостью», «скабрёзные намеки». Они не выглядят, однако, пошло, но помогают осмеиванию, усиливают «карнавальный» – по М.М. Бахтину – эффект «женских образов» в восточном контексте.

Остро-сатирическая трактовка турецких проблем, а этому в карикатурах уделено очень большое место, требовала от зрителя – российской интеллигенции – определенных знаний, эрудиции и умения хорошо разбираться в проблеме. «Правители-султаны», «турецкие чиновники», «младотурецкая революция» и «младотурецкий режим», «восстановление конституции», «казни, зверства и потоки крови при новом режиме», «пантюркизм», «армянские реформы», «итало-турецкая война», «Балканские войны» и т.п. Непосвященному в эти дела зрителю картинка была бы и непонятна, и просто неинтересна!

Еще одно важное наблюдение Т.А. Филипповой при анализе российской сатирической журналистики: внешний враг – повод с юмором взглянуть на себя, отметить собственные ошибки, предрассудки и слабости – ретроспективно отразить ситуацию. Это особенно видно в сатире на «турецкие» темы, она менее воинственна, чем, например, антияпонская, и больше сконцентрирована на общих проблемах социально-политических преобразований, то есть, говоря современным языком, на трудностях модернизации.

В своем предисловии к рассматриваемой монографии профессор В.И. Шерemet справедливо подчеркнул, что эта книга является одним из наиболее удачных примеров исследовательского проекта, посвященного «проблеме “Я” в зеркале проблем “иного”». Как пишет Т.А. Филиппова, происходило «постепенное преодоление “языка вражды” и риторик враждебности в пользу *понимающей критики*». При этом, анализируя такой источник, как российская сатирическая печать начала XX века, можно говорить о заслуге как авторов – художников и журналистов, обративших свой взгляд на «Восток», так и о растущей потребности в

рефлексии читателей и зрителей – российского просвещенного общества. Подобное достижение *понимающей* русской дореволюционной сатиры было приостановлено с началом Первой мировой войны, а затем полностью утрачено в советскую эпоху, когда образ врага упростился, став примитивным и скучным для восприятия. В этом, наверное, заключалась основная причина того, что разглядывать старинные сатирические журналы, а также читать об их истории мне доставляло и доставляет огромное удовольствие – с этого я начал свою скромную рецензию и этим хочу её закончить.

Примечания

¹ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999. С. 133.

² Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 3.

³ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Наука, 1965. С. 105.

⁴ Славенсон В. Война и лубок // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 91.

⁵ Это: «Очерки Японии», «Обозрение Японского архипелага», статьи в «Военных сборниках», «Русской мысли» и «Русском инвалиде», «Известиях Императорского Географического общества» – изданиях отнюдь не массовых. А также «Из воспоминаний М.И. Венюкова», выпущенных в Амстердаме в 1895–1901 гг.

⁶ См.: Энгельгардт М.А. Николай Пржевальский. Его жизнь и путешествия. СПб., 1891.

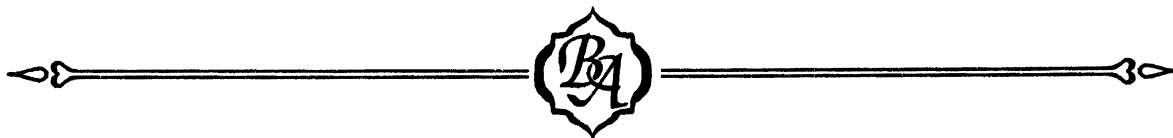
⁷ См.: Рыженков М.Р. «Патриотические газеты и журналы писали...» // Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 63–64; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: НЛЮ. 2009. С. 62.

⁸ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911. Т. 1. М.: Терра. 1997. С. 366.

⁹ Там же. С. 438.

¹⁰ Вересаев В.В. На японской войне // Собр. соч. в 5 т. Т. 3. М.: Правда, 1961. С. 5–6.

¹¹ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношении России и Запада к Востоку. СПб., 1900. С. 85.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ДРУГА

15 апреля 2013 г. в Ашхабаде трагически погиб известный туркменский историк Овез Атаевич Гундогдыев.

О.А. Гундогдыев родился в 1966 г. в Ашхабаде. В 1990 г. с отличием закончил исторический факультет Туркменского государственного университета им. Махтумкули. После окончания учебы работал в Институте истории им. Ш. Батырова АН Туркменистана. Параллельно до 1997 г. занимал должность заместителя директора Национального музея истории и этнографии Туркменистана. С 1998 по 2001 г. О.А. Гундогдыев – заведующий Отделом этнической истории Института истории при Кабинете министров Туркменистана. С 2001 по 2009 г. – заведующий Отделом культуры Востока и заведующий Отделом археологии и этнологии и заместитель директора по научной работе Государственного института культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока при Президенте Туркменистана. В 2009 г. он был назначен заместителем директора по научной работе Института археологии и этнографии АН Туркменистана, где и проработал до конца своих дней.

В 1994 г. О.А. Гундогдыев защитил кандидатскую диссертацию, посвященную истории текинского конного полка.

О.А. Гундогдыев – организатор и участник международных научных конференций и симпозиумов, консультант художественных и документальных фильмов по истории Центральной Азии. Он входил в состав международных редколлегий: ежегодника «Культурные ценности» (РФ), дайджеста «Central Asia Cultural Values» (Италия), журнала «Единство в многообразии» (Болгария), журналов «Демократия и право» и «Medeniyet» (Туркменистан).

О.А. Гундогдыев был автором свыше 35 монографий и брошюр, около 1500 научных и популярных статей по политической и военной истории, этнологии, археологии, лингвистике, литературе, искусству, истории, сельскому хозяйству, геральдике, географии, культуре Туркменистана. Его труды были опубликованы не только на родине, но и в США, Франции, Италии, Индии, Турции, Пакистане, Великобритании, Российской Федерации, Украине и соседних с Туркменистаном государствах. Он являлся одним из авторов многотомной истории Туркменистана и учебника по истории для средних школ, автором-составителем энциклопедического словаря «Историко-культурное наследие Туркменистана».

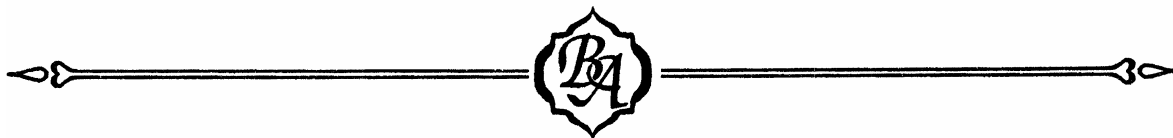
Среди монографий О.А. Гундогдыева: «Прошлое туркмен» (Москва, 1998), «Боевой путь текинского конного полка (1914–1918 гг.)» (Ашхабад, 2012), «Туркмены и народы мира» (Ашхабад, 2012) и др.

Под научным руководством О.А. Гундогдыева завершают работы над кандидатскими диссертациями 8 аспирантов и соискателей.

Постановлениями Президента Туркменистана О.А. Гундогдыев дважды (в 2003 и 2008 гг.) признан победителем Государственного конкурса по литературе, культуре и искусству Туркменистана и награжден золотой цепью. Указами Президента Туркменистана в 1999 г. он был награжден медалью «За любовь к Отечеству», а в 2011 г. – медалью «20 лет независимости Туркменистана».

Среди российских востоковедов у Овеза Атаевича было много друзей, соавторов и участников его проектов. Коллеги сохраняют добрую память о нем и скорбят вместе с родными и близкими замечательного туркменского ученого.

Д.Д. Васильев
А.А. Бурханов

НАШИ АВТОРЫ

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВОЛОВНИКОВ Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук (Рурский университет, г. Бохум, Германия). E-mail: volovnikov@gmx.de

ГОРБУНОВА Наталья Максовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nigorbunov@mail.ru

ДЛУЖНЕВСКАЯ Галина Вацлавовна – доктор исторических наук, заведующая научным архивом Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: dluzh@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

ЛЕЩЕНКО Нелли Федоровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tokhis@mail.ru

ЛИСИЦЫНА Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. E-mail: lisitsyna2n@mail.ru

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Сектором региональных проблем и международных отношений Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru

ХОХЛОВ Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru

ХОХЛОВА Валентина Павловна – научный сотрудник Института Африки РАН, в настоящее время на пенсии. E-mail: vhohlova@mail.ru